

МАРИНА
ЭЛЬДЕНБЕРГ

КНИГА 2
ЛУНА
ВЕРХСВЯТОГО

16+

Annotation

Говорят, что встретить истинного в наше время невозможно, что это сказки для волчат. Но одна ночь переворачивают мою упорядоченную жизнь, случайная встреча дарит мне мою волчью пару. Только Рамон Перес отказывается признавать, что мы предназначены друг другу. Он холоден, суров, и заявляет, что от меня ему нужен только ребенок. Учитывая, что это мой единственный шанс стать матерью, я не собираюсь отдавать моего малыша. Правда, оказывается, что убеждение истинного не единственная моя проблема. Вторая книга трилогии.

-
- [Марина Эльденберт](#)

-

Марина Эльденберт

Луна Верховного 2

ЛУНА ВЕРХОВНОГО 2

ГЛАВА 1

Венера

– Твой брат, Микаэль. Рамон погиб.

У меня зашумело в голове, будто саму захлестнуло волной и уволокло под воду с силой водоворота.

Рамон погиб?

Это невозможно,

Этого не может быть.

Это бред!

– Кто вы такая? И почему решили, что Рамон мертв?

Я уже не помню, как оказалась на первом этаже, просто поймала себя на последней ступеньке лестницы. За спиной Микаэля.

Волчица вскидывает голову и будто выстреливает в меня взглядом. Я хорошо знаю этот взгляд. Не у нее, а в принципе. Раздражение, смешанное с высокомерием. Смотрит как на букашку, но мне сейчас все равно.

Не все равно только на ее слова.

– Не думала, Микаэль, что у вас настолько беспардонная стая, чтобы влезать в наш разговор.

Ха! Я не стая, мне все можно! Но Микаэль меня удивляет и за беспардонность не извиняется:

– Сообщаете такую чушь и ждете... Чего? Что мы поверим?

В раздражение вмешивается сочувствие. Но не то сочувствие, когда действительно сопереживаешь чужому горю, а когда думаешь: «Бедные глупые волки, как они живут без мозга?»

– Я спутница верховного старейшины Абрахама, – поясняет она для меня и поворачивает голову в сторону Мика: – Я не прошу тебя мне верить или доверять. Я пришла сюда для того, чтобы сообщить о

гибели Рамона. Вертолет, на котором летели он и верховный старейшина Илайя взорвали. Его обломки упали в море. Вместе с телами вервольфов.

В голове шумит сильнее, хотя мое племя не жалуется на проблемы с давлением или метеочувствительность.

Я бы упала, там, на месте, если бы Микаэль меня не подхватил. Сразу вспоминается и недавняя паническая атака, которая вовсе могла быть не панической атакой, а смертью истинного, которую я почувствовала на расстоянии. Разрывом нашей с ним связи.

Меня всю колотит, горло сдавливает, язык отказывается меня слушаться, а разговор Мика и этой Альмы почти проходит мимо моего сознания. Она говорит о том, что я и так знаю – Рамон отправился за Мишель. Но так и не долетел, его вертолет взорвали.

– Вы привезли его тело? – голос альфы доносится до меня словно издалека. Он держит меня за руку, и только поэтому я держусь.

– Нет, его тело мы пока не нашли. – Облегчение – и новый гвоздь в мое сердце: – Некоторые фрагменты мы еще пытаемся опознать. Сам понимаешь, после взрыва даже вервольфам сложно выжить. Даже если они обладают феноменальными способностями.

Феноменальные способности.

Меня будто бьет этими словами. Наотмашь. Кто в Волчьем Союзе знает о том, что Рамон божественный? Все или только тот, кто пытается управлять его жизнью? Пытался управлять... Нет, Венера, ты не будешь думать, что он действительно мертв!

– Сообщите мне, когда найдете Рамона. Или если он свяжется с вами раньше, чем со мной.

– Надеетесь на лучшее? – приподнимает бровь Альма.

– Я привык доверять фактам. Всего доброго.

Седая волчица поджала губы и, мазнув по мне взглядом, покинула дом Микаэля вместе со своей охраной.

Стоит двери закрыться, как Мик буквально подхватывает соскальзывающую на пол меня. Несет на небольшой диванчик.

– Венера, дыши. Дыши глубоко, – приказ альфы врезается в меня, заставляя делать то, что он говорит. И я делаю вдох и кашляю, потому что его слишком много для той, что только что не дышала. – Венера, это провокация.

Мне хочется в это верить. Всем сердцем хочется.

– Тогда почему он не отвечает на звонки?

– Я не знаю, – Мик выглядит несколько растерянно. – Но я знаю, что у моего брата всегда есть запасной план. А Альма, – он переводит злой взгляд на дверь, – не та, кому бы я доверял.

– Зачем ей лгать?

– Хочет подобраться ко мне. Чтобы у нас не было неприкосновенности. Или к тебе.

– А если она не лжет? – Рядом оказывается Сиенна, за ее спиной маячит Хавьер. Глаза первой волчицы красные. – Что, если Рамона правда больше нет?

– Сиенна! – не то шипит, не то рычит ее пара. Но, кажется, сейчас помощь альфы ей нужнее, чем мне.

– Хавьер, присмотри за Венерой, – приказывает Мик и утаскивает Сиенну куда-то вглубь дома.

У моего телохранителя даже природная смуглость слегка сошла, а так он по-мужски не выдает своих чувств.

– Воды? – интересуется он, но я качаю головой. Кажется, приказ альфы подействовал на меня успокаивающе. Чего он и добивался.

– Что нам делать?

– Ждать, когда Рамон с нами свяжется.

Уверенность Хавьера в верховного меня потрясает.

– А если... Если он не свяжется?

– Тогда жить дальше. Ради вашей дочери.

Три недели спустя

– Альфа, сними приказ.

С этого начиналось каждое мое утро. С моего визита в кабинет Микаэля и с этой просьбы. Я просыпалась, принимала душ, одевалась и спускалась вниз, чтобы в очередной раз вразумить брата Рамона.

– Нет, – даже не отрывается от экрана монитора Мик. Наверное, для него мои просьбы уже привычка, но я не собираюсь сдаваться.

Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь провести под приказом, как провела последние недели.

Приказ альфы – не просто слова. Если ты давала клятву верности, альфа может приказать все, что угодно, и ты исполнишь. Это вшито в подсознание всех вервольфов. Инстинкт. Это можно нарушить, но

тогда расплата неизбежна – тело начинает тебе мстить, чувствуешь себя ужасно. Не морально, потому что нарушил, а физически. Боль в голове, во всех суставах. Я никогда не пробовала, но о таких вещах в стаях рассказывали с детства. Не будешь слушаться альфу – будешь страдать.

Сейчас я бы даже рискнула. Если бы была одна! Если бы нужно было думать только о себе, а не о малышке.

Самое обидное, что именно с нее все и началось. Сначала Альма принесла новости о гибели Рамона, но Мик, а затем Хавьер меня успокоили. Но стоило попытаться подняться с диванчика, низ живота пронзило острой болью. Я взвыла и едва не свалилась на пол. Когда телохранитель понял, в чем дело, то сразу же отнес меня в медицинский корпус. Да, на территории стаи Микаэля был отдельный дом, который можно было считать больницей.

Все закрутилось, завертелось, появилась доктор Сураза, прибежали ассистенты. Я могла только дышать в перерывах между накатывающими волнами боли, а после рядом появился Микаэль. Он приказал мне оставаться спокойной и не думать о том, о чем сообщил Волчий Союз. И о том, что Рамон может быть...

В общем, как только я начинала думать про смерть Рамона у меня начинала кружиться голова. Пресекала эти мысли, и все становилось вроде бы нормально. «Вроде бы» здесь было ключевым, потому что прошло много времени, а я все еще находилась под действием приказа.

– Альфа, это превышение полномочий и злоупотребление властью.

Микаэль наконец-то оторвался от компьютера и недобро сверкнул глазами в мою сторону.

– Венера, ты чуть не потеряла ребенка.

– Доктор сказала, что угрозы не было. Я просто переволновалась. А кто бы на моем месте не волновался?

Я правда чувствовала себя хорошо, и именно это меня и беспокоило. Если бы я, конечно, могла беспокоиться. Но меня как раз раздражало мое спокойствие. Успокоительный приказ Микаэля действовал на меня как антидепрессант. Повышал уровень гормонов счастья в моей крови. Я была счастливой и беззаботной. И мне было плевать, что мой истинный...

Я ухватилась за стул, чтобы не упасть от пошатнувшейся перед глазами картинке, а второй рукой обняла прилично округлившийся живот. Да, малютка подросла и продолжала расти.

Микаэль вскочил со своего места и спустя мгновение был рядом, усаживая меня на стул.

– Может, тогда не было угрозы, но она может возникнуть.

У меня не было страха, не было переживаний, возможно, поэтому я ходила к альфе каждый день. Чтобы получить свой ответ и уйти. Не будь этого проклятого приказа, я бы давно получила то, что хотела.

А я хотела чувствовать. Не под анестезией. Не под приказом

– Угроза может возникнуть, если я выйду на лестницу и снова подумаю о Рамоне, – я посмотрела Мику в глаза, но в ответном взгляде увидела лишь решимость поселить меня на первом этаже и запретить пользоваться лестницей.

Раздражение на мужчин-паникеров вспыхнуло и привычно погасло.

– Я не запрещаю тебе думать о Рамоне, Венера. Я не хочу, чтобы ты нервничала. Чтобы страдала. Мне достаточно матери и Сиенны.

Микаэль морщится, будто от зубной боли, и его можно понять. Приказ-антидепрессант достался только мне, другое дело Анджелина и Сиенна. Мать Рамона практически не выходила из своей комнаты, не спускалась на совместные ужины, ни с кем не общалась, молча переживая горе. Сиенна была ее полной противоположностью. Она могла разрыдаться прямо за обедом, попросить прощения и сбежать. Затем развила бурную деятельность по похоронам Рамона, чтобы проститься с ним «как положено». Эти «похороны» и стали последней каплей в чаше моего терпения. Ни один приказ, ни одно лекарство не смогло поколебать моей решимости отменить эту ерунду.

– Вот именно, альфа. Ты заботишься о себе, а не обо мне.

– Я забочусь о племяннице.

– Нет, тебе лениво разгребать все это дерьмо, – усмехнулась я. Будь я в нормальном состоянии, это мог бы быть сарказм, а так получилось даже весело. Поэтому я посерьезнела. – Ты можешь заботиться о чем угодно или о ком угодно, Микаэль, но отнимать мое святое право переживать за моего мужчину точно не можешь. Это по меньшей мере жестоко.

Мои слова попали точно в цель, потому что альфа помрачнел, словно грозовое небо над Вилемией. Именно такой сейчас была погода за окном.

– Я не хочу, чтобы ты страдала, – выталкивает он из себя.

– Я не сомневаюсь в этом. Но это не твои чувства, мои. Я должна прожить их сейчас. Ты не прав, что так поступаешь со мной.

Альфа смотрит на меня долго, но потом все-таки нехотя кивает.

– Не хочу, чтобы ты присутствовала на похоронах, – признается он.

– Даже не собираюсь участвовать в этом фарсе, что устраивает твоя жена. Я не верю, что Рамон мертв.

Микаэль вскидывает брови, затем хмурится: в его взгляде плещется недоверие пополам с сочувствием. Потом альфа опирается о стол напротив меня и тяжело вздыхает.

– Я снимаю приказ.

Горьковатый привкус волнения врывается в меня, пульс ускоряется от резкого всплеска адреналина, но дышится теперь намного свободнее. Сейчас я все чувствую. Не только волнение, а все чувства, и среди них самое главное – любовь. Именно оно позволяет мне жить и надеяться.

– Ты действительно в это веришь, Венера? Что Рамон...

Он не заканчивает фразу, а я прислушиваюсь к своим чувствам. Гибель пары – это серьезно, и там, где сердце, у меня должна возникнуть черная дыра. Если, конечно, Рамон мертв. Но нет, ничего подобного я не чувствую.

– Я знаю, что он жив, Микаэль.

– Прошло три недели. Брат обязательно дал бы о себе знать. Не стал бы рисковать, когда у меня ты вместе с его дочерью. Он не стал бы заставлять тебя волноваться.

Мик наблюдает за мной, нарочно давит каждым аргументом, но для меня это не аргументы вовсе. Какое счастье думать о случившемся с Рамоном, сопоставлять факты, анализировать.

– Значит, пока он не может сообщить нам о том, что жив.

– Я сначала тоже так думал, но с каждым днем понимал, что продолжаю себя обманывать.

– Это не самообман, альфа. Это вера. Рамон – моя истинная пара. Я бы почувствовала, если бы его... не стало. А я почувствовала, когда

на него напали. Не придала этому значения, но я почувствовала. Ему было больно. Но сейчас... Он будто без сознания.

Во взгляде Мика вспыхивает надежда. Вспыхивает и гаснет.

– Что, если ты ошибаешься?

– Тогда мне придется с этим жить. Жить ради дочери. Но и хоронить Рамона раньше времени я тоже не собираюсь.

Мы смотрим друг друга в глаза, и я понимаю, что альфа мне верит. По крайней мере, верит в то, что верю я.

– Сиенне это не понравится, но мы отложим похороны.

– Спасибо, – киваю я и поднимаюсь.

– Если ты что-то почувствуешь, сразу сообщи мне.

– Договорились, альфа. А ты больше ничего мне не приказывай. Я хочу чувствовать себя и Рамона. Если что-нибудь изменится, ты узнаешь первым.

Микаэль провожает меня до двери.

– Что бы это ни было, – уточняет он. – Даже если мои худшие опасения подтвердятся.

– Тогда ты сможешь прогнать меня со спокойной душой.

– Что? – Он ругается на вилемейском и не позволяет коснуться дверной ручки, преграждая мне путь: – Венера, ты же не думаешь, что я выгоню тебя из стай?

– Рамон оставил меня на два дня, а я задержалась.

– Это не отменяет того, что теперь ты часть семьи. Ты можешь остаться здесь. Независимо от того, жив мой брат или нет.

Это меня немного успокаивает. Если вообще можно оставаться спокойной в такой ситуации. Приказа альфы больше нет, и меня понемногу потряхивает. Но так лучше. Так правильнее. Поднимаясь в свою комнату, я продолжаю прислушиваться к собственным чувствам, но по-прежнему не чувствую связи с Рамоном.

А ведь она была! Мы общались ментально. Я позвала его, когда мне подкинули змей. Рамон убедил меня, что я тогда кричала, но кричала я исключительно мысленно. Получается, если он тогда слышал меня, то может услышать и сейчас.

Остается только позвать.

Чем я и собираюсь заняться в спальне. Ложусь на кровать, делаю глубокий вдох и еще более глубокий выдох. И снова.

Но быстрые шаги и настойчивый стук в дверь нарушают мои планы. Я даже знаю, кто стоит по ту сторону двери, и открывать совсем не хочется.

– Венера, нам нужно поговорить, – не просит, требует первая волчица. Спешка означает только одно – Мик уже передал супруге, что церемонию прощания с верховным придется отложить.

И действительно, когда я сползаю с кровати и открываю ей дверь, Сиенна злая. Глаза сверкают желтым, ноздри раздуты, а ее тон обвиняющий:

– Как ты могла отменить церемонию?

– Я? Это сделал альфа.

– По твоей указке!

– То есть я влияю на решения твоего мужа?

Сиенна откровенно подвисает: открывает и закрывает рот, как рыба, выброшенная на берег. Ответить мне «да» означает признать, что я имею власть над Микаэлем. А если я этой власти не имею, то и какие ко мне претензии?

Удивительно, я выдерживаю яростный взгляд с божественным спокойствием, будто все еще нахожусь под приказом. Сиенна далеко не дура, просто, как когда-то сказал Рамон, слишком импульсивная, иногда сначала делает, потом думает. Как сейчас.

– Я понимаю твои чувства, – она складывает руки на груди. – Действительно понимаю.

А я понимаю, что Сиенна говорит про ребенка, которого когда-то потеряла.

– Но лучше мы сразу простимся с Рамоном. Проводим его в последний путь и перестанем подпитывать себя ложными надеждами.

– Сиенна, Рамон мне все рассказал. Про твою горе. Про его горе. Но это не одно и то же. Мой истинный все еще жив.

– Он не может быть твоим истинным! – выпаливает она и прикусывает губу. Так и читаю в его взгляде злость уже на себя саму. Вроде того, что кое-то сболтнул лишнего.

– Это почему? – хмурюсь я.

– Это обман, понятно? Дар божественных. Чтобы в них влюблялись волчицы. Поэтому Рамон не хотел жениться. Не хотел иметь ничего общего с нашим племенем. С волчицами. Встречался только с людьми. Я тоже считала, что я его истинная. Избранная

прямым потомком самих Предков, особенным волком. И жестоко за это поплатилась.

– Ты сама от него отказалась?

– Это он так сказал? – усмехнулась Сиенна, но как-то совсем невесело. – Ну-ну. Мы должны его похоронить.

В ее глазах решимость, но во мне решимости не меньше.

– Я не собираюсь хоронить живого волка. Я собираюсь достучаться до него. Ментально.

– Ты его не почувствуешь, Венера. Эта связь односторонняя. Была односторонней, пока он...

Она закрывает ладонью рот, резко поворачивается и уходит.

А я возвращаюсь на кровать, к прерванному занятию. Только сосредоточиться не так просто. Слова Сиенны разбредили старые раны, а еще совсем меня запутали. Что же случилось тогда, десять лет назад? Между ней и Рамоном. Кто от кого отказался на самом деле? Мне нужно все выяснить.

Как ни странно, сфокусироваться помогает дочь. Она начинает толкаться, напоминая мне о важных вещах. О том, что надо бы найти ее папу. Найти и передать ему, что он не один.

Я дышу, пока не расслабляюсь полностью. Раньше, когда меня преследовали панические атаки, я делала это для того, чтобы заглянуть вглубь своего сознания. Сейчас я делаю это для того, чтобы заглянуть в сознание истинного.

Но натыкаюсь на плотную стену. Как будто не могу до него дотянуться.

А может, и не могу. Может, мы слишком далеко друг от друга.

Кажется, мне нужна консультация специалиста. То есть того, у кого есть истинная пара.

ГЛАВА 2

Я была знакома, по меньшей мере, с двумя истинными парами, но, не раздумывая, открыла ноутбук и написала Чарли и Доминику. Я бы сразу позвонила, но в Крайтоне еще слишком рано, а значит, нужно немного подождать. Несколько часов – всего ничего в сравнении с потерянным временем.

С Чарли я связывалась несколько раз будучи под приказом, но, конечно же, ни слова о Рамоне не сказала. Судя по нашему последнему разговору, Волчий Союз также не спешил объявлять всем об атаке на верховных. Доминик тоже ничего не знал, несмотря на то что был старейшиной Легории. Но если я расскажу, он может мне помочь. Действительно может помочь. Что-то узнать. Как-то найти моего истинного. Я почти себя убедила, что теперь все смогу.

Нужно только дождаться ответа Доминика.

И вот когда чего-то ждешь, время тянется невероятно медленно. Растягивая каждую минуту, трансформируя ее в часы, а то и дни. Но теперь у меня не было приказа, который успокаивал нервы. Успокаиваться приходилось самостоятельно. Поэтому звук шагов и стук в дверь показался мне спасением.

На пороге оказались доктор Сураза и Альваро.

– Добрый день, Венера, – поздоровалась Франческа. – Микаэль сказал, что тебе, возможно, понадобится моя помощь.

Кто бы мог подумать, что альфа такой болтун! Все уже в курсе, что я могу волноваться?

– Альваро вы прихватили за компанию?

– И ради перевода.

Да, я понимаю уже процентов восемьдесят из того, что говорят окружающие. Особенно когда они говорят медленно. Но вот собственное произношение страдает на все четыре лапки, плюс у меня попросту жуткий акцент. Поэтому я всех понимаю, а меня – не всегда.

Альваро сегодня молчалив и мрачен, хотя, может, он в последнее время такой, и я не замечала этого под эйфорией приказа. Но он не спешит вмешиваться в наш с доктором разговор.

– Венера, не нужно было отказываться от помощи Микаэля, – упрекает меня Франческа. – Мы тогда избежали кризиса, но сейчас главное не вернуться к нему. Ты в очень уязвимом положении.

– Я знаю, Франческа. Но я не собираюсь устраивать рыдания в стиле Сиенны. Я сильнее, чем кажется.

Доктор Сураза смотрит на меня с уважением.

– Ты гибкая, – говорит она. – Силу можно победить большей силой, а вот гибкость силой не одолеть.

Франческа кладет ладони на мой живот, прикрывает глаза и чувствует. Это сила волчиц-лекарей, которая окутывает меня мягким

покрывалом. Она лучше современных сканеров.

– Все хорошо, – говорит она, отстраняясь, и я облегченно выдыхаю. Потому что вера верой, но слова Сиенны меня все-таки задели. Как задело то, что я позвала Рамона, а в ответ ничего не услышала. – Ты действительно в порядке, девочка? Все-таки такие новости для всех могут стать ударом.

– Я не верю в его смерть.

– Что? – переспрашивает доктор, а Альваро отлипает от подоконника, на который опирался все это время и поворачивается к нам. В его взгляде неверие и надежда: сейчас он очень похож на альфу.

– Она не верит, что Рамон умер, – повторяет он мои слова и пытливо смотрит на меня: – Не веришь?

– Нет, – качаю головой. Хочется рассказать им про истинную пару, но что-то останавливает меня в последний момент. Словно знаю, что не все это поймут. Если Франческа еще может, то для Альваро это вовсе странно, он человек. Поэтому говорю ту правду, которую проще принять: – Для начала мне нужны доказательства.

– Я тоже об этом говорил, – переходит Альваро на легорийский, в его глазах зажигается огонь, хотя он и не вервольф, но они горят непоколебимой верой. – Пока нет доказательств, я отказываюсь в это верить.

Эта поддержка такая милая. И нужная. Потому что мне надоело упоминание похорон.

– Теперь я вижу, что Микаэль зря меня сюда прислал, – перебивает нас Франческа. – Наша девочка чувствует себя прекрасно. Но Венера... – Она осекается, но потом все-таки продолжает: – Если ты все же получишь доказательства, какими бы они ни были, если почувствуешь, что тебе это нужно, обращайся сразу к Микаэлю. Или зови меня.

– Обязательно, – обещаю я, понимая, что пожилая волчица так заботится обо мне.

– Если честно, – говорит Франческа, прежде чем уйти, – я тоже очень надеюсь, что Рамон жив.

Альваро остается и переходит на вилемейский: мы договорились, что теперь общаемся только по-вилемейски, чтобы я могла практиковаться.

– Не стал говорить при Франческе, но мне кажется, что Волчий Союз играет в свои игры. Может, вообще схватили Рамона и где-то прячут. Но Альма приезжала сюда неспроста.

– Ты тоже поклонник заговоров.

– Какой есть, – невесело усмехается он. – Но Рамон... Он спас мне жизнь. Я ему обязан. Нет, неправильно сказал. Я не могу вернуть ему долг, но если я как-то могу ему помочь, я все сделаю.

Он распаляется настолько, что начинает эмоционально размахивать руками.

– Он спас тебе жизнь? – уточняю осторожно.

– Да, я ребенок из не самой лучшей семьи. Но это не лучшая история для беременной женщины.

– Расскажи мне, Альваро, – прошу я. – У меня крепкие нервы.

– Отца своего не знаю, а мамаша использовала меня вместо бейсбольного мяча, когда я плохо работал. Потом вообще продала.

– Прогдала?!

Для меня, как для будущей матери, это не просто ужасно. Да у меня на голове волосы шевелятся!

– Там, где я жил, это было нормально. Несмотря на то, что преследуется законом. Но спустя время меня купил Рамон и освободил. У меня вроде как врожденная склонность к языкам, так что я оказался полезным.

– Только из-за пользы?

Альваро улыбается так светло, что сложно подумать, что у этого парня такая сложная судьба. Что все эти сложности его не сломили. Он тоже гибкий, может, поэтому мы нашли общий язык?

– Думаю, он меня пожалел. Но вряд ли верховный когда-нибудь признается, что у него большое сердце!

– Я тебя не выдам, – обещаю я в ответ и ойкаю: – Только сейчас заметила, что мы уже несколько минут разговариваем на вилемейском, а я не задумывалась, какое слово выбрать.

– Когда расслабляешься, мозг сам подбрасывает нужные слова.

Точно. Может, у меня не получается связаться с Рамоном, потому что я слишком зациклена на этом?

– У тебя есть план? – спрашивает парень.

– Почему ты так решил? – прищуриваюсь я.

– Считаю это интуицией.

– Я хочу попросить друга о помощи. Жду его звонка.

Совпадение или нет, но звонит мой телефон.

– Он?

Взглянув на часы, я качаю головой: слишком рано, в Крайтоне сейчас четыре тридцать утра. Но это оказывается Микаэль:

– Венера, пожалуйста, спустись в мой кабинет.

Голос у него собранный и серьезный, поэтому я поспешно уточняю:

– Это связано с Рамоном?

– Это связано с тобой.

Понимаю, что он больше ничего не скажет, прошу Альваро пойти со мной. На случай, если альфа придумает для меня новый приказ.

– Не позволяй ему это сделать, – прошу друга.

– Как?

– Просто не позволяй.

Но, оказывается, в этом нет необходимости. Потому что я с порога натыкаюсь на гостя Микаэля.

И на этот раз это Доминик.

Я моргаю, отказываясь верить своим глазам, а затем бросаюсь вперед, обнимаю друга, нарушая все запреты вервольфов на объятия. Мы вообще не любим чужие прикосновения, только от близких людей, но я не могу не обнять Доминика. После всего этого кошмара его присутствие рядом дает мне сил.

Доминик заключает меня в объятия, осторожно, но в то же время будто защищая, проводит ладонью по моим волосам.

– Я тоже рад тебя видеть, Венера.

Слышать родную речь без акцента, слышать его голос – это словно домой вернуться. Он даже пахнет по-особому. Домом. В своей жизни я приносила клятву верности четырежды, но Доминик, наверное, всегда был и останется тем альфой, для которого я делала это со всей своей искренностью. И он здесь.

Он здесь.

– Почему ты здесь? – спрашиваю, отстраняясь и заглядывая ему в глаза.

– Из-за тебя.

Я качаю головой, ничего не понимая.

– Из-за меня?

– Я приехал, чтобы забрать тебя домой, Венера, – объясняет Доминик. Но что-то это вообще ничего не объясняет.

Так.

Я уже не просто отстраняюсь я делаю шаг назад.

– В смысле?

– Нужны какие-то смыслы? – альфа приподнимает бровь. – Кроме тех, что ты член моей стаи, и я прилетел позаботиться о тебе и отвезти тебя в Легорию.

– Венера больше не член твоей стаи, – перебивает Микаэль.

Теперь я обращаю внимания на второго альфу. Он стоит возле своего стола и вид у него, мягко говоря, злой, кажется, что он вот-вот ошетинится или вовсе перекинется в волка. Доминик расслаблен, но это маска. Знаю, что за тех, кого он считает своей стаей, он готов драться. Пусть даже на чужой территории.

Только этого не хватало!

Вдох-выдох, Венера, иначе так можно сойти с ума.

– Для начала я хочу присесть, – говорю я, и, хвала предкам, в этом вопросе мужчины солидарны.

Микаэль подталкивает ко мне кресло, а Доминик помогает в него опуститься. Конечно, я могу сделать это все сама, не до той степени я еще округлилась, чтобы не сесть в кресло, но их забота мне приятна. И радует, что хоть что-то их может объединить. Хотя скорее кто-то.

– Спасибо, – киваю я и поворачиваюсь к другу. – Первый вопрос тебе, Доминик. Почему ты здесь? Я написала тебе где-то час назад, но ты не успел бы за это время пересечь океан.

– Я даже не видел сообщения. Был занят другими делами.

– Разговором с альфой Микаэлем, – предполагаю я.

Доминик знакомо стискивает зубы, так, что у него на лице играют желваки. В этом они похожи с Рамоном. Истинный тоже так делает, когда хочет сдержать чувства.

– Я знаю, что Перес мертв.

– Откуда? – я бросаю взгляд на Микаэля, но тот качает головой. Не от него.

– Волчий Союз рассказал об этом всем старейшинам.

А вот в этом даже не сомневаюсь.

– К вам тоже Альма приезжала?

Судя по хмурому виду Доминика, точно она.

– Они попросили помощи и представили нового верховного старейшину.

Подсуетились, значит! Мне хотелось спросить – кто занял место Рамона, но я сама себя осадила. Это неважно. Важно другое.

– Это не объясняет того, зачем ты приехал за мной.

Доминик нахмурился, будто я сказала что-то абсурдное.

– Потому что Перес мертв, – объяснил он мне по слогам. – И по нашему договору я забираю тебя домой.

Кажется, сегодня я не перестану удивляться.

– Этот пункт был в договоре? – удивленно заморгала я.

Доминик достал телефон из кармана, разблокировал его и вручил мне. Что могло означать только одно – совсем недавно он показывал ту же страницу Микаэлю. Действительно, нужный пункт альфа выделил желтым маркером. Я на него вообще внимания не обратила. Мне даже в голову не пришло, что Рамон может действительно умереть.

Но в пункте говорилось, что в случае его смерти, и я, и ребенок переходили под опеку стаи Доминика.

– Я прилетел, чтобы забрать тебя домой, Венера. – Он мне улыбается, а вот на Микаэля бросает неприязненный взгляд: – И никто не может мне в этом помешать.

Кажется, Мик считает иначе, потому что едва не рычит:

– Венера принесла мне клятву верности. Она теперь член моей стаи.

– Как принесла, так и заберет, – отрезает Доминик. – Точнее ты ее отпустишь.

– Не отпущу. Я дал слово брату, что позабочусь о ней и их дочери.

– Твоего брата больше нет, так позволь его женщине жить, где захочет она.

– А кто сказал, что она этого хочет?

– Я все еще здесь, – напоминаю о своем присутствии.

Они одновременно поворачиваются в мою сторону. А я – что? Меня, конечно, учили не перебивать чужие разговоры и не вмешиваться, когда альфы выясняют, у кого самомнение больше. Но не тогда, когда это напрямую касается моего будущего и будущего моей дочери. А еще моего истинного.

– Венера, ты хочешь домой?

Дом. Какое сладкое слово. И главное, стая Доминика, будь то Морийские леса или моя маленькая уютная квартира в одном из спальных районов Крайтона, действительно были моим домом. Когда-то. До встречи с Рамоном. И Крайтон, и обширные леса на территории Экротов и Брайсов, теперь затмевали прекрасный тропический остров и мужчина, любовь которого я чувствовала всем сердцем.

– Да, – признаюсь честно. – Я очень хочу увидеть Чарли и Анхеля. Повидать своего психоаналитика. Увидеть снег и побегать по знакомым лесам.

Я улыбаюсь через силу, потому что от всех этих воспоминаний, от милого чувства ностальгии комок в горле. Видимо, я недооценила свое положение, гормоны и чувствительность, и теперь принимаю все близко к сердцу. А может, мне просто приятно, что ради меня Доминик пересек полмира.

– Но правильное будет остаться здесь. В стае моего мужчины.

Легкая улыбка Доминика, возникшая на его лице при упоминании Крайтона и окраин, тает. Он смотрит на меня так, будто не верит не одному моему слову, а вот Микаэль даже слегка расслабляется. Я бы даже сказала, веселеет:

– Ты будешь последним *эсдеринос*, если решишь увезти ее силой. Если Венера решила остаться, то пусть остается.

– Оставь нас, – приказывает Доминик.

– Нет, достаточно того, что я тебя впустил тебя в мой дом.

– Альфа Микаэль, – прошу я. – Дай нам поговорить наедине. Пожалуйста.

Мне эта приватность нужна не меньше Доминика. Я хотела попросить его о помощи по видеосвязи, но сделать это лицом к лицу – просто подарок самих предков.

– Вернусь через пять минут, – ворчит Мик, видимо, он не может мне отказать, и все-таки уходит.

Я жду, что меня начнут убеждать уехать, но Доминик не спешит, продолжает на меня смотреть. Если бы я не знала грозного альфу Морийских лесов, легорийского старейшину и хорошего дипломата, решила бы, что он не может подобрать слов.

– Что такое *эсдеринос*? – наконец спрашивает он.

– Лучше тебе не знать. С его стороны это было недипломатично.

Доминик кивает, соглашаясь.

– Венера, ты уверена? Я не одобрял твое решение остаться с Пересом, но остаться в его стае? Точнее, в его бывшей стае. По мне так это слишком опрометчиво.

– Почему?

– Потому что это не твоя семья. Мы, Экроты и Брайсы, Шарлин и Анхель, даже бесов Хантер твоя семья! – Мои глаза расширяются, наверное, до невероятных размеров: насколько же его проняло, если Доминик уже Хантера упоминает как члена семьи. – Здесь ты чужая, Венера. Возвращайся со мной. Возвращайся домой.

Доминик лучше всех способен отдавать приказы, но сейчас он просит. Обещая подарить мне то, чего я хочу – семью и спокойствие.

– Я люблю вас всех, но я останусь здесь.

Взгляд Доминика становится жестким, мигом превращая его в того альфу, которого я знаю.

– Тогда я увезу тебя по праву договора.

– Не сможешь, – качаю я головой. – Потому что этот пункт действителен в случае смерти Рамона, а он не мертв.

– То есть?

– Помнишь, я говорила тебе, что мы с ним истинные? Это правда! И я не почувствовала, что он умер.

Доминик не меняется в лице, хотя, кажется, мне удалось его заинтересовать.

– Ты его чувствуешь?

– Нет, – приходится признаться. – Не чувствую. Потому что не умею. Поэтому и хотела попросить тебя о помощи. Расскажи, как почувствовать свою пару. Как настроить эту связь?

– Мне не приходилось ничего настраивать, Венера. Я просто чувствую Чарли.

– Но так было не всегда!

– Да, но Шарлин жива.

– Рамон тоже жив.

Чем больше раз я это повторяю, тем сильнее уверяюсь в этом. Мне бы только получить доказательства, чтобы мне поверили остальные. Потому что Мик не верит, Доминик тоже не верит. Альваро мне верит, но ему тоже нужны подтверждения.

– Венера...

– Доминик, – перебиваю я, – уверена, случившееся дело рук Волчьего Союза. Рамон им мешал из-за своей особенности.

– Особенность?

Я рассказываю как есть, все-таки Доминику можно доверять. Про божественность моего мужчины, про его врага. Я и так собиралась это сделать.

– И, боюсь, теперь им нужна моя дочь. Потому что она тоже особенная.

До рождения дочки это невозможно было понять, этого не могла определить даже доктор Сураза, но каким-то глубинным чувством я знала, что будет именно так. От нашей истинности, нашей связи другого ребенка просто не может родиться.

Доминик слушает внимательно, хотя продолжает мрачнеть.

– Перес знал все это, и все равно забрал тебя с собой?

– Он не смог отказаться.

– Отмазка так себе. Тебя пытались убить!

– Ты бы тоже от Шарлин не отказался.

– Я бы ее не оставил и на родственников не бросил.

Я сжимаю кулаки:

– Не надо! Не надо говорить, что у вас с Чарли идеальные отношения. Они не всегда были такими.

Доминик хочет что-то сказать, но осекается. Молчит с минуту, прежде чем продолжить:

– И все же ты не хочешь, чтобы я тебя забрал? Дома ты будешь в безопасности. Я смогу обеспечить тебе защиту, не то что местный альфа.

Это заставляет меня прикусить губу: теперь уже я стараюсь подобрать нужные слова.

– Доминик, я верю, что ты меня защитишь. В тебе я уверена гораздо больше, чем в себе. Но, вероятно, именно этого и хочет Союз, иначе бы они не спешили назначать нового верховного. Они хотят меня выманить. Хотят, чтобы я уехала и подставила всю твою стаю. Но даже не в этом дело. Рамон оставил меня в этой стае. Сюда он вернется. За мной. За дочерью. К своей семье.

– А если он не вернется?

– Так помоги мне в этом разобраться. Связаться с ним.

– Нет, – качает он головой. – Я не стану. При всем уважении к тебе и твоему положению, Венера, если он подойдет, туда ему и дорога.

Сначала я не поверила своим ушам, всматриваясь в суровое, будто выточенное из камня, лицо альфы. У меня просто в голове не укладывалось, что Доминик такое сказал. Что он мог сказать такое мне! Зная всю мою историю. Но когда до меня дошло, что это не слуховые галлюцинации, я оказалась на ногах и врезала ему.

Кулаком по плечу, могучий волк даже не пошатнулся, только вздрогнул. Наверное, даже больше от шока, чем от силы моего удара. А я, между прочим, вложила в него все свои чувства: боль, гнев, обиду, разочарование. Разочарования было больше всего, потому что я верила в нашу дружбу, в то, что мы семья, я надеялась, что Доминик поможет мне с поисками.

Надеялась на его поддержку.

Но после моего удара ничего не поменялось, выражение лица альфы, кажется, сделалось еще жестким, и я поняла, что своего решения он не изменит. Даже если я стану слезно умолять его о помощи или сыпать аргументами, почему он должен принять мою сторону. Не примет.

Доминик против Рамона. Всегда был. А теперь он и против меня.

– Твое право, – выдохнула я. – Извиняться не буду. Если тебе это нужно, пусть это сделает мой альфа.

– Я твой альфа, Венера.

– Больше нет. Как сказал Микаэль, я принесла новую клятву верности.

И откуда во мне столько мстительности? Не знаю, но чувства, клокочущие во мне, словно в кратере вулкана во время извержения, я даже не стараюсь скрыть. Всю жизнь подстраивалась под всех и понимала. Хватит!

– Ты летишь со мной. – Голос Доминика звучит будто утробное рычание. – Однажды скажешь мне спасибо.

– Не лечу.

Я действительно это сказала? Да! Я давно приняла это решение. Пусть даже, как сказал Доминик, здесь у меня нет друзей и родных. Здесь я чужая. Это так. Но если Рамон верил, что в стае Мика я в безопасности, значит, я тоже буду в это верить. Своему истинному я верю.

– По договору...

– По договору, – перебиваю я, – ты можешь меня забрать, если у тебя будут доказательства смерти Рамона. Но их нет. Найдешь – тогда возвращайся.

Глаза Доминика вспыхивают ярко-желтым, черты заостряются, как перед трансформацией в волка, а энергетика такая, что инстинктивно хочется пригнуться, склониться перед ним. Он не просто зол, он в бешенстве.

Но для меня это не имеет значения. Он больше мне не альфа, и я не уверена, что друг.

ГЛАВА 3

Доминик разворачивается и уходит, а я остаюсь одна. Теперь совершенно точно одна. Терпкие, яростные чувства почти сразу сходят на нет, уступая грусти, и я всхлипываю. О своих решениях я не жалею, но что делать дальше?

– Венера? – в кабинете появляется Альваро. – Он обидел тебя?

Судя по виду парня, он ждал за дверью, а сейчас готов бежать следом за альфой, поэтому я мотаю головой и вытираю слезы тыльной стороной ладони.

– Нет. Просто этот разговор меня расстроил.

– Это он? Твой друг, который должен был помочь?

– Он.

– Отказался? – догадывается Альваро.

Я кисло киваю.

– Что теперь делать? – спрашивает парень.

Плакать как Сиенна.

Ждать как Мик.

Или действовать как мой любимый.

Насколько я успела узнать Рамона, он всегда выбирал последнее. Да и я тоже. Никогда не сдавалась. И сейчас не сдамся.

Эти мысли приводят меня в чувства, и тащу Альваро за руку прочь из кабинета. Еще не хватало, чтобы Микаэль вернулся и увидел меня в слезах и соплях!

– Для начала мне нужны салфетки.

Парень тут же вытаскивает из кармана пиджака чистый платок. Даже жаль его пачкать, но через пару минут я готова продолжать.

– Доминик не единственный, к кому я могу обратиться.

К сожалению, это не Чарли. Я могла бы попросить ее надавить на супруга... На самом деле, не могла. Каким бы *эсдеринос* он ни был! Доминик упрется, Шарлин ответит тем же, в итоге я добьюсь только того, что они поссорятся. Но Доминик правильно напомнил мне, что он не единственный мой друг, и что они с Чарли не единственная знакомая мне истинная пара.

Есть еще Хантер и Алиша.

И звонить нужно срочно, пока Доминик не вернулся в Легорию и не убедил всех, что мне лучше дома, в Крайтоне.

– Сделаешь так, чтобы мне никто не помешал? – прошу Альваро.

– Тогда лучше не возвращаться в твою спальню. Там Микаэль будет искать в первую очередь.

Не сомневаюсь, что он будет искать. Волком обернется, только чтобы найти. Но для начала спровадит Доминика.

– Где меня не найдут?

– В СПА-комплексе, – подсказывает парень. – Там есть разделение на мужскую и женскую части.

Да, на территории помимо медицинского корпуса был еще корпус для отдыха с бассейнами, спортивным залом, банями и массажными кабинетами. Про город в городе я не шутила. Я еще ни разу там не была, но теперь есть возможность это исправить.

– Идеально!

Захватив купальник и предупредив Хавьера, я отправилась в СПА. Не для отдыха, а для дела.

Комплекс расположился в одном из дворцов-особняков: старинный снаружи, современный внутри. Меня встретили две темноволосые волчицы из стаи. Они моему появлению удивились, но искренне обрадовались. Если честно, я думала, что ко мне, как минимум, будут относиться настороженно. Я все-таки чужачка. И, наверное, относились бы, не будь я беременна. А так одна из волчиц, примерно моя ровесница, даже попросила поддержать меня за руку, чтобы предки благословили ее на своего ребенка. Старшая на нее шикнула, но я протянула ей руку. Меня такое трогательное, почти суеверное отношение удивило. Если бы я не торопилась, то

пообщалась бы с ними подольше, потренировала бы свой велейский. Но меня ждал не менее важный разговор.

Я набрала Хантера еще в раздевалке. Я работала секретарем Доминика несколько лет и знала все важные номера наизусть. Телефон Хантера я выучила не тогда, когда он стал легорийским старейшиной, а раньше – когда имани защитил меня от Августа: если есть кто-то, кого боится твой мерзавец-бывший, то лучше иметь его контакты под рукой.

В раздевалке никого не было, а моя охрана осталась за пределами комплекса, так что помешать мне никто не мог.

Разве что разница во времени.

Но даже она на этот раз была на моей стороне, потому что Хантер взял трубку после второго гудка.

– Привет, Ви!

– Привет, Хантер. Не разбудила?

Если у Доминика голос грубоватый, то у второго старейшины он более приятный, бархатный, слегка хрипловатый. Из чего я делаю вывод, что я нарушила его сон, но Хантер тут же развеивает мое предположение.

– С такими новостями не уснешь.

– С новостями?

– Ты отказываешься возвращаться домой.

Значит, Доминик уже всем все сообщил! Когда только успел?! Последнее я спрашиваю вслух, потому что моему возмущению нет предела.

– Прислал сообщение. Приказал тебе не помогать.

– Эсдеринос! – выпаливаю я.

– Мило, – смеется Хантер. – Я учил вилемейский в институте. Не сказать, что хорошо его знаю, но матерные слова помню. Кажется, это означает пороссячий хр...

– Хантер! – перебиваю я. – Я позвонила тебе не за этим. Я действительно отказалась возвращаться в Крайтон, и мы с Домиником поссорились.

На той стороне короткая пауза, от которой мне хочется кусать губы. Не просто кусать, сгрызть нижнюю.

– Дай угадаю, большой белый волк обиделся, что все пошло не по его плану.

Слышал бы Доминик, как о нем отзывается второй старейшина... хотя он, наверное, в курсе. Хантер всегда говорит то, что думает. Особенно Доминику, они когда-то были соперниками за сердце Чарли. Она выбрала «белого волка», а чуть позже Хантер встретил свою истинную. Мужчины друзьями не стали, но прислушивались к словам друг друга и точно совместно работали во благо стаи Легории.

– Вроде того.

– Хочешь, чтобы я вас помирил?

– Нет, – отрезаю я, и у меня сдают нервы. А может, мне просто нужно выговориться. – Потому что я не готова его прощать! Особенно за это сообщение. За приказ тебе.

– Когда это я слушался его приказов, Ви?

Мое сердце пропускает удар. В надежде. Я выдохнула и опустилась на скамью в раздевалке.

– Значит, ты поможешь мне? В конце концов, Рамон был на вашей с Алишей свадьбе. Он провел церемонию.

– Ага, но перед этим чуть не посадил меня.

Предки, мой любимый успел перебежать дорогу всем моим друзьям!

– Хантер, никто из нас не идеален, но Рамон мой истинный.

– Ты уверена в этом?

– А в этом можно быть уверенной? Ты сразу понял, что Алиша твоя истинная?

Лучшая защита нападение, и я нападаю.

– Если честно, нет, – отвечает Хантер. – Но у меня была причина. Моя особенность.

– Рамон тоже особенный.

– Я про то, что во мне кровь имани, моей матери...

– А Рамон ужасный волк.

– Ты про доисторического? – тон Хантера из дружелюбно-шутливого мигом превращается в серьезно-заинтересованный. Вот что значит историк! Знает, кто такой ужасный волк. – Это с его слов?

– Я видела его во второй ипостаси и знаю, о чем говорю.

– Кто бы мог подумать.

Кажется, последняя фраза из разряда мысли вслух и не требует ответа. В отличие от следующего вопроса:

– Почему ты решила, что вы истинная пара?

– Во-первых, меня изначально тянуло к Рамону, как ни к одному мужчине. Во-вторых, я забеременела после единственной ночи, хотя все доктора говорили, что я бесплодна. А в третьих, он меня слышал, когда я была в опасности. Как было у Доминика с Чарли, и у тебя с Алишей.

– А ты его слышала?

– Нет, – решаю признаться честно. – Не слышу, не чувствую, но не перестаю надеяться, что Рамон жив.

– Почему?

– Потому что люблю его.

Вот я и сказала. Сказала и мысленно себя отругала. Не только себе призналась, Хантеру тоже. Он теперь подумает, что я истинность с влюбленностью перепутала!

– Какая помощь тебе нужна, Венера?

– Его вертолет разбился возле Нималуйского архипелага. – Мне об этом рассказал Хавьер. – Если бы ты послал поисковую группу от Легории...

– Нималуйский архипелаг? – перебивает меня Хантер. – Территория Джайо?

– Да, – отвечаю, но внутри все сжимается от нехорошего предчувствия.

– Мне жаль, Венера, но для нас эта территория под запретом. Волчий Союз закрыл к ней доступ, там сейчас война. Если Легория вмешается в военный конфликт, то наживет себе врага в лице Союза. Не говоря уже о том, что здесь точно придется договариваться с Домиником.

Война.

Ни Микаэль, ни Доминик не сказали о том, что там, где находится Рамон, сейчас война. Поэтому они отказываются верить мне?

– Венера, – голос Хантера возвращает меня в реальность, – ты здесь?

– Да, – выдыхаю хрипло. – Это не то, чего я ждала.

– К сожалению, не могу помочь тебе с вертолетами и поисковой группой. Но может, помогу по-другому?

– Может, – хватаюсь за предложение Хантера, как за соломинку. Трясу головой, чтобы отогнать панику и сосредоточиться на задаче. – Собственно, ради этого я тебе и позвонила. Связь истинных. Если ты

прав насчет боевых действий, то, вероятно, я единственная, кто действительно способен узнать, где находится Рамон. Мне только нужно связаться с ним.

Хорошая новость – Хантер согласился помочь и даже не стал убеждать меня, что ничего не получится. Кажется, ему самому было все это интересно, в качестве эксперимента. Ведь мне нужно не просто связаться с Рамоном. Мне нужно связаться с Рамоном через половину мира. Пугало ли меня это? Нисколько! Я обрела союзника, и меня это вдохновило. Окрылило. Я готова была пробовать прямо сейчас, но – и в этом заключалась плохая новость – Хантер попросил отсрочку на пару часов.

– Что, если он ранен? Сейчас каждая минута на счету! – Вот не время было для промедления, я и так по вине Мика слишком долго ждала!

– Связь проще всего установить, когда истинный ранен или ему страшно, – припечатал Хантер. – Сильнейший выброс адреналина создает такой канал, по которому можно узнать даже местоположение. Если ты его не чувствуешь, он либо мертв, либо с ним все в порядке.

– Спасибо, что успокоил, – не удержалась я от сарказма.

– Как есть, Ви. Я тот еще оптимист, но лучше будь готова к любому раскладу.

Я это понимала. А еще понимала, что Хантер прав насчет адреналина. Я почувствовала Рамона. Почувствовала его боль. Но потом все оборвалось...

Быть готовой к любому раскладу? Готова ли я узнать правду? Какой бы они ни была.

Я переоделась в купальник, от души поплавала в бассейне. Одна, больше никого здесь не было. Потом немного расслабилась в джакузи, которую для меня включили и приготовили девушки. По крайней мере, попыталась расслабиться, раз я сюда пришла. Забираться в бурлящую воду с животом было не очень удобно, но это напомнило мне ради чего, а главное – ради кого, я все это делаю. Ради себя и ради дочери.

Я так и не придумала ей имя, называла «девочка моя», «малышка», «милая». У вервольфов вообще принято, чтобы имя ребенку давал отец, вот я и надеялась, что Рамон успеет до ее рождения. Что сам назовет ее. Подержит на руках.

Я так ярко представила, как Рамон держит на руках нашу девочку, представила его улыбку и ее детский смех, что одинокая слеза скатилась по моей щеке.

Я осторожно стерла ее и поднялась из воды.

Перед глазами все еще стояла сцена, нарисованная моим воображением, но я понимала, что хочу ее увидеть. Я сделаю все, чтобы ее увидеть.

Чтобы Рамон подержал на руках нашу малышку.

Хантер сказал, что позвать своего истинного в обычном состоянии сложно, но возможно. Просто потребуется гораздо больше концентрации, чтобы правильно настроиться. Поэтому оставшееся время до нашего следующего созвона я старательно расслаблялась, дышала и переключала свое внимание с тревожных мыслей о вероятном фиаско.

Я так увлеклась всем этим, что напрочь забыла про Альваро, который ждал меня на диване, в холле комплекса. Заметив меня, он отложил телефон.

Надо бы извиниться, что я так долго, но его это интересует меньше всего.

– Ты дозвонишься? – нетерпеливо спрашивает парень на легорийском.

– Да. И мне помогут. Но занятия сегодня придется отложить.

Второе условие Хантера – никто не должен нам мешать, а изучение вилемейского – лучшее прикрытие.

– Что от меня нужно? – мигом подбирается парень. – Помимо того, чтобы не допускать вашей встречи с альфой Микаэлем?

– Он приходил?

Значит, уже проводил Доминика домой.

– Да, заглядывал. Но я объяснил ему, что ты немного расстроена, поэтому, как любая нормальная женщина в этом состоянии, отправилась в СПА.

Я давлюсь нервным смешком: любая нормальная женщина идет на массаж, а не готовит сессию по настройке канала с истинным. Но кто сказал, что я нормальная? Я всегда была не такой как все. Истинный мне тоже достался не такой, как все. Мы идеальная пара.

– Спасибо, – благодарю я. – Возвращаемся и стараемся не попадаться Мику на глаза.

Но то ли сегодня не мой день, то ли альфа меня поджидает: мы наталкивается на Микаэля в холле особняка.

– Венера, можно тебя на пару слов? – он кивает на кабинет, показывая, что разговор будет личным.

– Может, я зайду к тебе перед ужином?

– Я просто хочу узнать, как ты себя чувствуешь?

Вот честно, только новых приказов мне сейчас не хватало! Раздражение вспыхивает во мне с силой большого костра. У меня десять минут до звонка Хантеру, а Микаэлю хочется окружить меня заботой. Пусть лучше о своей жене заботится!

– Нормально.

Вижу, что его это не устраивает: альфа хмурится. Поэтому я добавляю:

– Спасибо, что не пошел на поводу у Доминика и не позволил меня забрать.

Мика даже перекашивает от возмущения.

– Ты член моей семьи, Венера. Мне даже в голову не пришло поступить по-другому.

Такого не ожидала я. Одно дело «член стаи», другое – семья. Кажется, кто-то так и не смог отказаться от брата, хотя изо всех сил старался показать обратное.

– Спасибо, – повторяю я, расчувствовавшись... Который раз за день? – Что-то еще?

Микаэль бросает взгляд на охранников за моей спиной, на Альваро, и видимо решает, что бес с ним, с разговором в кабинете.

– Венера, у Волчьего Союза нет влияния на мою стаю. У нас иммунитет, жив Рамон или нет. Но, боюсь, твоему бывшему альфе не понравился мой отказ, и он может обратиться к ним.

ГЛАВА 4

Первая мысль – Доминик этого не сделает. Он не сделает ничего, что причинит мне вред. Но потом я вспоминаю, что причинять мне вред он действительно не собирается, а вот пользу еще как. Доминика хлебом не корми, дай о ком-то позаботиться, даже если человек или вервольф в его опеке не нуждается. И сейчас он совершенно искренне постарается спасти меня и мою дочь. Вернуть нас туда, где, по его

мнению, мы должны быть. Учитывая, что я ему рассказала о нависшей надо мной опасности, в этом просто не приходится сомневаться.

Но Доминик еще умен и недоверчив, так что вряд ли он станет раскрывать Союзу все карты. Я продолжаю в него верить.

– Микаэль, Доминик тоже моя семья. Он мне как старший брат. Ты же не перестал любить Рамона, когда он стал верховным старейшиной? Но я выбрала остаться здесь. Если случится так, что Доминик попросит помощи Союза, просто не отдавай меня им.

Я жду, что Микаэль начнет спорить или скажет что-то вроде того, что семью он не сдает, но вместо этого он произносит:

– Клятва альфы.

Это не просто слова. Они пробегают по коже мурашками осознанием, что это клятва. Клятва, за нарушение которой может пострадать уже сам Мик.

– В пределах разумного, конечно, – поспешно добавляю я, потому что страшно подумать, на что может пойти Волчий Союз и враг Рамона, чтобы меня заполучить.

– Без компромиссов, – качает головой Микаэль. Таким жестким я его еще не видела, и в этом жесте, взгляде особенно ярко видны фамильные черты, их сходство с Рамоном. – Я тебя не отдам.

В горле комок, потому что это сходство выбивает меня из колеи. Я так скучаю по нему. Невероятно! И вместе с тем все эти разговоры только подкрепляют мою решимость идти до конца.

Да, там уже ждет мой звонок Хантер.

– Мне нужно заниматься вилемейским.

– Хорошо, – наконец-то отпускает меня альфа. – Встретимся на ужине.

Альваро я отпустила вместе с сопровождением от Хавьера, и, если бы не беременность, неслась бы в комнату со всех ног, а так потратила еще несколько минут, прежде чем заперлась в спальне. По-хорошему, не хватало таблички «Не беспокоить», как в отеле, но и так сойдет. Кто бы ко мне не постучался – не открою. Меня ни для кого нет.

Перед звонком даже пришлось снова сделать несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться, что у меня категорически не получалось. Что, если наша связь не работает? Или я опоздала?

Входящий вызов выдергивает меня из оцепенения. Сколько я пялилась в экран ноутбука – непонятно, но Хантер, видимо, решил не

ждать и набрать первым. Отвечаю на видеозвонок и вместо одного вервольфа на экране вижу двоих.

Рядом с Хантером волчица с длинными темными волосами – его супруга и истинная.

– Привет, Венера.

– Здравствуй, Алиша.

По правде говоря, с Алишей я познакомилась за несколько лет до моей встречи с Хантером, мы были в одной стае. Раньше Али можно было назвать невзрачной. Она носила джинсы и растянутые свитера, старалась меньше болтать и существовала в каких-то своих мирах. Но с тех пор, как она обрела свою пару, девушка изменилась даже внешне. Стала решительнее, ярче, красивее, сейчас она будто светилась изнутри.

Интересно, я тоже меняюсь рядом с Рамоном? По версии Доминика, еще как!

– Какая ты красивая, Венера, – получаю я неожиданный комплимент.

– Ты хотела сказать – кругленькая?

– Тебе это к лицу, – смущенно улыбается волчица. Алиша изменилась, а вот своей прямолинейности не утратила. Но даже эта деталь меня радует, я будто оказалась дома.

– Спасибо, – я улыбаюсь в ответ.

– Значит, ты не против присутствия моей жены? – уточняет Хантер.

– Думаю, она здесь не просто потому, что ты ничего от нее не скрываешь.

Алиша хмыкает:

– Вообще-то я вызвалась помочь, – и тут же становится серьезной. – Я сочувствую тебе, Венера. Никому бы не пожелала так надолго расстаться с истинным. Не зная, что с ним. Поэтому я здесь. Хантер полукровка.

– Я не полукровка, – хмурится ее супруг.

– Хорошо, ты особенный волк. Исключительный, – Али обнимает Хантера. Они переглядываются, словно действительно общаются мысленно, но уверенности в этом у меня нет. – Но мой пример нагляднее, я обычная волчица, как и Венера.

Я прикусываю губу, сдерживая нервный смешок. Они такие милые, такие искренние, такие родные, что напряжение понемногу меня отпускает.

– Я благодарна тебе. Благодарна вам.

– За что? – непонимающе смотрит Алиша. – Я еще ничего не сделала.

– За то, что верите, что Рамон жив.

– Конечно, жив. Ты бы почувствовала, если бы это было не так.

– С этого мы и начнем, – вклинивается в наш разговор Хантер. – Расскажи, как ты чувствовала вашу связь.

– Как ты и сказал в прошлый раз. На адреналине. В мой домик... заползла ядовитая змея, а Рамон услышал мой безмолвный крик. Я точно не кричала, потому что боялась ее потревожить, но он все равно меня услышал.

Я решаю опустить подробности про змей, хотя Алише и этого хватает, она даже рот от шока открывает, а вот Хантер выглядит заинтересовано-сосредоточенным.

– Второй раз я сильно расстроилась и убежала в лес, но Рамон все равно нашел меня. Остальные не могли, потому что я беременна...

– И ты скрыла свой запах, – кивает Хантер. Он точно знает о вервольфах больше всех. Я вот, например, этого раньше не знала. – Но твои примеры лишь доказывают, что связь односторонняя.

– Не только! Когда это все случилось, когда Рамон попал в засаду или что это там было, я почувствовала его боль даже сквозь расстояние. Невообразимую боль в сердце. – Даже вспоминать те чувства было ужасно, но я понимала, что если хочу помощи, должна рассказать обо всем. – Но потом все исчезло. Меня словно от него высокой стеной заслонило. У нас получится? Получится до него достучаться?

Я с надеждой смотрю на друзей, а они снова переглядываются.

– Я не просто так пригласил Алишу, – признается Хантер. – Не только потому что она волчица и моя истинная пара. Она еще и психотерапевт.

– Будущий, – поправляет его Али. – Но я знакома с техниками гипноза.

– Если Пересу сейчас не больно, связь на адреналине точно не сработает. Причинять боль тебе – это вообще за гранью. Но мы можем

пойти другим путем.

– Поработать с твоим бессознательным, – закончила за него Алиша.

– Я готова на все, только чтобы связаться с Рамоном. – Я уверена в этом на сто процентов. Нет, на все двести. – И я уже сталкивалась с таким. Мой терапевт использовала разные методы, чтобы помочь мне справиться с моими психологическими травмами. Чтобы я могла принять свой опыт.

Алиша кивает, она знает о чем речь. В конце концов, она однажды тоже почти стала объектом желания Августа, и если бы не Хантер, все бы могло закончиться печально. Ей повезло с истинным. И мне тоже повезло. Спустя столько времени мне повезло полюбить, поэтому я действительно готова на все.

– Сядь поудобнее, – советует Алиша. – Закрой глаза, сделай глубокий вдох и с выдохом отпусти все свои мысли. И снова вдох...

Ее голос изменился, стал более глубоким, обволакивающим, затягивающим. И я сосредоточилась исключительно на нем, пошла за ним следом, расслабляясь и ныряя все глубже и глубже.

– Вспомни самый яркий момент, когда вы с Рамоном были близки. Когда ты особенно отчетливо чувствовала его как своего истинного.

Таких моментов множество, но перед глазами почему-то встает миг, когда Рамон закрыл меня от пуль. Я тогда почувствовала его боль, как свою. Пожалуй, не самое лучшее воспоминание, но когда я пытаюсь взять другое, меня снова выбрасывает в тот день. Я решаю – пусть будет так.

– Почувствуй то, что ты чувствовала тогда. Что ты чувствовала? Любовь? Нежность?

– Страх, – отвечаю тихо. – Я боялась за него. И благодарность. И любовь, да. Ее совершенно точно.

В тот день Рамон предложил мне уйти, чтобы не подвергать мою жизнь опасности. После того, как спас меня и дочь. Предложи он это до, я бы, может, подумала, но не после.

– Запомни эти чувства, – мягко советует Алиша и добавляет: – А теперь попробуй представить его, где бы Рамон ни был.

Я просто делаю, как она говорит, но у меня не получается. Снова эта высоченная стена, через которую никак не пробиться.

– Не выходит.

– Просто представь.

Ей просто, но это совсем непросто. Внутри себя я мысленно колючу по этой стене, знаю, что за ней может быть Рамон, но все без толку.

– Тут стена, – чуть ли не плачу я.

– Всего лишь? Ты можешь ее пройти.

– Не могу! Не могу ее сдвинуть.

– А что можешь?

Слова Алиши будто включают во мне свет идеи. Я не могу пройти сквозь стену, но могу представить ее прозрачной, что я и делаю. Представляю, как плотный камень медленно превращается в стекло. Мутное, размытое, но я могу рассмотреть сквозь него хоть что-то.

И я вижу Рамона!

– Я его вижу!

Сердце бьется как сумасшедшее. Это и радость, и облегчение, и наверное бешеный адреналин.

– Что он делает?

– Стоит ко мне спиной.

– Попробуй его позвать.

– Рамон!

Увы, он не оборачивается, вообще никак на меня не реагирует, когда я уговариваю его посмотреть на меня, и чем я с досадой делюсь с Алишей.

– Это неважно, – не позволяет она мне упасть духом. – Просто оставь ему послание, чтобы связался с тобой. Как можно скорее.

– Рамон! Рамон, пожалуйста, услышь меня. Где бы ты ни был. Ты мне нужен.

Стена между нами вырастает так резко, что я не успеваю больше ничего сделать.

Я прихожу в себя на том же стуле, щеки мокрые от слез, а чувство такое, что я пробежала марафон. Хантер и Алиша на месте, разве что сейчас здорово обеспокоены.

– Не получилось? – интересуюсь расстроено.

– Это ты скажи, – говорит молчавший на протяжении сессии Хантер.

– Я его видела, но, кажется, не смогла достучаться. Надо попробовать снова!

– Не сегодня, – отрезает Алиша. – Может, через два-три дня. Тебе нужен перерыв, чтобы восстановить силы.

– А Рамону нужна помощь, – рычу я, поднимаясь со стула. Могла бы, вскочила.

– Сейчас мы сделали все, что могли. – Кто бы мог подумать, что Али может быть такой непреклонной? – Передали ему сообщение.

– А если оно не дошло?

– Мы сделали все, что могли, – заканчивает наш спор Хантер и смотрит на меня пристально: – Ты сделала все что могла.

Тогда почему я чувствую себя такой беспомощной?

Рамон

– Рамон! Рамон, пожалуйста, услышь меня. Где бы ты ни был...

– Венера?

Ее голос выдергивает меня из сна в реальность. Можно сказать, выводит по тропе. А в реальности я не могу пошевелиться, не чувствую своего тела. Боли нет, но и сил тоже нет. Я даже не могу определить в какой я сейчас ипостаси.

Хочется снова соскользнуть в этот туман, но она сказала, что я ей нужен. Венере нужна моя помощь. Веки словно свинцовые, даже они не слушаются, но я все-таки приподнимаю их, продираю глаза.

Понимаю, что все вокруг серое, а значит, сейчас я волк. Это хорошо, потому что так я быстрее восстанавливаюсь. Плохо, что я по-прежнему не знаю, где я.

Новое усилие – и я снова открываю глаза. Лежу на полу возле какой-то стены, и вокруг меня тоже стены. Палатка? Нет, просто грубо сколоченная, миниатюрная хижина. Глиняные плитки в углу, маска на стене, мерзкий травянистый запах повсюду, который затмевает даже запах моей крови.

Почему я ничего не чувствую?

Венера. Хочется прошептать ее имя, но язык тоже не слушается.

В хижине появляется женщина, темнокожая, странно одетая в какие-то яркие тряпки. От нее тоже пахнет этими травами. Точнее, от плитки, которую она принесла.

– Хэла. Мэла. Ир, – говорит она, приближаясь ко мне.

Венера.

Конечно, я не могу прошептать ее имя, я же волк. Поэтому просто рычу.

– Хэла. Мэла. Ир, – повторяет незнакомка без страха, но я не могу понять, что она хочет. На каком языке она вообще говорит. И чем меня опоили?

– Хэла!

Венера. Я ей нужен. Моя пена.

Незнакомка продолжает бормотать неизвестные слова, похожие на песню, и кладет ладони мне на голову. И мир начинает кружиться.

Нужен.

Кружится и кружится. И я вместе с ним, пока не проваливаюсь в ничто.

ГЛАВА 5

Рамон

Рамону кажется, что он существует в этом Ничто, и только короткими урывками, силой воли выталкивает себя в другой мир, который представляется каким-то сном, потому что теперь у него иная реальность, темная и муторная. Он выталкивает себя из нее, чтобы снова натолкнуться на мерзкую вонь трав и четыре стены, в которых он будто в клетке. Правда, это не стены сдерживают его, его держит собственное тело. Оно не слушается приказов разума, да и нет никаких приказов. Его сознание настолько затуманено, что в нем живет лишь единственная мысль. Даже не мысль, имя – Венера.

– Ты мне нужен.

Рамон больше не слышит ее голоса, по крайней мере, так отчетливо, но память о ней живет внутри и заставляет раз за разом пытаться прийти в себя, пошевелиться и открыть глаза хотя бы на треть. Но всякий раз, когда он это делает, в хижине появляется дикарка, а стоит ей прикоснуться к нему, Рамон вновь возвращается в Ничто, и нет этому конца и края.

Чем она его травит?

Если он приходит в себя, значит, выжил, значит, запустился процесс восстановления, и он должен все чувствовать. Но не чувствует.

Значит, его чем-то травят. Наносят на его раны. В том, что он ранен, сомневаться не приходится, потому что память ему не отшибло. Он был внутри вертолета, когда тот взорвался, и помнил каждый миг дикой боли, разрывающей тело на части. Может, он не чувствует лап, потому что их нет? Но лапы есть, в этом он убеждается при следующем пробуждении. Они просто не слушаются его.

Вспоминать о боли – последнее, что ему хочется, поэтому он думает о Венере. О ее улыбке, о ее голосе.

– Ты мне нужен.

Он ей нужен. Своей малышке.

Ему нужно подняться.

Подняться...

Рамон не знает, сколько это длится. Сколько раз он засыпает и просыпается, но однажды он просто открывает глаза и больше не ощущает этого дурмана. Его сознание удивительно ясное. Как у вервольфа, который хорошенько выспался. Разве что вскочить на лапы не получается, тело по-прежнему как желе и не слушается. Да и лап нет, есть руки и ноги. Которые точно на месте и больше не ощущаются отдельно от него самого.

По телу растекается невероятная слабость, но она ничто по сравнению с прошлой беспомощностью. Он шевелит пальцами левой руки. Шевелит пальцами правой. Пытается согнуть ноги в коленях, но на это уходят почти все силы, поэтому приходится снова растянуться на набитом соломой тюфяке.

Хорошо, лучше отдохнуть пять минут, а потом можно и подняться. Хотя бы сесть. К телу возвращается чувствительность, боль, покалывание, но они как те насекомые, которых достаточно в этой хибаре, на них можно не обращать внимания. Боль позволяет чувствовать себя живым.

Отдохнуть он не успевает: в хижине появляется та женщина в ярких тряпках, которые служат ей одеждой. Она не удивляется тому, что огромный волк теперь человек – выходит, уже видела его. Ну и плоски с вонючей мерзостью у нее в руках нет. Это ничуть не снижает градус его настороженности, но Рамон медленно изучает своего врага. Оружия у нее тоже нет, разве что незнакомка собирается душить его голыми руками или длинными, заплетенными во множество мелких косичек, волосами.

– Мэла, – она вдруг грациозно опускается на колени и склоняет голову.

Красивая женщина перед ним на коленях – нормальное явление из его прошлой жизни, но не в этой дикой ситуации. От того, кто тебя травил по меньшей мере неделю, такого не ждешь. Рамон хочет спросить, что вообще происходит, но в горле так сухо, будто в рот насыпали песка, поэтому он заходится в кашле. Дикарка вскакивает и выбегает из хижины, чтобы спустя минуту вернуться с водой в глиняной чаше.

Да, там может быть очередной яд, но ему уже все равно: Рамон позволяет ей помочь ему сесть, прислонившись к стене, и припадает к воде, которая оказывается ледяной. Кашляет снова, но пьет. Быстро. Жадно. Яд он выведет, а вот от обезвоживания регенерация лишь замедлится.

Несмотря на опасения, с каждым глотком в голове проясняется. Дурман рассеивается, и у него получается самостоятельно обхватить чашку двумя руками.

– Еще, – просит Рамон.

– Ир-ир, – кивает незнакомка и приносит еще полную чашу.

Пока Рамон пьет она не смущаясь рассматривает его, а он рассматривает ее. Кожа черная, будто уголь, тело сильное, мощное, высокий рост и крупные черты лица. Начиная от густых бровей и заканчивая большим ртом. А вот глаза у нее ярко-синие. Она терпеливо ждет, пока он закончит, и забирает чашу из его пальцев, когда Рамон перестает пить и запрокидывает голову.

– Где я?

– Ир-ир.

– Ты не знаешь моего языка, я понял, но может его знает кто-то еще?

– Ир-ир?

Она тараторит что-то еще, но он ничего не понимает. Ни одного бесового, как говорят на родине Венеры, слова!

Но язык жестов никто не отменял. Собравшись с силами, Рамон показывает на себя, а потом обводит головой хижину:

– Где. Я?

«Ир-Ир», так он решает назвать незнакомку, оказывается понятливой. По крайней мере, она выхватывает из своей прически

палочку, подозрительно похожую на птичью кость, и начинает рисовать ею прямо на земле.

Солнце. Море. Берег. Зверь. Раненый. Это он.

Не просто раненый зверь. Зверь упавший с неба и благословивший ее.

Не только ее. Ее племя. Ее народ?

Кажется, вопрос, где он, становится как нельзя актуальнее.

Впрочем, это даже не вопрос. Вертолет Илайи разбился возле земель Джайо, племен, что не признают технического прогресса и живут обособленно. Это объясняло и то, что речь Ир-Ир не была похожа ни на один известный Рамону язык. А он мог свободно изъясняться на восьми! Тут же приходилось вспоминать как рисовать.

Первый раз его хватило на то, чтобы «поинтересоваться» сколько прошло дней. Нужно было знать, сколько времени он провалялся в бреду. Сколько он потерял. К счастью, дикарка оказалась сообразительной и корявое падающее солнце сразу признала за световой день. И сразу же показала на пальцах.

Две ладони и шесть пальцев. Шестнадцать. Больше двух недель?!

Силы в теле закончились, и он свалился прямо на тюфяк. Но не выключился, не уплыл в ничто, как в прошлый раз, что было уже огромным достижением. Лежал так, пока хижина не перестала «шататься» перед глазами. А за это время Ир-Ир успела выйти и вернуться с новой плошкой и новым запахом. Не отвратительным, как он помнил, наоборот. В плошке оказался жутко аппетитный мясной бульон.

Желудок сжался в комок, напоминая ему, что две недели там было пусто. Поэтому Рамон пил бульон потихоньку, чтобы все пошло туда, куда нужно, а не попросилось наружу. Еда придала сил, его больше не качало, и можно было продолжить разговор. Пусть даже такой странный.

Первое, что он понял — он не пленник. Скорее, особо важный гость. Ир-Ир называла его Мэла.

— Рамон, — представился он, прижав ладонь в груди.

— Ра-Мон, — повторила женщина. Он так и не определил ее возраст, но она была молода и полна сил. — Наи-Ла.

Наила. Вот они и познакомились.

А вот «мэла» означало что-то вроде божества. Владыки у людей или предков у вервольфов. Кстати о вервольфах: Наила была человеком, но на ее одежде сохранился аромат волков, да и за пределами хижины ощущались его сородичи.

Поэтому следующим был вопрос: кто еще выжил после взрыва?

Дикарка развела руками и покачала головой.

Значит, никто. Ни Илайя, ни парни Хавьера. Только он.

Посланник небес для народа Наилы.

Каждый выживший испытывает вину за то, что он жив, тогда как другие мертвы, но Рамон затолкал это чувство куда подальше. Он жив – это главное. Он нужен Венере. И дочке, которая родится совсем скоро. Стоило ему о них подумать, как силы вернулись. Он готов был хоть сейчас бежать, идти, ползти с этого проклятого архипелага, только бы к ней.

– Мне нужно вернуться домой.

Рамон показал на потолок хибары, пусть Наила считает его упавшим с неба, это неважно, главное, чтобы помогла отсюда выбраться. Он уже догадался, что она его вовсе не травила, судя по трепетному отношению дикарки к «божеству» – Наила его лечила. Очевидно, от полученных от взрыва ожогов. Даже думать не хотелось, в каком состоянии он был, если на восстановление понадобилось столько времени.

– Верну-Ться? – повторила сложное слово Наила и покачала головой: – Ир-ир.

– Нет?

– Не-ть.

– Почему?

Она затараторила что-то на своем, и теперь Рамон с досадой понял, что чувствовала себя Венера впервые оказавшись на его острове и почему так на него злилась. Он тоже злился на Наилу. На Наилу ли? Исключительно на себя. За свою беспечность. За свою беспомощность. Но эти чувства он отправил вслед за чувством вины. Самобичеванием он займется позже, когда выберется отсюда и обнимет свою женщину. Потом можно наслаждаться этим чувством неделями, а сейчас ему нужен холодный разум.

Наила перестала тараторить и снова взялась за рисунки: стерла ладонью его каракули и принялась вырисовывать свои сюжеты. С ее

«слов» выходило, что пути с земель Джайо нет. За пределами архипелага живут *хэлаиры*, которые не почитают богов и уничтожают их творения: растения, воду, воздух, горы. Общаться с ними нельзя, иначе будешь проклят.

– Я тоже хэлаир, – напомнил Рамон, чем насмешил свою спасительницу. Она прыснула со смеха.

– Не-ть. Хэлаир ир. Не-ть хэлаир. Ты мэла Ра-Мон.

– Святой, ага, – ему было совершенно не до смеха. Особенно, когда Наила нарисовала его на архипелаге, и у нее получился безумно радостный волк. По версии аборигенки, он должен был быть счастлив, что упал именно к ним.

– Если с вашего архипелага нет дороги, то как ваши джайо украли мою сестру?

Не говоря уже о боеголовках, которые были явно не гневом предков.

Конечно, она его не поняла, пришлось рисовать, и с каждой его черточкой настроение Наилы портилось. В финале она вовсе разозлилась, подскочила и от души потопталась на его «творении». При этом выдала длинную, заковыристую тираду. Только спустя минуту опомнилась и плюхнулась на землю. Ответ она «писала» размашисто и торопливо.

И этот ответ ему совсем не понравился. На архипелаге есть нормальные племена, как племя Наилы, а есть ненормальные отступники. Плохие хэла. Они-то и могли украсть Мишель.

Вообще это выглядело так: «Если она такая, как я».

Такая как Наила? Нирена? Наила нирена? Неожиданно. Конечно, ценность Мишель как нирены высока, но это в мире вервольфов. А в мире дикарей Джайо?

– Для чего? – сквозь сомкнутые зубы процедил Рамон. – Она тоже святая?

Ответ, мягко говоря, поразил. Рамон даже сначала решил, что ошибся, но Наила повторила.

Мишель нужна была для детей. Это понятно. Но еще для власти.

Для нового племени.

Рассказывать больше Наила отказалась, пообещала все показать, а он должен был все понять, когда увидит. Рамону хотелось увидеть все

срочно, но проклятая слабость никуда не делась. Его даже их рисовальная переписка вымотала, он не помнил, когда вообще ощущал себя настолько слабым, но такова была цена его жизни, и это было важнее головокружения и бессилия. Даже перекинуться в волка не выходило! Поэтому оставалось отдыхать и есть побольше мясного бульона. Много бульона Наила не приносила, всего лишь еще две плошки, и он понимал почему: желудок отвык от нагрузки. Но все равно силы понемногу к нему возвращались, к вечеру он смог подняться и вывалиться из хижины-палатки. Причем сделал это раньше, чем вернулась дикарка.

За пологом, заменяющим дверь, оказалась тропическая звездная ночь и целая деревня из таких вот домиков. Все деревянные, с крышами из сухих листьев. Три домика в центре, потом круг побольше, а за ним еще больше: сверху, наверное, это выглядело как гигантский цветок, но убедиться в этом пока не представлялось возможным. Никаких атрибутов современного мира здесь не наблюдалось: ни электрических проводов, ни спутниковых тарелок, ни даже простых ручкомойников. Между хижин горели небольшие, вбитые столбами факелы, они и освещали деревню. Деревню и его жителей. Последних было немало: мужчины, женщины и дети. Босые, все в ярких тряпках и украшениях из косточек и зубов. У Рамона возникло чувство, словно он попал на съемки фильма про доисторическую эпоху, или его забросило напрямик в прошлое. Потому что даже племя риеку, с которыми он сталкивался, несмотря на скромные жилища в саванне, носили кроссовки и знали что такое вай-фай.

Но риеку были человеческим племенем, а деревня Наилы...

Стоило ему покинуть хижину, выйти наружу, как жители деревни один за другим начали вскидывать головы, принохиваться и поворачивать в его сторону головы. Впору было подумать, что на нем до сих пор та травянистая мазь, с помощью которой его лечила Наила, но дело было не в этом.

Вервольфы. Абсолютно все. Не племя. Стая.

В которой живет единственный человек Наила. Точнее, не человек, нирена, которая считает его божеством, и, судя по всему, не только она одна. Потому что все вервольфы, что сначала настороженно наблюдали за тем, как он шел между хижин, начали склонять головы. Кто-то почтительно, кто-то дрожа от страха, а один из мужчин,

огромный, на голову выше самого Рамона, застывший со сложенными на груди руками, ограничился простым кивком – вежливо, на равных. В нем легко угадывался альфа. Угадывался бы, будь это мир Рамона. С этим же архипелагом и с их правилами все не так однозначно. Он это чувствовал, но все равно подошел к застывшим возле великана вервольфам.

– Ты главный? – Кажется, он здорово натренировался в языке жестов, потому что великан его сразу понял. Строгий взгляд зажегся смехом, он мотнул головой и указал на подошедшую с другой стороны дикарку.

Она?

Это была то ли шутка над упавшим с неба и ударившимся головой божеством, то ли сложности перевода, то ли... Последний вариант был самым невероятным, самым удивительным – стаей управляет женщина.

Нирена-альфа.

– Ты альфа? – пораженно выдохнул он, и мог поклясться, что дикарка его поняла. Это вполне объясняло, почему именно Наила общалась с ним. Почему все склонялись перед ней, как еще мгновение назад перед ним.

Наила рассмеялась, схватила его за ладонь и повела куда-то прочь от толпы. А Рамон мог поклясться, что взгляд великана при этом зажегся совсем непочтительной ненавистью.

И совсем скоро ему стало понятно почему – Наила провела его узкой тропой, вывела за территорию деревне и привела к небольшой реке. А потом сбросила свои немногочисленные тряпочки и шагнула в воду, приглашая последовать за ней.

Учитывая, что самому Рамону одеждой служила исключительно засохшая, превратившаяся в толстую корку, травянистая жижа, сбрасывать ему было нечего. Поэтому он шагнул следом, но сейчас возможность искупаться привлекала его гораздо больше красивой обнаженной женщины.

Вода оказалась прохладной, если не сказать бодрящей, в отличие от жаркого, наполненного влагой воздуха. Рамон зашел в реку по пояс и нырнул в воду. Смыть с себя эту дрянь оказалось истинным наслаждением, хотя избавиться от нее было не так просто. Сначала

корка размокла и превратилась в липкое нечто, и только спустя долгих минут активного умывания, наконец-то показалась чистая кожа рук.

Рамон желал и боялся этого момента. Не нужно обладать выдающимися способностями, чтобы понять – он горел заживо, и последствия будут. Да, регенерация у вервольфов прекрасная, и может, через пару-тройку лет шрамы рассосутся, но сейчас... Сейчас, наверняка, красавцем он не выглядит. У него даже волосы сгорели: когда еще в хижине Рамон провел рукой по голове, то нащупал лишь колючий ежик щетины.

Казалось бы, он же не женщина, чтобы страдать о внешнем виде, не разорвало на части и прекрасно. При всей своей причастности к Предкам отращивать конечности Рамон не умел. Он жив, цел. Но что подумает Венера, когда увидит его уродом? Не хотелось бы, чтобы его истинная испытывала отвращение, глядя на него. Как бы он ни старался убедить себя, что ему плевать, ему не плевать. Ему не все равно, что подумает его женщина.

Поэтому Рамон тянул с умыванием, но показавшаяся на ладонях и предплечьях кожа была непривычно светлой, как если бы он никогда в жизни не загорал. Она ярко выделялась в ночи, где свет дарила лишь полная луна. А вот рубцов на ней не было. Просто кожа. Просто нежная, как у младенца.

– Что за?..

Это было все, на что его хватило. Рамон принялся тереть кожу еще сильнее: руки, ноги, грудь, живот. Размякшая в воде корка уже слезала пластами, он будто сбрасывал вторую кожу, а под ней была новая, чистая, не поврежденная ожогами. Он не верил своим глазам, но, кажется, то зловонное средство помогло. Или Наила знала что-то еще.

Дикарка приблизилась к нему как раз в тот момент, когда Рамон пытался оттереть спину, принялась помогать ему. Ее ладони скользили по коже ласково, с небольшим нажимом, а сама девушка прижималась к нему. Это можно было списать на случайность, но когда она обняла его, провела пальцами по животу, Рамон перехватил ее руки, обернулся и показательно покачал головой.

Ночь, река, уединение и красивая женщина рядом – все должно было настраивать на романтику. Но романтики он не хотел. И дело даже не в том, что он на днях чуть не отправился к предкам, он уверен,

что Наила не пригласила бы его «купаться», если бы он не шел на поправку. После купания Рамон вовсе чувствовал себя бодрым и полным сил.

Он не хотел эту женщину.

Его мысли занимала маленькая отважная волчица. Его пена. Ради нее он собирался жить и как можно скорее покинуть этот архипелаг. Но если Наила считает, что за помощь он станет расплачиваться таким образом, то она глубоко ошибается.

– У меня уже есть женщина, – произнес он отчетливо, когда Наила обиженно поджала губы и снова потянулась к нему. – Нет.

Рамон не повысил голос, но вложил в отказ всю свою волю. В конце концов, его считают здесь богом, так пусть и относятся, как полагается его статусу.

Наиле это не понравилось: дикарка разразилась длинной тирадой на местном наречии, а после быстро вышла из реки. Правда, далеко не ушла, расположилась прямо на песке.

Рамон неторопливо закончил с водными процедурами: кожа уже едва не скрипела от чистоты, и только затем присоединился к девушке. На песке его ждал новый рисунок. Осознав, что ей нужно, Рамон чуть не рассмеялся.

Наила хотела от него ребенка. Благословенного богами.

Все хотят от него детей, впору считать себя самым востребованным мужиком на планете!

– Ребенок от бога? – все-таки хмыкнул он, рассматривая невозмутимую девушку. – Не слишком для тебя амбициозно?

Видимо, она уловила его тон, потому что вздернула нос и рассмеялась. Они не знали языка, но мимику, интонации друг друга научились считывать на раз.

Рамон принялся рисовать ответ.

– У меня уже есть луна. Она беременна от меня.

Если бы это еще смущало Наилу, дикарка смотрела на него непонимающе: в чем вообще проблема?

Не повезло великану.

– В моем мире так. Я люблю ее. Для меня существует только моя Венера.

Рамон надеялся, что его поймут. Обижать свою спасительницу не хотелось. В конце концов, он действительно ей благодарен. И будет

благодарен еще больше, если она поможет отсюда выбраться.

Наила раздумывала долго, или делала вид, что раздумывает, но потом с улыбкой кивнула, признавая его позицию.

Рамон тоже кивнул. Напряжение внутри немного отпустило.

– Мне нужно найти сестру, – нарисовал он.

Найдет Мишель, найдет тех идиотов, которые ее похитили. Найдет идиотов, найдет цивилизацию. Боеголовки как бы намекают, что не все племена джайо дикие, некоторые очень даже прогрессивные. А там где цивилизация, там и связь. Ему нужно как можно скорее сообщить своей луне, что он жив.

– Лу-На? – поинтересовалась Наила.

– Нет, – пришлось признаться.

– Нет, – отозвалась она эхом.

Это будет непросто, подумал Рамон.

ГЛАВА 6

Венера

– Нет? – спрашивает Алиша, когда я открываю глаза.

– Нет, – качаю головой. – Снова стена, но на этот раз никакой возможности ее преодолеть.

Друзья выполняют свое обещание, и мы созваниваемся по видеосвязи раз в два-три дня. Чаше нельзя, а на реже я не согласна. Это уже наша шестая встреча, но если бы это еще помогало.

После некоторых сессий я плакала от бессилия, чем пугала Хантера, после одной такой вышла из себя и чуть не разгромила собственную спальню. Но перемен как не было, так и нет. У меня получилось только в первый раз, и сейчас я вовсе не уверена, что это была не фантазия воспаленного мозга, принимающего желаемое за действительное.

Сегодня я устаю как никогда, а моя надежда тает. Ее почти не осталось.

– Может, Рамон правда мертв, – слетает с моих губ.

Может, Сиенна права. Может, Волчий Союз тоже. Мне не хочется, чтобы это было правдой, от такой правды в теле не остается ни единой

клетки, что не сжимается от боли и страха. Но может, если я признаюсь себе в этом, приму эту правду, станет легче?

– Ви, ты сама сказала, что чувствовала его. – Голос Хантера выдерживает меня на поверхность из моря сомнений. Пока что я дрейфую в слезах неприятия, но лодка моего позитивного настроения сегодня дала брешь. – Ты его видела.

– Вдруг я это придумала? – озвучиваю свой главный страх. Вот не хотела этого говорить, не делилась этим с Алишей и Хантером, а сейчас сказала. Сказала и непонятно чего жду.

– Такое тоже возможно, – говорит Хантер, а его супруга бьет его по плечу. – Как и то, что он действительно жив.

– Если он жив, то почему не связывается со мной? Вместе, уверена, мы могли бы преодолеть этот барьер!

– Ставлю на то, что он просто не догадывается, что так можно.

– В смысле? – я подалась вперед, поближе к ноутбуку. Алиша тоже выглядела заинтересованной, а ее супруг продолжил:

– Ты видела его, но не факт, что он видел тебя. Вполне вероятно, тоже посчитал бредом.

– Понимаю о чем ты, – присоединяется к нему Али. – Когда мы с Хантером впервые познакомились, я не чувствовала притяжение истинных, точнее предпочитала его не замечать, потому что просто в это не верила.

– То есть Рамон не пытается до меня достучаться, потому что не верит в нашу истинность? – уточняю я.

– Нет, – успокаивает меня Хантер. – Скорее всего, он просто не знает про возможности истинных пар. В конце концов, нас никто не учит быть истинными.

– Поэтому ты пишешь об этом книгу, – усмехается Алиша.

– Ты пишешь книгу об истинных?! – я вскидываю брови.

– Да, вместе с Чарли, и там будет глава про тебя и Переса. Не переживай, она будет без имен.

У меня просто нет слов! Ну ладно есть немного:

– Ты поэтому согласился мне помогать?

– И поэтому тоже. Но в первую очередь, потому что ты мой друг. Друг, который поможет сделать вклад в историю истинных пар.

Вопрос к Алише:

– Как часто у тебя возникает желание его стукнуть?

– Раз десять на дню, – едва не хрюкает от смеха девушка. Нужно видеть мрачное лицо ее истинного!

– Хорошо, что мы не практикуем такие сексуальные игры, Али.

– Никогда не поздно начать, – невинно предлагает она. – Может, тебе понравится.

Я наблюдаю за их заигрываниями с легкой завистью. Хочу так же. У нас с Рамоном почти не было спокойного времени, только для нас двоих. Флирта, нежности, прикосновений невзначай. Сначала было противостояние, а после я почти сразу оказалась здесь, в Вилемии.

– Что мне делать? Пробовать дальше?

– Думаю, пробовать дальше – бесполезно, – Хантер как всегда честен. – Остается только ждать. Ждать, когда он с тобой свяжется.

Я охватываю себя руками. Себя, дочь. Хочется сжаться.

– Венера!

Кто бы мне еще позволил сжаться и уползти в норку!

– Ты теперь знаешь, что он жив.

– Не знаю. Три недели прошло...

– Знаешь. Он жив. А теперь просто доверься Пересу. Дай ему время выбраться из той задницы, в которую он попал, и вернуться к тебе. Хорошо?

– Хорошо, – киваю я.

Мы прощаемся, но я продолжаю раздумывать над тем, что сказали друзья. Про информацию об истинных. Не могу сидеть без дела. Не могу ждать. Но что я могу? Правильно – выяснить, что Рамон знает об истинных. У него я спросить не могу по понятной причине.

Зато могу спросить об этом у женщины, которую он считал своей истинной парой.

Я и так слишком долго оттягивала этот разговор. Сначала из-за ревности, потом из-за приказа Микаэля, а после была занята попытками достучаться до Рамона. Хантер прав, нужно ждать. Ждать, пока мой истинный сам не свяжется со мной, наслаждаться беременностью или сходить с ума от беспокойства... А можно лучше узнать его через близких. Именно это было одной из самых сильных, самых ярких причин для моей ревности. Ревности к прошлому.

Вот, признала, и стало легче!

Я ревновала Рамона к Сиенне, потому что она знала его лучше, чем я. По сравнению с нашими отношениями, они с ним были знакомы целую вечность. Шутка ли, друзья с детства! Не просто друзья, любовники, будущие родители, затем родственники через Микаэля. История Рамона и Сиенны была длинной и полной чувств, самых различных эмоций. От любви до ненависти. Любви ли? И действительно ли ненавидела его Сиенна, как говорила? Почему тогда скорбела так, будто потеряла любимого?

Скорбела и при этом спешила его похоронить.

Я бы предпочла узнать все подробности этой истории от Рамона. Слишком скудной была его версия. Но даже от него я вряд ли узнаю о чувствах Сиенны, о мотивах тех или иных ее поступков. О том, что она чувствовала, когда потеряла ребенка. По той же причине я не пошла с этим к Анжелине.

Во-первых, по матери Рамона и Мика все это сильно ударило: она редко появлялась на обедах и ужинах, я ее почти не видела, разве что встречала во время прогулок, когда она блуждала в одиночестве по парку, или сталкивалась с ней в кабинете альфы. То, что Рамон жив, она и слушать не хотела. Точнее, она вообще не желала поднимать эту тему. Если Сиенна спешила его похоронить, Анжелина будто делала вид, что сын в отъезде, и все это временно. Правда, стоило кому-то в ее присутствии упомянуть имя Рамона, она начинала плакать и быстро уходила.

Во-вторых, когда однажды я об этом заговорила, Анжелина достаточно грубо меня перебила и заявила, что это слишком личная информация даже в кругу родственников, и что она не станет обсуждать чужие секреты. То есть, если я хочу все узнать, мне лучше спросить о той трагедии у Сиенны.

Но как это сделать, ведь мы с ней не подруги. А моя просьба отменить похороны в глазах Сиенны мне совсем очков не прибавила. Наоборот, первая волчица вела себя подчеркнуто вежливо, если не сказать с показным безразличием. Моя жизнь не касается ее, ее жизнь не касается меня. Поэтому отправляясь на поиски Сиенны в большом доме, я была готова, что меня пошлют, и я даже пойму куда, потому что с вилемейским у меня сейчас все прекрасно. Но что я, зря работала секретарем Доминика? Я умела быть настойчивой. Умела находить подход к любому вервольфу или человеку. Конечно, в истории с

Сиенной, у меня были личные мотивы, но я решила довериться интуиции и импровизировать.

Пусть здесь Альваро жил в качестве моего сопровождения, парень не перестал быть помощником Рамона, и как управляющий особняка на острове, замечал всё и всех. Через него я и узнала о распорядке дня Сиенны и о ее привычках. У нее оказался насыщенный график. Если мне прописали всяческий отдых и подготовку к родам в виде гимнастики, плавания и дыхательных упражнений, то первая волчица беременна не была и нагрузила себя дальше некуда.

Утром она занималась делами стаи: принимала в своем кабинете волчиц с какими-либо вопросами, просьбами и предложениями. Затем устраивала короткий перерыв, обедала и уезжала в город, тоже на деловые встречи. То ли это было особенностью вилемейских вервольфов, то ли инициативой самой Сиенны, я не знала, но она действительно помогала Микаэлю управлять стаей. Когда первые волчицы в Легории в основном занимались собой, не вмешиваясь в дела альфы, Сиенна и Мик были на равных.

Возвращалась она поздно, к ужину, и все оставшееся время посвящала семье и супругу. Мне в последнем уравнении места не было, потому что этот разговор, по сути, не касался Микаэля. При нем волчица, конечно, меня не пошлет, но и откровенничать не станет. Я могла бы официально записаться на встречу утром, но так я теряла эффект неожиданности. Значит, мне оставалось только одно — пересечься с ней до обеда, успеть сделать это в ее свободное время.

Альваро рассказал, где она обычно любит отдыхать: в большой гостиной или на открытой террасе с видом на сад, где Сиенна пила кофе. Сегодня шел дождь, и я сильно сомневалась, что первая волчица захочет мокнуть в свой перерыв, поэтому направилась сразу в гостиную.

Я оказалась права: Сиенна нашла в гостиной. В огромном зале с мягкими диванами, тяжелыми шторами из шоколадной и золотой парчи, громадным камином и блестящим черным роялем. Она сидела прямо на ковре возле камина, с чашкой кофе в руках, и улыбалась. Домашнюю картину слегка портили деловой брючный костюм и строгая водолазка под горло.

К чему я была не готова, так это к тому, что с ней окажутся дети.

Старшего зовут Рикардо. Ему восемь, и он словно маленькая копия отца. Учитывая, что Рамон с Микаэлем похожи, каждый раз, когда я на него смотрю, то представляю своего истинного в детстве. Упрямо сжатые губы, хмурый взгляд и общение «как взрослый» – мальчик, очевидно, тренируется быть альфой уже сейчас. Его младший брат, Теренс, другое дело. Он больше в мать, такие же выгоревшие волосы, большие глаза, нежная золотистая кожа. Впрочем, на этом сходство и заканчивается: в свои четыре Теренс, или, как его называют в семье, Тери, любит играть и веселиться. Когда он улыбается, в комнате будто зажигают сотню лампочек, настолько позитивный этот малыш. Если Рикардо ведет себя со мной вежливо-снисходительно, то для Тери нет границ для любви.

– Тетя Венера!

Тери бросает игрушки, которыми был увлечен на ковре рядом с матерью, и мчится ко мне. Волчонок обнимает меня, когда я опускаюсь вниз, раскрывая ему объятия.

– Как дела у моей сестрички? – интересуется первым делом. Общаясь в другими, Тери тараторит как все вилемийцы, но рядом со мной начинает растягивать и проговаривать слова, чтобы я все поняла. Заботливый малыш.

– Прекрасно, – улыбаюсь я. Рядом с ним невозможно не улыбаться. Поэтому я понимаю Сиенну, которая смеялась еще минуту назад. Сейчас же, глядя на нее, я понимаю, что, кажется, потеряла момент внезапности.

– Толкается? – Тери осторожно прикладывает ладони к моему животу.

– Еще как!

– Она упрямая. Как дядя Рамон.

Я смотрю в светлые глаза волчонка.

– Откуда ты знаешь, что дядя Рамон упрямый?

– Так мама говорит.

– Тери!

Ох уж этот волчий слух! Ничего от друг друга не скроешь.

– Привет, Рикардо. Здравствуй, Сиенна, – ухватившись за предложенную ладошку мальчика, подхожу к первой волчице и ее старшему сыну. Рикардо поднимается из кресла, уступая мне место. В гостиной множество кресел и еще больше стульев, не говоря уже о

диванах, но в этом весь Рик – главное, жест джентльмена. А вот Сиенна больше не улыбается, я бы сказала – она насторожена и пытается понять, что я здесь делаю. Да, глупая была идея с внезапностью – я нарушила семейную идиллию.

– Здравствуй, Венера.

Невысказанное: «Что ты здесь забыла?» будто повисает в воздухе. Хорошо еще, что Сиенна перестала поправлять Тери насчет сестрички. Раньше поправляла, но теперь, кажется, поняла, что это бесполезно, как и то, что малыш прилипал ко мне и ходил за мной хвостиком. Возможно, отчасти это было причиной, почему мы не так часто виделись: Сиенне это не нравилось. Хотя скорее всего, ей не нравилась я сама.

Все выжидающе смотрят на меня, а я пытаюсь подобрать слова. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что очень занятая Сиенна использует это время для общения с детьми. Бесы, она еще более идеальная, чем я думала! Но Альваро предпочел меня об этом не предупреждать, и теперь мне дико неловко забирать даже десять-пятнадцать минут у детей. Что у лапочки Теренса, чтобы у серьезного Рикардо.

– Решила прогуляться? – подсказывает Тери.

– Вообще-то, я хотела поговорить с вашей мамой, – признаюсь я. – Но я не знала, что она проводит время с вами.

Правда лучше всяких выдумок – в этом я убеждаюсь сразу, взгляд волчицы как-то разом смягчается. Если до этого Сиенна смотрела на меня с неким вызовом, то сейчас она больше обескуражена, чем раздражена.

– А мы уже уходим! – Помощь приходит оттуда, откуда я не ждала: Рикардо кивает Тери в сторону выхода. – Альваро обещал нас научить островной игре в дощечки. Быстрее пообедаем, быстрее начнем.

– Игра в дощечки! – радостно сорвался с места младший. Игры интересовали его гораздо больше сестер. Может, когда-нибудь, когда она тоже сможет играть... А пока что из моей малышки плохой партнер по играм.

– А как же поцелуй? – беззлобно рыкнула Сиенна вслед ускользавшему чаду.

– Прости, мам, – он тут же прискакал обратно, чмокнул ее в нос, потом забрался ко мне в кресло, дотянулся до моего лица и мягко мазнул губами по щеке, чтобы снова унесться.

Рикардо тоже поцеловал мать, но сдержанно, и медленно, с достоинством вышел из гостиной и прикрыл за собой двери, заглушая братский вопль:

– Ну что ты копаешься! Дощечки же!

– Мальчики, – усмехнулась Сиенна. – Тебе повезло, что у тебя будет дочь.

– Я рада, что она у меня будет.

– Да, дети это всегда хорошо, а ты умеешь находить с ними язык.

– На самом деле, это просто у тебя очаровательные сыновья, – искренне призналась я. Может, у нас получится нормально поговорить?

Сиенна поставила чашку на пол и поднялась:

– Ты в принципе милая для женщины, не желающей проводить свою пару в последний путь.

А может, и не получится.

Глава 7

Кажется, у нас с ней неконтакт. Вопрос только, почему? Почему Сиенна так остро реагирует на «гибель» моего мужчины, когда у нее есть свой, единственный и любимый?

– Мы уже это обсуждали, – напоминаю я, оставаясь в кресле. Хочется ей возвышаться надо мной – пожалуйста! – Я бы, может, и согласилась на эту церемонию, но только если у меня были доказательства, что он действительно умер.

– Волчий Союз прочесал все побережье.

– Сами верховные старейшины прочесывали? – не удерживаюсь от шпильки.

Взглядом Сиенны можно обжечь, настолько он ядовитый.

– Конечно, не сами. Но у них достаточно ресурсов, чтобы найти его если не в считанные часы, то, по крайней мере, за все эти дни. Они бы его нашли.

– Вот именно, – киваю я. – Они бы уже нашли Рамона, или его части.

Я жесткая, даже жестокая, потому что лицо Сиенны снова искажается от боли. На мгновение, потом она отворачивается и резко шагает к окну.

Плачет? Вряд ли. Скорее, пытается совладать с чувствами. Но она меня не выгнала, мы даже разговариваем и пока не пытаемся вцепиться друг другу в волосы.

Правда, так разговаривать не совсем удобно, мне приходится сесть вполоборота, чтобы не чувствовать себя, как на сеансе у психоаналитика и смотреть на нее.

– Ты им веришь? – интересуюсь, пока волчица не пришла в себя.

– Что? – Сиенна оборачивается. Я права – ни слезинки, просто отрешенность на лице. Она блуждает где-то в собственных мыслях.

– Ты веришь тому, что говорит Волчий Союз? Я думала, что мы вроде как с ними не дружим.

Кажется, такая мысль даже не приходила в голову Сиенне, потому что она растерянно моргает.

– Зачем им врать?

– Незачем, – соглашаюсь я. – Но они в этой истории явно заинтересованные лица.

– Это все не имеет значения. Если бы Рамон выжил, он бы уже с нами связался. Позвонил, отправил бы сообщение, как-то вышел бы на связь.

– Мик считает так же. Но ты его сразу похоронила. Почему?

– Потому что это больно! – рычит Сиенна. – Хоронить любимых.

Мои брови взлетают вверх, сохранять спокойствие, сдерживаться уже не получается.

– Ты любишь Рамона?

– Не будь душой! Сама утверждала, что он все рассказал. Я говорю про своего нерожденного ребенка. Нашего с ним ребенка. – Ее голос звучит все тише и тише, последнее предложение она вовсе шепчет.

Сюда бы Хелен и Алишу, они, как психологи, точно нашли бы что сказать. Правильные слова. Мне же приходится ступать по тонкому льду чужого горя.

– Ты так справляешься с болью? Хоронишь ее в земле?

– Скорее, внутри себя, – отрезает Сиенна. – Но так проще. Проще забыть...

Она осекается и неистово трет глаза, потому что на них все-таки выступают слезы.

– Получается? – спрашиваю тихо. – Забыть?

– Нет! – это рычание дикого, загнанного в ловушку зверя. Это означает, что Сиенна готова перекинуться в волка. Но она вдруг всхлипывает. – Нет. У меня прекрасный муж. Волшебные сыновья. Но эта боль... Эта боль со мной навсегда. Навсегда.

Ранимость идет Сиенне не меньше образа волевой волчицы. Я будто начинаю ее понимать. Не разделять ее мнения, но понимать – да. Это хороший момент, чтобы расспросить о прошлом Рамона и о их ребенке. Но это как сыпать перец на все еще кровоточащие раны. Это значит, провести ее через всю эту боль заново, и я не решаюсь. Пока я сомневаюсь, упускаю момент: она быстро берет себя в руки.

– Это не отменяет того, что мы должны проводить Рамона. Чтобы он занял свое место рядом с Предками. Чтобы он вознесся, как в свое время сделали они.

– Я не хочу этого. – Не узнаю собственный голос. Он хриплый и какой-то неживой. Приходится выталкивать из себя правду, настоящие чувства, глядя Сиенне в глаза. – Не хочу, чтобы он возносился. Хочу, чтобы вернулся ко мне. Если ты этого не понимаешь, то мы точно с тобой не подружимся.

Поднимаюсь резко, насколько вообще резкость сочетается с приличным сроком беременности, и направляюсь на выход. Больше мне нечего сказать. Я вообще злюсь на себя за то, что затеяла этот разговор. За то, что разбередила и ее, и свои раны. Делиться с ней своими страхами я вовсе не планировала, вот и злилась теперь.

– Венера! – зовет меня Сиенна, когда до двери остается шаг, и я оборачиваюсь. Наверное, больше из вежливости, потому что я искренне хочу отсюда сбежать. – Зачем ты приходила?

Взгляд первой волчицы цепкий, испытывающий: сразу понятно, что ее вопрос от вежливости далек. Ей действительно интересно, зачем я пришла. И я сама себе мысленно напоминаю, зачем. Потому что от того, что я поднимусь в свою комнату, легче не станет. Боль не уменьшится. Я снова буду ждать и страдать. Страдать и ждать. И опять сходить с ума от неизвестности.

Поэтому я делаю вдох и вместе с выдохом говорю:

– Чтобы поговорить о Рамоне. Чтобы узнать его лучше. Мы с ним знакомы всего ничего по сравнению с тем, как давно знаешь его ты.

– С детства, – подтверждает Сиенна без тени улыбки. Из-за чего сложно сказать, шутит она дальше или нет: – Я решила стать его парой, когда мне было девять.

– Но ты вышла за Микаэля.

– Потому что он в сотню раз лучше.

– Рамона?

– Меня, – хмыкает Сиенна. – Мы с Рамоном должны были стать парой из-за нашей похожести. Оба поломанные строгим отцовским воспитанием, верящие, что вместе сможем стать счастливыми. Рамон готовился быть альфой, а мне прочили роль первой волчицы. За красоту и мозги.

Она невесело рассмеялась.

– То есть, мне можно вернуться в кресло? – совсем без сарказма не получается, но таких откровенных разговоров у меня еще не было. Чтобы без танцев с бубнами, без того, чтобы щадить чужие чувства. Только правда. Острая, колкая, жалящая. Но в ней есть свое очарование – нам не нужно притворяться другими. Мы такие, какие есть. – Долго стоять на этом сроке неудобно.

– Да садись уже, – взмахивает рукой Сиенна и сама опускается на диван. Продолжает она только когда я возвращаюсь на прежнее место: – Ты хочешь знать, каким был Рамон? Особенным. Для меня. Для Мика. Для всех. Гений, которому не было равных ни в чем. Ни в учебе, ни в спорте, ни в прочих победах. Да, хранящим целомудрие девственником он тоже никогда не был.

Вспоминая нашу встречу, я могу представить, что сексуальная жизнь Рамона была более чем насыщенной. Но и я к нему не девочкой попала, так что ерунда это все!

– Вы же хотели стать парой, – напоминаю я.

– Этого я хотела. Иногда мне кажется, что я ему навязалась.

Сиенна прикрывает глаза и откидывает голову на спинку дивана. Несчастной она не выглядит, а вот усталой – да.

Мне не хочется это признавать, но:

– Это не так.

Волчица вскидывает голову, снова распахивает глаза, и в них злость.

– Решила меня пожалеть?

– Нет. Я просто наблюдательная. Наши с Рамоном отношения складывались не сказать чтобы гладко...

– С Рамоном никогда не бывало гладко! – фыркает она. Ну она и взрывная!

– Мне показалось, что он сожалеет о том, что произошло. Винит себя и хотел бы, чтобы все произошло иначе.

– Сожалеет? Серьезно? Да я буду самой счастливой волчицей, зная, что он испытывал хотя бы десятую долю страданий, которые выпали мне!

Вот теперь мне становится искренне обидно за Рамона. Потому что я чувствовала, что испытывает мой истинный. Как он относится к нашей дочери. Уверена, малыша Сиенны он тоже любил.

– Послушай, но он тоже страдал из-за ребенка. Это был его ребенок. И в отличие от тебя, ему больше нельзя было иметь детей.

– Что-то это его не остановило.

В ней когда-нибудь закончится яд? Или это бесконечный запас?

– Это случайность. Тем не менее Рамон взял ответственность за дочь. Он ее любит.

– А тебя он любил? – неожиданно спрашивает Сиенна, подперев подбородок кулаком. – Мы все про детей говорим, но не про тебя.

– Да, – отвечаю, не задумываясь и глядя ей в глаза. – Рамон не говорил мне этих слов, но говорил другие. И речь не только про слова: он много всего для меня сделал. Из-за меня он пошел против собственных правил.

– Рамон любил нарушать правила. С юных лет. Это ничего не доказывает.

Новые жалиющие слова заставляют меня хмуриться.

– Ты говоришь, что по-прежнему любишь его, что хочешь почтить его память. Но при этом поливаешь его память грязью. Почему?

Сиенна сжимает губы в тонкую линию: видно, что она многое хочет сказать или сделать. Но ее ответ звучит холодно:

– Потому что он умер, а у меня до сих пор не получается его простить. За нашего ребенка. За наш неслучившийся союз. За то, что разрушил мою жизнь. – Она кривится: – Пафосно, но как есть.

А у меня от нахмуривания, кажется, скоро между бровей морщина появится.

– По-моему, ты утрируешь, Сиенна. У тебя прекрасная жизнь. Муж. Дети. И красота и мозги тоже с тобой.

– Красота, говоришь? – выдыхает волчица, закусывая губу так, что она белеет. – Что тогда ты скажешь на это?

Он оттягивает ворот водолазки так сильно, будто собирается разорвать ее на себе. Но эта мысль в следующее мгновение от меня ускользает, потому что я вижу, что Сиенна выбирает одежду под горло не просто так. Она прикрывает жуткий, уродливый, рваный рубец, будто рассекающий шею от края до края.

Этот шрам настолько страшный, что я не нахожу слов. Вся моя выдержка уходит на то, чтобы оставаться спокойной: не показать ни отвращения, ни тем более жалости. Возможно, первого Сиенна и ждет, иначе не устроила бы мне такое шоу, а вот второго никогда не простит. Слишком гордая она, чтобы позволять кому-то себя жалеть. А у меня едва получается сглотнуть горький ком в горле, ком сожаления и злости на того, кто это сделал. Потому что я знаю, каково это: месяцами прятать шрамы, пока они не сойдут, не рассосутся, благодаря регенерации вервольфов.

Если этой отметины на ее коже настолько давно, то почему он не проходит?

– Этому шраму больше десяти лет? Почему он не рассосался?

У меня получается сбить Сиенну с толку: очевидно, я реагирую не так, как она привыкла. Не падаю в обморок, не спешу утешать или убеждать ее, что ничего страшного. Это самая тупая фраза на свете, особенно, когда человек признается, что ему больно. А слышит в ответ: «Ничего страшного!» Тот, кто первым ее придумал, умом не отличался, но другие повторяют. Я понимала, что это страшно. Страшно каждое утро и каждый вечер смотреть на себя в зеркало и видеть не просто пару лишних килограмм, а отметину, напоминающую о том, что однажды ты потеряла все.

Сиенна сжимает-разжимает пальцы на водолазке, словно раздумывая: спрятать шрам или «пугать» меня дальше. Но потом все же поправляет ткань, приглаживает ее ладонями, слегка подрагивающими, выдающими бурю чувств внутри, которые она всеми силами пытается скрыть. Если бы еще их получилось прикрыть так же легко, как отметину плотной тканью! Для нее это непросто, для нее это эмоциональный стриптиз, обнажение перед другой женщиной.

– Это подарок безликих. Знаешь таких?

Я молча киваю, и она продолжает:

– У меня, как у любой волчицы, хорошая регенерация, поэтому они это предусмотрели и смазали клинок ядом осиной гарги.

Мои глаза широко распахнулись:

– Ядовитой змеи?

– Их любимое оружие, – горько усмехнулась Сиенна. – Фирменный знак. Позволяет замедлить регенерацию до человеческой. Мне перерезали горло, повредили связки... много всего повредили, я даже есть не могла, как все. Я должна была подохнуть, но каким-то чудом выжила. Лишилась ребенка и голоса. После долгих изнуряющих тренировок заговорить получилось, выносить и родить тоже. Но забыть весь этот кошмар...

Она осекается, разжимает кулаки, но все равно смотрит на меня с вызовом.

Что ж, откровенность за откровенность!

– Мой бывший муж очень любил «острые» игры и пользовался тем, что, в отличие от человеческих игрушек, меня можно было ломать долго. Такие любовные игры. Хорошо, что он не знал об этом яде, иначе бы оставил следы не только на моей душе, но и на моем теле. Чтобы я о нем вспоминала. Проблема в том, что я и так о нем помню. О нем и о жизни рядом с ним. Это как твой шрам, его не видно другим, не станет видно, даже если я выйду на улицу голышом.

Вызов из взгляда Сиенны с каждым моим словом ускользает, на смену ему приходит отражение моей боли и ярости. Отвращение там тоже есть, но я понимаю, что оно относится к поступкам Августа, а не ко мне, которая позволила так с собой обращаться. Раньше в этом всем я винила себя, но давно уже не виню.

– Рамон убил его? – кровожадно спрашивает Сиенна.

– Его опередили.

– Туда и дорога этой твари!

– Согласна, – киваю я. Август не был ни хорошим мужем, ни хорошим волком. У меня не получилось его простить, но себя за чувства к нему, за эту ненависть я простила. Его смерть многих освободила, а еще многих уберегла от боли, которую он с таким наслаждением любил дарить. И Сиенна со мной солидарна. Кажется, мы с ней впервые на одной волне, пусть даже это волна ярости и

горечи воспоминаний. – Но эта боль всегда со мной. Я годами пыталась от нее избавиться, и у меня ничего не получилось. Это как пытаться избавиться от прошлого. От части себя. Для этого нужно, как минимум, стереть память, но, даже если бы это было возможно, это была бы уже не я.

– Что тебе помогло?

– Кто. Мой психотерапевт. Друзья. Возможность стать матерью, когда даже доктора говорили, что это невозможно. Рамон. Рядом с ним я поверила, что снова могу довериться кому-то, полюбить. Хотя вначале он меня здорово пугал и мотал мне нервы.

Сиенна рассмеялась, кажется, впервые не сдерживаясь, искренне, не комплексуя по поводу своего голоса и смеха.

– Теперь мы точно про одного волка говорим.

Я тоже смеюсь, и это освобождение. Сдвиг в наших с ней отношениях.

– Того безликого нашли? – спрашиваю осторожно. Опасаюсь, что все вернется на круги своя, и Сиенна снова закроется. Но она не закрывается:

– Рамон нашел. Настиг его, но эти монстры предпочитают смерть плену. Поэтому имя заказчика выяснить так и не удалось.

– Ты поэтому до сих пор на него злишься? – задаю самый главный вопрос. – Это не можешь простить?

– Нет, – она мотает головой, и этот отчаянный жест острее всех слов. – Наверное, нет. Никто не мог предвидеть, что меня закажут. Он тоже не мог. Но он меня бросил. Когда увидел с этим порванным горлом. Когда узнал, что я потеряла нашего волчонка. Когда мне больше всего нужна была его поддержка. Он бросил! Меня. Мать. Стаю. И стал верховным старейшиной. Он предпочел мечь мне!

Я так прочувствовала боль Сиенны, что у меня защемило сердце. Быть покинутой любимым – это не просто больно, это несправедливо.

– Это его не оправдывает, но, думаю, он хотел защитить тебя. Пусть даже выбрал такой странный способ.

Глаза Сиенны вспыхивают холодной яростью, от грусти и отчаянья не остается и следа:

– Я тоже в это верила. Считала, что Рамон отгородился от всех. Что никого так никогда и не впустит в свое сердце. Одиноким волк. Но потом он привез тебя. Беременную его волчонком. Снизол до того,

чтобы просить Мика о помощи. Он словно стал прежним. Таким, каким он был, когда мы были парой. Я увидела его влюбленным, и уже тогда поняла, что мне нужно за тебя молиться.

– Чтобы со мной не случилось того, что случилось с тобой?

– Да. Уверена, история бы повторилась. Рамон снова потерял бы семью и отправился искать невидимых врагов. Еще более безумным и поломанным.

У меня холод по спине от нарисованного Сиенной будущего, отчего я ежусь. Но еще больший холод охватывает меня после ее слов:

– Я хочу, чтобы он оказался мертв, Венера. Я хочу, чтобы все это закончилось. Тот, кто на него охотился... Он останется ни с чем. Рамон получит возмездие. Ты же будешь жить и растить свою малышку.

На языке осадок горечи от нашего разговора. От разговора и от всей этой истории. Грустной, несправедливой и жуткой. Обидной. Потому что мне обидно за Рамона, который устраивает всех страдающим, а вот счастливым, живым и здоровым он всем мешает.

– А ты? Что будешь делать ты? – интересуюсь сухо.

– Наконец-то прощу его.

– Сомневаюсь, что у тебя это получится, – поднимаюсь из кресла.

Изучающая каминную полку Сиенна вскидывает на меня голову, врезается в меня взглядом.

– Объясни.

– С удовольствием. Вы все говорите, что любили Рамона. Но на самом деле это не так, если общее прощение он может заслужить исключительно собственной смертью.

Психолог из меня получился бы так себе. Хорошо, что я не психолог, и могу сказать все, что думаю.

Пока Сиенна не пришла в себя от шока, уйду из гостиной. Надеюсь, она задумается. А даже если не задумается, ладно. Я буду искать Рамона сама.

Искать. Ждать. Верить.

ГЛАВА 8

Рамон

Те шрамы, что светлыми полосами оставались на его теле, сошли за неделю. Календаря здесь не было, но солнце вставало и опускалось за горизонт семь раз.

Он ушел на следующий день, был еще слаб, но смог перекинуться в волка и убежать в джунгли. Чем привел в дикий восторг местных детишек, потому что других племен Рамон не нашел. Этот остров, по видимому, принадлежал Наиле и ее народу. Можно было переплыть на другой, тем более что ближайшие острова хорошо просматривались с берегов. Проблема заключалась в другом.

Этих островов было слишком много.

Рамон прекрасно помнил, насколько архипелаг большой. Даже если учесть, что остальные племена встретят его настолько же гостеприимно, а не попытаются сразу же убить, на исследование каждого в лучшем случае уйдут недели, в худшем – месяцы. А ему нужно выбираться отсюда как можно скорее. Пока Венера под защитой Мика, но что придет в голову его врагу, когда он узнает, что Рамон мертв? Он был уверен, что Союз посчитал его погибшим: кто вообще выживет после такого? Но это означало и другое – верховные старейшины могут разбомбить архипелаг и стереть с лица земли племена джайо по итогам одного совещания. Чудо, что еще не стерли! Потому что они такого не прощают и всегда бьют в ответ. Не посмотрят они ни на вековые традиции, ни на уникальную флору и фауну.

Значит, времени у него в обрез.

И, конечно же, его главная причина – Венера. Она должна как можно скорее узнать, что он жив. Представлять, как его пена скорбит о нем, было больнее, чем гореть в пылающем вертолете. Его малышки не должны страдать ни единой лишней минуты.

Поэтому после дня прогулки Рамону пришлось вернуться к изначальному плану: убедить Наилу ему помочь, найти Мишель и телефон, связаться с кем-либо из Волчьего Союза и тем самым защитить племена джайо. По крайней мере, тех, кто не покупает оружие на материке.

Сложности начались с Наилы. Альфа продолжала стоять на своем. Сначала он ей божественного ребенка, потом она подумает. Зачем ей еще дети, если у них с великаном их уже пятеро?! Пятеро симпатичных волчат, ходивших за ним хвостиками. В общем,

отпускать бога она не собиралась. Тогда Рамон схватил жрицу за горло, встряхнул и пригрозил свернуть шею. Не из-за того, что нервы сдали: он прекрасно осознавал, что делает, просто не собирался с ними церемониться. Надо быть злым богом – он будет! Жестоким? И с этой ролью справится!

Учитывая, что случилось это посреди деревни, остальные вервольфы упали на колени и принялись умолять. Слов он не понимал, но по интонациям мог догадаться, что они просят отпустить благословенную альфу. Появившийся огромный волк метнулся к Рамону, но тот лишь качнул головой и оскалился. Одно движение – и его пара останется без головы. Свернуть шею человеку проще простого. Если взгляд великана (волком он был еще более громадным) мог стать еще более диким, он стал. Неразбавленная ярость самца, готового умереть за свою истинную. Рамон прекрасно его понимал, видел, что вервольф готов разорвать его на части.

Вопреки всему в глазах альфы не отразилось ни капли страха или злости: она смиренно опустила голову, повиснув в его захвате, и толкнула какую-то речь. Достаточно короткую, но напряженную. После чего попыталась мне перевести.

– Смерть. Наила готова. Боги.

– Хочешь попасть к богам после смерти? – скривился он и отпустил жрицу. – Так попадешь совсем скоро! Только я с вами не хочу, понятно?

Кто сказал, что имани – венец эволюции? Именно в этой не было ни капельки мозгов.

Великан не набросился на него только потому, что Наила преградила ему путь. Тогда дикарь вернул себя человеческую ипостась, принялся жестикулировать и что-то ей доказывать.

– Что он хочет?

– Пнур, – недовольно проворчала Наила, рубанула ладонями в воздухе и показала зубы.

– Бой, – перевел он для себя. Дикарь хотел сражаться за свою женщину.

– Я отказываюсь, – покачал он головой и указал на Наилу. – Мне она не нужна. У меня есть своя луна.

Жрица сжала губы так, что они побелели, вздернула подбородок и гордо ушла прочь. Бросив на Рамона злой, непонимающий взгляд,

великан утопал за ней. Но в этот момент бывший верховный старейшина понял, что чаша весов его удачи все-таки перевесила.

Ревнивый дикарь вполне мог стать хорошим союзником.

Но поговорить с ним получилось только через несколько дней. Наила будто чувствовала его планы и постоянно ходила вместе с великаном. Или, что более вероятно, после угроз Рамона великан сторожевым псом шастал за ней и старался не оставлять свою женщину ни на минуту.

Рамон уже начал раздражаться: время утекало как вода. К тому же, отказ от Наилы на глазах у всех привел к досадным последствиям. Другие волчицы решили тоже попытать счастья с божеством. На попытки собственного соблазнения Рамон неизменно отвечал вежливым отказом, но на своей шкуре ощутил то, что чувствуют звезды музыки и спорта, которых преследуют фанатки.

То ли мужчины в стае не выдержали такого расклада, то ли это не понравилось великану лично, но он удивил и пришел в хижину Рамона сам.

– Ты должен исчезнуть, – сказал он. Великан говорил на языке исли, общем языке народов, что живут на материке, недалеко от архипелага. Но Рамон его знал.

Готовый объясняться с помощью рисунков, верховный разломал палочку и выбросил ее.

– Твою мать, ты знаешь исли?!

Чувство было такое, что над ним все до этого издевались!

– К сожалению. Это язык хэлаиров. Язык проклятых. Долго на нем говорить буду, буду проклят тоже.

– Тогда не стану спрашивать, откуда ты его знаешь. И даже о том, почему Наила не снизошла до простого общения.

– Она хэла. Она не осквернит себя нечистым языком.

– Даже если он твой? – не удержался Рамон от шпильки.

Великан нахмурился, до него не сразу дошла соль шутки, но когда дошла, его глаза вспыхнули синим светом, особенно ярким из-за полутьмы хижины без окон.

– Да ты тоже имани, – присвистнул Рамон. Вот так номер! – И много вас здесь?

Дикарь «погасил» свою ярость, его глаза снова стали темными.

– Много болтаешь, бог.

– Ты же в мою божественность не веришь, – приподнял бровь Рамон.

– Я хочу, чтобы ты ушел туда, откуда пришел, – процедил великан.

– С радостью. Мне нужно найти сестру. Я здесь из-за нее. Ее похитили ваши, с архипелага.

– Не наши. Мы не крадем людей. Волков тоже. Большой грех. Боги проклянут. Тебе нужно к Ману, что все знает. Я отведу.

– Когда?

– На рассвете. Будь готов.

Рамон даже спрашивать не стал, кто такой этот «Ману, что все знает». Ману так Ману, хоть какая-то зацепка. Конечно, существовала вероятность, что великан просто его разводит. Надеется по-тихому прикончить бога где-нибудь в лесу. А главное, с генами имани у него были все шансы, потому что сам Рамон полностью не восстановился. Но верховный видел, как тот морщился при упоминании грехов и грешников, которые уволокли Мишель. Пусть, дикарь не верил в то, что он бог, но верил в свою веру. И Рамон решил довериться ему.

Он не уснул той ночью, думал о Венере. Вспоминал, какие на ощупь ее волосы, мягкость кожи, сладость поцелуев. Предки, каким глупцом он был, когда пытался оттолкнуть от себя свою нежную малышку! Нужно было наслаждаться каждой минутой рядом с ней. Ее смехом. Ее улыбкой. Ее искренностью, с которой она дарила себя. Ее силой духа.

Сейчас он расплачивается именно за это. За то, что не оценил дарованное ему сокровище.

Но можно было заниматься самобичеванием, а можно – идти вперед, чтобы вернуться к ней. И быть вместе.

Великан явился даже раньше: на темном небе было еще полно ярких звезд. Но покидающий деревню Рамон чувствовал себя наконец-то выпущенным на свободу зверем. Наила хотела, чтобы ее племя стало для него домом, но у него уже был дом, и он всеми силами стремился туда.

– Как тебя зовут? – поинтересовался он у дикаря, когда они покинули поселение.

– Арула.

– А я Рамон.

– Мне все равно, – рыкнул дикарь и вмиг обернулся большим бурым волком, а затем побежал через чащу.

Рамон последовал его примеру и ринулся за имани следом. Впрочем, уже спустя полчаса верховный понял, что великану даже не нужно будет сражаться с ним в лесу и брать грех на душу. Потому что когда бурый волк спрыгнул со скалы в воду, первое что Рамон подумал – что с ним скорее расправится океан.

Он видел противоположный берег, значит, плыть до следующего острова недолго, но не знал, какие здесь течения. Впрочем, Арула его не ждал, быстро увеличивая расстояние между ними, а Венера наоборот ждет. Ждет где-то там в слезах и верит в него. Он очень надеется, что она по-прежнему верит в него.

Это придало ему сил. Поэтому Рамон прыгнул. Вода оказалась даже теплее, чем в реке, в которой он купался, а течение – не таким уж сильным. Он добрался до соседнего острова за полтора часа. Останавливался несколько раз, отдыхал, а потом вновь усиленно работал лапами.

– Про лодки вы не слышали? – спросил он у Арулы, оказавшись на другом берегу и сменив ипостась.

Бурый волк ничего не ответил и скрылся в лесу.

Как догадался Рамон, это было только начало дикой гонки. Они бежали, затем снова плыли и снова бежали. Пили воду из родников, валялись на берегу под палящим солнцем. Рамон, кажется, обгорел, но сейчас его мало заботила зудящая кожа. Даже великан под конец этого бега устал. Он давно мог бы кинуть Рамона, но продолжал двигаться вперед. Уже на закате они обошли стороной какую-то деревню и заночевали в лесу, а утром все продолжилось.

В отличие от некоторых вервольфов, который кайфовали от охоты и пойманной дичи на месте, Рамон предпочитал смаковать разделанную и приготовленную еду в обличье человека. Но здесь выбирать не приходилось. Он охотился на птиц и грызунов, потому что телу нужны были силы и энергия. Рамон двигался на таком пределе, что пару раз думал, что просто упадет или пойдет ко дну, но потом вспоминал улыбку Венеры и шел-плыл дальше.

Только ее улыбка имела значение.

И он прошел бы, проплыл бы еще сотню морей и островов, если бы это понадобилось, но на рассвете взгляду открылись высокие по

меркам этой местности сооружения. Каменные пирамиды.

Пирамиды в четыре этажа было видно еще с воды, обвитые лианами и заросшие тропической зеленью, они выступали из предраассветной лиловой дымки, из-за чего Рамон сначала принял их за мираж, сотканный из облаков. Но дымка развеялась, аккуратно обтесанные камни остались. И это были не хибары вервольфов-дикарей, часть из которых ходили в зверином облики, это уже жирный намек на цивилизацию. Правда, достаточно древнюю, чтобы надеяться на то, что у них есть вай-фай.

Усмехнувшись собственной шутке, Рамон решил пока остаться волком. Мало ли что его ждет впереди. Наила искренне верила в то, что он божество, а эти пирамиды либо усыпальницы, либо храмовый комплекс.

Он насчитал пять пирамид, все абсолютно одинаковые, с широченными лестницами и плоскими вершинами. Значит, наверх поднимаются. Вопрос — зачем. Ради молитвы или для жертвоприношения? Или и того, и другого.

Остров оказался больше тех, что они оставили за спиной, но они быстро добрались до пирамид. Арула подбежал к центральной и обернулся человеком. Затем вытащил из скрытой в зарослях объемной корзины большой кусок ткани и повязал вокруг бедер.

— Туда только ну двух ногах, — объяснил он. — Правила.

Чихать ему на правила! Выжить волком шансов у Рамона было больше, а он не сказать чтобы доверял своему молчаливому помощнику, но в этой ипостаси можно хотя бы задавать вопросы. Волки все равно разговаривать не умеют.

Поэтому Рамон принял привычный облик и закутался в предложенную ему ткань. После всей этой жары, после палящего солнца, она приятно холодила кожу, но уже в следующую минуту они нырнули в темный коридор, и солнце стало последним, о чем стоило заботиться.

Камень под ногами был прохладным и чистым, без каменной крошки, засохших растений и даже пыли — будто здесь прошла уборщица с пылесосом и шваброй. Они двигались в темноте: ни факелов, ни окошек, и у Рамона создалось впечатление, что они где-то в офисе или музее, а не в древнем храме. Впрочем, шли они недолго:

свернули налево, поднялись по ступенькам и оказались в зале с низким потолком.

Здесь горели факелы, много факелов. Они освещали колонны и рисунки на стенах. Фрески, переливающиеся перламутром красок, были настолько изумительно выполнены, а детали проработаны, что Рамон завис перед первым сюжетом. На нем было изображены вервольфы, меняющие свою ипостась. Кто-то уже полностью обернулся волком, кто-то частично, у кого-то только отросли клыки и покрылись шерстью лапы. Они будто бежали по стене друг за другом, чтобы затем натолкнуться на полностью обнаженных женщин с длинными светлыми волосами. На них художник вовсе не пожалел сил, передавая изящность и красоту. Вервольфы присвоили себе красавиц: содержание следующих фресок было достойно фильмов для взрослых, а может, в чем-то даже смогло бы удивить современных режиссеров «клубнички». После оргии все девушки понесли, и на свет появилось... Племя Джайо?!

– Постой! – Рамон догнал великана, который давно ушел вперед и теперь, недовольный, ждал его на ступенях, ведущих к трону, или как еще назвать эту скамейку на возвышении? – Вы все потомки нирен? Все имани? Как такое возможно?

– Боги благословили, – ответила за него женщина, появившаяся из-за колонны. Высокая, статная, она двигалась как королева. Годы полностью превратили ее длинные, заплетенные в широкие косы, волосы в серебро, украсили лицо и шею морщинами, но не пригнули к земле – она держала спину прямо и шла легко, как девушка. И смотрела прямо на Рамона, хотя ее глаза будто заволокло туманом.

Он так удивился появлению жрицы (кем еще она могла быть, чтобы чувствовать себя настолько уверенной в таком месте?), что не сразу осознал – она говорит на его родном языке. Уже после отметил, что кожа у нее не такая темная, как у Арулы и Наилы, как и то, что она человек. То есть нирена.

– Ману, что все знает?

– Да, это я.

Жрица подошла ближе. Двигалась она уверенно, а вот взгляд остановила на плече Рамона. Все-таки слепая. Это объясняло пелену на глазах.

– Меня зовут Рамон Перес. Я...

– Я знаю, кто ты, – перебивает его жрица. У нее легкий акцент, который бывает у тех, кто долго не разговаривал на том или ином языке. – Я Ману, что все знает.

– Правда знаете все? – Не скрывает он собственного сарказма. Если досталась бесцеремонная старуха, то зачем с ней церемониться? – Тогда кто я по-вашему? Упавший с неба бог?

– Нет, ты не бог.

Ну хоть у кого-то в порядке с мозгами! А то уже надоело, что от него требуют божественных детей.

– Но ты вождь.

– Я не альфа.

– А разве я сказала – альфа? Ты гораздо больше, чем альфа. Ты король, что сражается за свое королевство. Умерший и воскресший.

Рамон мигом серьезнеет, всматриваясь в пустые глаза жрицы, пытается понять, что это: догадка старой шарлатанки, или она действительно что-то знает о нем?

– Продолжайте, – говорит он. – Что еще?

– Мы не на ярмарке, а я не гадалка, – усмехается жрица. – Я слепа, но вижу больше остальных.

– Гадалка? Ярмарка? Вы не из этих мест. Родились в Вилемие?

– В Родокии. Моя мать была вилемийкой.

– Как вы оказались здесь?

– Меня еще совсем девчонкой похитили волки из племени Джайо. Похитили? Как похитили Мишель!

Жрица проходит мимо него и поднимается по ступенькам. Рамон следует за ней, пытается подставить локоть, но Ману его предупреждает:

– К жрицам нельзя прикасаться, вождь. Только если я сделаю это первой.

Она смотрит куда-то за его плечо, Рамон вспоминает про великана и убирает руку. Жрица грациозно опускается на трон.

– Хотите сказать, что к вам никогда не прикасались, с тех пор, как похитили?

– Прикасались, – улыбается Ману. – Иначе как бы на свет появился Арула?

Казалось, удивиться еще больше невозможно... Хотя, судя по тому что великан слушался свою альфу, он не так прост.

– Значит, он тоже божественный ребенок?

– Все мы здесь божественные дети, – вздыхает Ману, – но кто-то желает стать более божественным.

– Наила?

– Мало ей моего сына. Она хочет мое место. Известная история. Борьба за власть. На материках за статус альфы сражаются мужчины, а здесь все решают женщины. Да только не доросла она еще до такой ноши.

Великану придется долго объясняться со своей жрицей, куда он дел бога. Значит, дело не в его божественности, а в политике.

– Меня ваше противостояние не касается. Ты знаешь, кто я, тогда должна знать, что ждет ваши племена, если я не вернусь в Вилемию.

– Знаю, – вздыхает она, – несущий перемены вождь. Чем быстрее ты покинешь наши земли, тем лучше, что правда, то правда. Но ведь ты не просто хочешь уехать?

– Сложно объяснять что-то «гадалке», – кивает Рамон. – Я прилетел сюда ради девушки, которую похитил кто-то из вашего племени. Часто крадете девушек?

– Это старая, позабытая традиция. На острове рождаются нирены, и все они становятся жрицами. У каждой нирены может быть свое племя, за обладание каждой мужчины сражаются друг с другом. Кто победил, тот достоин быть ей мужем.

– А проигравший?

– Остается ни с чем. Но можно обмануть закон, украсть нирену у хэлаиров.

И стать вождем при жрице. Умно! Но не ту нирену они выкрали.

– Ты знаешь, где она?

Ману посоветовалась о чем-то с великаном на местном языке и только после ответила:

– Арула покажет дорогу. Тебе по пути.

– Что значит «по пути»?

– Поймешь. Тебе еще многое суждено понять. Самая большая твоя битва впереди, и все зависит от того, какую женщину ты выберешь.

Рамон напрягся:

– Я уже выбрал.

– Нет, – покачала головой жрица. – Еще не выбрал. Но от этого зависит исход твоей битвы.

Рамон не любил ребусы, но нирена не стремилась ничего объяснять, а он и так потратил много времени на острове. Времени, которое могло закончиться в любую минуту.

– У Джайо несколько племен, стай, – перешла на деловой тон Ману, поднимаясь и направляясь в новый коридор, – они все мирные. Но есть те, кто считает, что для них закон не писан. Они уходят из дома и присоединяются к свободной стае.

– Все как у хэлаиров, – хмыкнул он, вместе с Арулой следуя за ней, но нирена и бровью не повела.

– Тебе нужен Лорра, он предводитель всех инакомыслящих. Он был первым, кто предал нашу веру и заключил союз с хэлаирами.

– С этого момента поподробнее!

– Нет подробностей, – отрезала жрица. – Якшаться с ними – значит, пойти против себя и наших богов. Но они достали оружие хэлаиров и направили его против стай. Пролили много крови, заняли самой большой остров на священных землях Джайо и обрекли всех нас на гибель.

– Не обрекли. Если я успею отсюда выбраться, то обещаю – вас не тронут.

Власти верховного старейшины Волчьего Союза достаточно, чтобы защитить архипелаг, сохранить его культуру и историю. Сохранить живущих здесь нирен, о которых Союз не знал. Или знал?

О чем еще не знает сам Рамон?

– Не обещаю того, в чем нет уверенности, – говорит жрица, они проходят длинным темным коридором, пока в конце не вырастает яркое окошко дневного света – выхода из пирамиды.

– Вас не тронут, – повторяет Рамон, – но я ничего не могу сказать насчет тех, кто не сложит оружие.

Ману ничего не отвечает: то ли не верит, то ли знает и видит немного больше, чем дано всем остальным. Она останавливается в двух шагах от выхода, что-то приказывает Аруле. Великан сначала спорит о чем-то, рычит и смотрит на Рамона волком, но все-таки склоняет голову перед своей матерью и жрицей. Без перевода понятно, что он не желает идти на земли предателей. Но что поделаешь? Он целует ей руки, а после резко перекидывается в бурого зверя.

– От твоего выбора зависит и наша судьба, – говорит Ману.

– И даже не подскажешь, какой правильный? – без тени насмешки спрашивает Рамон. Он привык выбирать сам, но и советами никогда не брезговал. Как известно, кто владеет информацией – владеет всем.

– Верного пути нет, – качает головой жрица. – Каждый выбор принесет боль, каждый омыт кровью. Что-то ты обретишь, что-то потеряешь. Совет до смешного простой: слушай сердце, разум ненадежный советчик, потому что в разуме живет страх. Сердце не боится, оно всегда выбирает по любви.

Любовь.

Он почти выкорчевал в себе любовь, но с появлением Венеры в его жизни она проросла в него вновь. Венеры и дочери. Если бы все так было просто! Если старая ведьма права, то она говорит о выборе между семейным счастьем и властью старейшины, властью, способной защитить целый архипелаг. И этот выбор на самом деле не настолько очевиден. Но Рамону надоело выбирать. Однажды он уже принял решение, разумное, логичное, которое почему-то никого счастливым не сделало. Теперь он собирался поступить иначе.

Отныне ему нужно было поступать так, как его враг не ждет.

Арула уже скрылся в лесу, но остался еще один важный вопрос:

– Ты сказала, что я не бог. Тогда кто? Я не похож на других вервольфов.

И если бы это была наследственность, за которой так гонялся его враг! Ведь Микаэль обычный волк. Песчаный койот.

– Это твой дар, первенец истинных. Твоя сила, которую ты сделал слабостью.

В Рамоне вспыхивает раздражение: не на Ману, на себя. Она права, он позволил своей особенности испортить ему жизнь. Чуть не испортить. Больше не позволит.

– Значит, моя дочь унаследует его?

– Судьбы еще нерожденных мне неведомы. Они чистые страницы.

Это хорошо, что чистые страницы. Это означает, что он подарит дочери прекрасную жизнь. Дочери, Венере, себе.

– Спасибо, – благодарит он. – Я от своих слов не откажусь.

Рамон последовал примеру Арулы: поцеловал руку Ману, чем, кажется, удивил ее, и, сбросив ненужную простынь, принял звериное

обличие. Где бы не находился это самый большой остров, он готов к нему плыть.

Разговор с Ману только укрепил его во мнении, что все правильно. А то, что любой его выбор – это кровь и боль, так это еще нужно посмотреть.

Глава 9

Поселение инакомыслящих оказалось ближе, чем он мог представить – на соседнем острове. Назвать его лагерем или даже деревней язык не поворачивался. Это был настоящий город: без храмов-пирамид, но с большими каменными домами, вышками для часовых и въездами с глубокими колеями на подсохшей глине – следами от машин. О прогрессивности местных свидетельствовали и несколько спутниковых тарелок. Значит, тот, кто отдал приказ подорвать вертолеты, сделал это отсюда. Этот факт вырвал рычание из груди Рамона.

У самой окраины Арула перекинулся в человека.

– Сделка, – выдохнул он. – Дальше не пойду.

Видимо, герой из великана был так себе. Хотя Рамон его понимал, ему тоже не воевать хотелось, а поскорее вернуться к своей женщине. Но что делать, если, для того чтобы вернуться, приходится воевать.

– Спасибо и на этом, – Рамон сменил ипостась и протянул руку. – Правда.

Арула колебался, но ладонь пожал.

– Последняя услуга? – попросил Рамон. – Этот Лорра, он принципиальный или продажный?

– Продажный, – без раздумий ответил великан. – Скользкий.

Замечательно. Если не получится запугать, то можно просто договориться.

– Что будешь делать?

Его проводнику вроде и хотелось поскорее избавиться от него, а вроде и любопытство мучило.

– Просто войду туда и поговорю с главным.

– Самоубийство! – рыкнул великан.

– Разве? – подмигнул ему Рамон. – Я бог, забыл?

– Ману считает иначе.

– Тогда хорошо, что она моей стороне. Так что иди, пока тебя не засекли.

Арула повернулся, но тут же замер, по-звериному повел носом:

– Поздно. Нас учуяли.

Рамон тоже это понял: не просто учуяли, взяли в кольцо.

Шесть... Девять... Одиннадцать, нет, двенадцать вервольфов. Столько он насчитал. Прорываться с боем – не лучший вариант.

– Хм, – сказал Рамон, – хотел бы я, чтобы ты вернулся к своей паре, но, видимо, придется еще немного побыть моим переводчиком. Не волнуйся, я обо всем договорюсь.

Себе он пообещал, что сделает все, чтобы великан действительно вернулся к семье.

Окружившие их бурые волки, принялись загонять нарушителей в сторону входа в город. Ну как загонять: Рамон пошел сам, а Алура держался рядом с ним. Остановились они лишь однажды, на достаточно большой для этого места городской площади. В самом центре, на брусках высокой вышки висело мужское тело. Висело недавно, так как труп отлично сохранился, хотя перед смертью его владельца здорово потрепало. Об этом говорили глубокие шрамы, рассекающие грудь и горло.

Жестко, но Рамон прошел бы мимо, мало ли какие у этих дикарей обычаи. Но Арула при виде трупа споткнулся. Глубокая складка прочертила его лоб.

– Знаешь его? – спросил верховный.

Великан мрачно кивнул.

– Это Лорра.

Рамону захотелось присвистнуть.

Неожиданно. Кажется, у этих Джайо случился переворот.

Их с Арулой подтолкнули к каменному дому. На особняк он не тянул, но явно выделялся среди остальных построек массивностью и высотой: три этажа могли поспорить с пирамидами. Может, тот, кто построил этот дом, желал таким образом приблизиться к богам. А может, просто пытался что-то еще компенсировать. В любом случае, одно другому не мешало.

Они поднялись по лестнице, вошли в двустворчатые, широко распахнутые двери и оказались в большом зале, который, по всей видимости, служил комнатой для советов. При желании он мог

вместить человек сто, еще и место останется. Огромный и пустой. Гладкий каменный пол, безликие серые стены, только слегка выделяющийся лысый постамент у противоположной стены. Все это ассоциировалось то ли с пустым складом, то ли с замковым погребом.

В деревне Наилы Рамон успел узнать, что джайо жили в простых хижинах не из-за ненависти к прогрессу или опасений насчет веры. Им это было попросту не нужно. Они жили в гармонии с первозданной природой. Спали прямо на земле, потому что волк не нуждался в матрасе. Их одежда была простой и удобной: той, которую можно быстро скинуть, и обернуться волком. Хочешь помыться? Иди в реку. Хочешь есть? Поймай себе ужин. Перекидываясь в людей, стая Наилы закрывала потребность в общении, занималась творчеством в виде лепки посуды или создания картин на песке. Однажды он даже видел что-то похожее на театр теней. Но их жизнь была простой, без лишних амбиций, без стремления к власти. Ману говорила, что Наила хочет власти, но власть для дикарки была сродни медали, которой она станет гордиться. Чем она сможет похвастаться. Ей не нужна была власть над другими племенами.

Этот город был другим: много камня, которым будто пытались отгородиться от джунглей. Этот дом был другим, больше напоминающим военную базу, чем то место, куда действительно хочется возвращаться. И вышедший к ним молодой вервольф тоже был другим. Нет, внешне он напоминал Арулу, такой же темнокожий великан с воинственным взглядом. Но даже сейчас избранник Наилы выглядел спокойным, уверенным в себе. От незнакомца же веяло яростью, агрессией, ненавистью.

И вся эта ненависть целиком была направлена на Рамона.

Не будь он уверен, что они ни разу не встречались, решил бы, что успел где-то перейти новому альфе дорогу.

Он спросил что-то на местном, но Рамон, конечно, же ничего не понял. А вот Арула ответил на исли:

— Я не знал, что это твои земли, Зен. Еще недавно они принадлежали твоему отцу.

— Как видишь, теперь моему отцу принадлежит лишь кол на главной площади, — подхватил Зен. — Я победил его в честном сражении, этот город мой. Но это не отменяет моего вопроса: что вы забыли на моем острове?

Спрашивал он вроде как у Арулы на смотрел на Рамона, и если бы собственной ненавистью можно было отравиться, то мальчишка уже рухнул бы замертво. Да, мальчишка. Чем больше Рамон его рассматривал, тем больше деталей для себя отмечал. Зен, несмотря на рост, явно не старше Мишель. Силен, но несдержан: эмоции как на ладони. И ему явно начхать на традиции Джайо и дикарских богов. Даже одежда как у ненавистных местными хэлаиров: армейские сапоги, штаны цвета хаки и черная майка. В этом он меньше всего походил на представителя одной из стай на архипелаге.

– Ты знаешь, кто я, – перехватывает инициативу Рамон, делая шаг вперед. – Не так ли?

– Знаю, – выплевывает Зен. – Ты из тех, кому мы устроили «теплый» прием. Как ты выжил?

– Предки постарались. Это такие боги у хэлаиров.

– Я знаю, кто это.

– Ты вообще умный парень, как я посмотрю. Зен. И ты совершенно точно в курсе, что привело меня к тебе.

На лице альфы играют желваки. Да, он прекрасно знает, за кем пришел Рамон, и если действительно умный, то все сделает правильно.

– Ты ее не получишь. Убейте их.

Не сделает. А жаль.

Рамон предупреждающе рычит на шагнувших к нему вервольфов.

– Зен, на землях хэлаиров я верховный старейшина. Это очень высокий статус. А твое племя напало на верховных старейшин. Верни мне нирену, мы уедем домой, и я отдам приказ не трогать архипелаг. Если я этого не сделаю, ваши острова сравняют с землей. Убьешь меня, погибнете все.

Только мысль о том, что где-то здесь эти мерзавцы прячут Мишель, останавливала Рамона от того, чтобы впиться в глотку Зену. Перекинуться, разорвать горло мальчишке, который не раздумывая раздает приказы о казни.

– Мне плевать на твои угрозы, – хмурится Зен. – Я не для этого сверг отца.

– А для чего ты это сделал?

Мальчишке не нравится вопрос. Он сдвигает брови и явно намеревается отдать очередной приказ в стиле «стереть их с лица земли!»

– Я не шучу, – опережает его Рамон. – Казнишь меня – твоему племени конец.

– Так катись отсюда! Что тебе нужно?

– Нирена, которую вы похитили.

– Нет.

– Да, – отрезает Рамон. – Для власти она тебе не нужна, ты и так здесь король. Даже отца победил. Так что верни мне нирену.

Вот теперь Зен смотрит на него так, словно готов прикопать на месте, только для этого пола понадобится как минимум отбойный молоток.

– Убирайся, – рычит он. – Один. Или для тебя найдется место рядом с трупом моего отца.

Мальчишка зол, но по взгляду видно, что он слов на ветер не бросает. Вся эта бравада, юношеский максимализм заставляют Рамона тоже закипать. Потому что этот щенок считает, что сможет шантажировать его Мишель!

Одно движение – и Рамон достает Зена. Все же хватает мальчишку за горло быстрее, чем тот успевает сориентироваться или хотя бы пискнуть. К вервольфам, которые пригнали Рамона и Арулу, присоединяется подмога с автоматами. Все они наставляют оружие на него. Проблема в том, что пуля быстрая, но он быстрее.

– Прикажи опустить оружие, – почти ласково велит он пытающемуся дергаться мальчишке. – Иначе кол пригодится тебе, а им придется проводить новые выборы альфы.

– Валяй! – выплевывает это смертник. – На нашем острове побеждает сильнейший.

– Зен! – Мишель влетает в каменный зал и замирает, широко распахнув глаза и не сделав и шага. – Рамон?!

Верховный отмечает, что его рыженькая подопечная выглядит неплохо, на ней нет синяков или ссадин. Волосы заплетены в две косы, одета она в удобный комбинезон цвета хаки, повторяя стиль Зена. Но вид у нее испуганный, будто она увидела мертвеца.

– Ты жив! – моргает Мишель, и по ее щекам бегут слезы, за которые желание свернуть шею мальчишке только возрастает. – Они сказали, что ты мертв.

В считанные мгновения она оказывается рядом, отмахиваясь от попыток ее задержать. Просто смотрит на вервольфов, как на грязь под

ногами: хмуро, яростно, зло. И они уступают ей дорогу. Правда, в шаге от Рамона она неловко переминается с ноги на ногу. Видно, что рыжик по детской привычке хочет обнять его, повиснуть на его шее, но понимает, что сейчас не время и не место.

– Я выжил, Мишель, – кивает Рамон. – И пришел за тобой.

– Я рада, – всхлипывает она.

– Сейчас разберусь во всем, и мы отправимся домой. Обещаю. Из-за этих уродов погибли мои вервольфы. Все пассажиры и пилоты двух вертолетов.

– Мы защищались, – подает голос «смертник». Мишель говорит на вилемейском, и он тоже переходит на него. Где были все эти полиглоты, когда он чертил картинки для Наилы?

– Защищались? После того, как явились в мой дом и украли вверенного мне ребенка?

– Ребенка? – вскидывает брови Зен. – Она взрослая женщина.

– Это дает право ее похищать? – Он не повышает голоса, но этого и не нужно. Воздух будто сгущается от злости, что прорывается через Рамона короткими вспышками, яркими всполохами. Он чувствует, что зрение меняется, а значит, он близок к трансформации. К тому, чтобы перекинуться и разорвать жилку, что сейчас лихорадочно колотится на шее Зена.

Останавливает его только собственная выдержка: он не убивает ради удовольствия, но за своих близких может и убить. Сопутствующий ущерб, ничего личного. Останавливает его это, а еще осторожное прикосновение к плечу девичьих подрагивающих пальцев.

– Рамон, это не он, – говорит Мишель.

– Не он тебя похитил? – уточняет верховный.

Рыжик тушует.

– Э-м-м, вообще-то он, но по приказу отца.

– Его отец мертв, а если он откажется сотрудничать, то присоединится к нему. Соберем на площади всю семейку.

– Убьешь меня, – хрипит представитель «семейки», – и моя стая разорвет тебя на куски.

– Да ладно? Ты прибил папашу, но до сих пор жив.

– В честном бою!

Рамон слегка поворачивает голову в сторону Арулы и спрашивает:

– Что за бой?

Судя по виду великана, он готов его послать, и, кажется, надеется, что все-таки пошлют его. Выставят из города, и плевать ему на то, что дальше будет с посланником богов. Пусть сам разбирается.

– Бой силы. За место вожака. Как у хэлаиров.

– Это больше похоже на мой мир, – усмехается верховный и наконец-то отпускает Зена. Даже у него затекли пальцы, что уж говорить о щенке. Но держится тот хорошо, только трет след от захвата и бросает голодные взгляды на Мишель.

– Я вызываю тебя, альфа Зен. Победитель получает стаю и девушку.

– Я принимаю твой вызов. Все слышали? Через полчаса на главной площади.

Рамон кивает. Через полчаса, так через полчаса. Успеет поговорить с Мишель и успокоить ее.

– Ты хочешь биться? – спрашивает Арула. – Зачем тебе место вожака, Ра-Мон?

– Незачем. Мне нужны вертолет и нирена. Если для этого нужно победить этого щенка, я это сделаю.

– Мишель, идем со мной, – Зен протягивает девушке раскрытую ладонь. – Я хочу поговорить с тобой.

Но рыжая только вздергивает нос и смотрит на него презрительно:

– Я больше не твоя пленница, Зен.

В доказательство своих слов она берет Рамона за руку, и, провожаемые злым и тоскливым взглядом альфы, они покидают дом.

– Он тронул тебя, рыжик? – спрашивает верховный уже на улице.

– В каком смысле? – Мишель заливается краской так, что сразу ясно, что все она понимает. Но Рамон не собирается облегчать ей задачу и ходить вокруг да около:

– Как мужчина женщину. На тебе его запах.

– Никогда бы не думала, что ты будешь меня осуждать! – злится рыжик. – Мне уже девятнадцать, а я до этого даже с мальчиками не целовалась.

– До чего, Мишель?

– До похищения, – ворчит она.

Значит, теперь целовалась. Что еще успел сделать Зен с молоденькой, беззащитной ниреной? Догадки были одна жутче другой. Он не смог, не справился, не защитил рыжика от насилия. Теперь ей с

этим жить, как и ему. Сначала убьет этого монстра, а потом разберется, как избавить подопечную от груза жутких воспоминаний.

Очевидно, взгляд у него при этом зверский, потому что Мишель пугается и спешит объяснить:

– Были только поцелуи! Ко мне хорошо относились. Даже очень хорошо. Я тут вроде жрицы, – нервно хихикает она. – Мне приносят всякие подношения. Дарят подарки. И Зен тоже. Все очень мило.

Мило? Похищение из дома – мило? Какая же она еще... девочка. Но, наверное, для закрытой на его острове Мишель – это действительно что-то вроде экстремального приключения.

Он неловко обнимает ее за плечи. А ведь у него будет дочь! Которая однажды вырастет и тоже захочет целоваться с мальчиками. И которую нужно будет от этих мальчиков защищать. Он же всех порвет!

– Рамон, – зовет Мишель, – зачем ты за мной пришел?

Он вскидывает брови. Что за странный вопрос?

– Чтобы спасти тебя, рыжик.

– Зачем?

– Вернуть домой.

– На Торо?

– Нет, рыжик. Будем считать, что твое наказание закончено.

Она слабо улыбается и обнимает его в ответ, обхватывает руками за талию. Идти так не особо удобно, но он может и потерпеть.

– Значит, все будет как прежде? Мы будем жить на острове вместе? Вдвоем?

Мишель заглядывает ему в глаза, сейчас она напоминает девочку-подростка в день, когда они впервые познакомились. Наивный, открытый взгляд ребенка, в котором бездна доверия. И во взгляде, и в самой девочке.

– Вдвоем не получится, рыжик. Теперь у меня есть семья.

Не говоря уже о том, что Рамон совсем не уверен, что Венера захочет жить на острове. Не захочет, он построит их дом где угодно. С ней хоть на край света.

Взгляд Мишель неотвратимо меняется, из него исчезает детскость, появляется боль, ярость, тоска. Это такие взрослые чувства, что они сражают его наповал. Нет, она больше не девочка-подросток, она уже выросла.

– Венера, – ревниво цедит она и сбрасывает его ладони со своих плеч. – Теперь ты с ней. Ты больше не мой.

Этот разговор мог подождать до материка, но раз случился сейчас, Рамон не собирался ей лгать. В конце концов, он всегда был с ней честным.

– Я никогда не был твоим, рыжик.

– Ты мог бы им стать.

– Не мог, – качает он головой. – Ты для меня ребенок.

Она выпрямляет спину и на удивление спокойно и твердо отвечает:

– Но я не ребенок, Рамон. Больше нет.

– Вижу.

– Если я не ребенок, я могу принимать решения самостоятельно.

Я хочу остаться здесь. С Зеном.

Кажется, он погорячился с ее взрослостью, поступки у нее детские! Предки, за какие грехи ему досталась Мишель? В качестве тренировки перед будущей отцовской ролью?

– Даже не обсуждается, – отрезал он и ускорил шаг. Так, что рыжику пришлось за ним бежать.

– Ты не можешь оспорить мое решение!

– Могу. Ты все еще моя подопечная.

– Я больше не твоя. У меня теперь есть альфа!

– Тот, которого я сегодня убью?

– Убьешь?! – выдыхает Мишель, в ее широко распахнутых глазах наконец-то отражается осознание, что все это не шутки. – Ты не можешь его убить!

– Не веришь, что смогу? – хмурится Рамон. Не этого он ждет от рыжика. – Только так мы сможем покинуть архипелаг. Вместе.

– Ты меня не слышал? – яростно шипит Мишель. – Я не хочу его покидать. Я не хочу уезжать от Зена.

– Почему?

Кажется, этот вопрос сбивает ее с толку. Мишель открывает рот и тут же закрывает, густо краснеет, прежде чем все-таки выпалить:

– Потому что он видит во мне женщину, а не придаток, который можно закрыть в домике на острове и забыть о нем.

Рамону хочется рычать: он устал от этих капризов. Это только доказательство того, что ни беса Мишель не взрослая. Умная женщина

давно почувствовала бы нависшую опасность и держалась бы тихо.

– Ты полностью заслужила ссылку на Торо.

– Заслужила, – неожиданно кивает рыжик. – И прошу прощения. У тебя и у твоей пары. То, что из-за меня чуть не пострадал ваш ребенок. – Она громко сглатывает и продолжает: – Но я не жалею. Тогда бы я не встретила с Зеном. Не попала бы сюда.

– Двадцать пять вервольфов погибло, когда я прилетел за тобой. В том числе верховный старейшина.

Если можно побледнеть сильнее, Мишель бледнеет так, что ее веснушки проявляются особенно ярко.

– Это тоже моя вина, – опускает голову рыжик, и Рамона царапает этот жест, словно когтями по груди. В конце концов, не Мишель нажала на кнопку.

– Нет, не твоя, Мишель. Это ответственность того, кто отдал приказ сначала похитить тебя, а затем взорвать вертолеты. Ему за это и отвечать.

Они дошли до площади, остались считанные минуты на то, чтобы подготовиться. Хотя что тут готовиться? Ярость в его крови – лучший катализатор для того, чтобы разбудить зверя, машину для убийства, готовую снести всех и вся на своем пути.

– Послушай, Рамон, – Мишель робко хватается за его руку. – Ты всего не знаешь! Зен хороший.

– Хороший? – приподнимает он бровь.

– Да. Он похитил меня по приказу своего отца. Но ни разу не сделал мне ничего плохого. Он все время защищал меня, даже сразился со своим отцом, когда тот захотел сделать меня своей женой. – Мишель морщится и косится на труп распятого вервольфа. – Я всегда чувствовала себя изгоем. Выродком, который не может жить ни среди людей, ни среди волков. Я боялась, что сгнию на твоём острове. Знаешь, даже в какой-то момент обрадовалась, что ты меня наказал за змей. Хотя бы появилось преступление, за которое меня заточили в тюрьму. Причина, по которой я вынуждена там оставаться.

Она глубоко вздыхает, будто пытается унять слезы. Так и есть: глаза красные и слезятся. А Рамона поразила ее откровенность. Он никогда не рассматривал жизнь Мишель с такой стороны. Он всегда ее защищал, ни в чем не ограничивал. Его острова были для него защищенным местом, местом, где можно переждать любые бури. Он

не думал, что она может считать его настоящей тюрьмой, а его своим тюремщиком.

Предки, Венера, наверное, считала так же!

– Когда меня похитили, – продолжает Мишель, – я сначала испугалась. До жути испугалась. Считала Зена злодеем.

– А он, значит, не злодей?

– Нет, – качает она головой, и в ее голосе появляются нежные, мечтательные нотки: – Он добр ко мне. Заботится обо мне. Защищает.

– Я тоже тебя защищал, Мишель.

– Не так, – невесело смеется она. – Прости, Рамон, но я для тебя всегда была бездомным щенком, найденышем, от которого больше проблем, чем радости. А для Зена я жрица. Богиня. Особенная и единственная женщина. Он смотрит на меня так, как ты смотришь на свою Венеру.

Последнее она фыркает, но как-то беззлобно.

– А ты? – интересуется он. – Как смотришь на него ты?

– Иногда он меня бесит. Тем, что совсем дикарь, – признается Мишель. – Но в остальном... Я словно на своем месте. Впервые за всю мою жизнь. Я готова отпустить прошлое и начать все с начала. Но если ты его убьешь...

В ее взгляде вспыхивает настоящий страх, будто до Мишель окончательно доходит вся серьезность ситуации.

– Рамон, пожалуйста, не убивай Зена! Он лучший альфа, который им нужен, – она кивает на вервольфов, которых на площади прибыло. – Его отец был ужасным, но сам он не такой. Он справедливый. Я не переживу, если он пострадает из-за тебя, или если ты пострадаешь из-за него. Вы оба мне дороги!

Она так отчаянно просит, что сердце Рамона в который раз за этот день дергается в груди. Если что-то и способно пошатнуть его уверенность, так это отчаяние близких. А Мишель ему как дочь.

– Дело не только в тебе, Мишель. Во мне тоже.

Его ладонь выskalъзывает из захвата ее рук, а сама девушка отшатывается:

– Ты хочешь отомстить за тех вервольфов?

– Нет, мне недавно помогли понять, что месть не приводит ни к чему хорошему.

– Тогда почему ты хочешь его убить?

– Все чего я хочу – это забрать тебя и вернуться на материк. Но это я. А есть еще Волчий Союз. Сомневаюсь, что им понравится подобное сопротивление. Я знаю их методы, чудо, что они до сих пор не стерли архипелаг с лица земли. А здесь, между прочим, колыбель цивилизации и живет множество племен.

Кажется, он окончательно пугает Мишель, потому что она становится бледнее.

– Они убьют Зена?

– Они убьют всех, если мы не вернемся. Ты и я.

Она сжимает губы так плотно, что они синеют.

– Но это будет как у тебя, – ее шепот настолько тихий, что если бы не волчий слух, вряд ли бы он расслышал ответ.

– Что?

Мишель поднимает голову и смотрит ему в глаза.

– Из страха перед Союзом я откажусь от Зена. Мы будем живы, но несчастливы. Как ты и та волчица.

Это как удар в сердце. Выстрел. Препаршивое чувство.

– Откуда ты знаешь про Сиенну?

– От Альваро. Я расспрашивала его, когда хотела узнать тебя получше.

– То есть, лучше умереть счастливой, чем жить? – интересуется он сухо.

– Неа, – кривится Мишель. – Жизнь однозначно лучше, но исключительно счастливой. Но если Волчий Союз настолько управляет чужими жизнями, настолько диктует всем условия, то какой смысл в его существовании?

Устами младенца... Хотя какой младенец из Мишель? Она действительно выросла, перед ним стояла женщина, знающая, чего она хочет. С тем кого хочет, она, кажется, тоже определилась.

– Хочешь произвести революцию в мировом правлении? – спрашивает он.

– Нет. Хочу, чтобы это сделал ты!

Их разговор прерывает появление злого Зена. Правда, Рамон теперь правильно читает его взгляды: это не ненависть альфы к нему, это чистая ревность волка, ревнующего своего пару. Даже то, как он почти оттесняет от его рыжика, говорит о многом.

– Мишель, на пару слов.

– Иди, – кивает Рамон. Чего у Зена не отнять, у него есть волчья честь. Действительно собирается драться, хотя мог давно напасть на Рамона со спины. Не факт, что сработало бы, но не напал. Не из-за страха, из-за благородства. Верит, что так правильно. Верит, что победит честно. То ли дело враг Рамона. Он всегда действует исподтишка. Всегда ставит ловушки. Плетет интриги, как бесов паук!

Вот кто его настоящий враг. Засевший в Союзе зажавшийся мерзавец, который разрешил сам себе быть богом! Не этот мальчишка, который так понравился Мишель, и которого она сейчас активно убеждает не драться со мной. Последний аргумент – поцелуй. Девушка привстает на носочки, обхватывает его шею и целует его так жарко, жадно, что хочется отвернуться. Эта сцена не для чужих глаз. Правда, потом Мишель ударяет кулаками по мужской груди и в слезах куда-то убегает.

Плечи альфы каменные, напряженные, но за ней он не идет. Потом. Сначала бой. В его глазах горит решимость победить, решимость умереть за свою пару. И Рамон осознает особенно ярко, что это новый план его врага. Задержать его, вовлечь в новую игру. Пока он сражается за Мишель, где-то там его Венера практически беззащитна.

Все зависит от того, какую женщину ты выберешь.

Неужели именно об этом говорила жрица Ману?

Мишель не видно, когда он и Зен выходят в центр площади, на своеобразный ринг. Альфа скидывает майку и готов к трансформации, а Рамон наоборот расслабляется.

Он сделал выбор.

– Боя не будет, – объявляет он громко. – Я приношу свои извинения и оставляю Мишель на архипелаге. Если ты признаешь ее своей парой.

Зен моргает, до него пока не доходит, что с ним никто не собирается сражаться.

– Она моя пара, – заявляет он яростно.

– Отлично, – кивает Рамон. – Взамен мне нужна информация – имя твоего заказчика. Я хочу знать, кто рассказал вам о нирене. Кто надоумил ее похитить?

ГЛАВА 10

Венера

– Как ваше самочувствие?

Помимо того, что я зла, как бес?

Естественно, доктор Сураза спрашивает не об этом. Ее интересует моя дочь, точнее, как чувствуем себя мы с дочерью, потому что с Франческой мы давно на ты. С тех пор, как мы начали общаться на одном языке, доктор стала мне ближе всех живущих на территории этой стаи. Не считая Альваро, конечно. Они были примерно на одном уровне: Франческа знала все про мою беременность и про мои страхи насчет родов, парень – про мои попытки связаться с Рамоном. Доктор поддерживала меня в одном, Альваро в другом. Оба не позволяли мне сойти с ума от одиночества и беспокойства.

– Сегодня снова появилась резкая боль в пояснице, – признаюсь я. Что касается моего здоровья, от Франчески у меня нет секретов, да и в принципе нет.

– Подозреваю, точнее, даже знаю, что этому поспособствовало, – совершенно спокойно говорит доктор.

Если Хелен, моего психотерапевта, можно назвать уравновешенной, то доктор Сураза просто непробиваемая. Не представляю, что может вывести ее из себя. Но, наверное, в ее профессии по-другому не получается: все-таки она спасает детей и их матерей. Ну и вообще имеет огромный опыт общения с беременными, о чьих перепадах настроения давно шутки слагают. Бывает, я сама себе кажусь невыносимой, а Франческе все равно: она мягко улыбается и внимательно выслушивает меня. Она напоминает мне добрую бабушку, для которой забота о внучке – самое важное, самое чудесное. Иногда даже жаловаться не хочется, чтобы ее не расстраивать, но мои жалобы на собственное здоровье и самочувствие – ее работа.

Сегодня страдает мое психоэмоциональное состояние, если попростому – я дико бешусь. И на то есть причина.

– Ты была на церемонии? – интересуюсь я.

– Нет, но знаю, что она была сегодня.

– Они его похоронили! – выдыхаю зло. До слез обидно, что я не смогла убедить ни Микаэля, ни его мать, в том, что нужно еще подождать. Еще немного! Не смогла помешать Сиенне закопать в

землю собственное прошлое. Она меня вроде бы услышала, но все равно сделала все по-своему. Это бесило больше всего. Новая стая, и снова меня ни во что не ставят!

– Так положено, Венера, – доктор Сураза мягко сжимает мою ладонь. – Альфа знает, как лучше.

– Скорее первая волчица знает, как лучше всем.

– Не без этого.

– Нельзя хоронить живых!

– Нельзя, – соглашается Франческа. – Но это их решение. Ты ведь не пошла на церемонию?

Я, поджав губы, мотаю головой.

– Это твоё решение. Разреши им быть такими, какие они есть. Поступать так, как хочется им. Перестань с ними бороться. Пусть будут два мнения, это нормально. Тебя же никто не заставляет менять своё?

Я тихо вздыхаю. Ещё как заставляют! Если бы Сиенна могла, она бы вообще Рамона из памяти стерла, из своей и моей. Но заставляют – не значит, что смогут это сделать! Например, на этот фарс с похоронами и с прогулкой в сторону семейного склепа я не пошла. Пусть словлю много осуждения от Анжелины, я не собираюсь рыдать над сожженной футболкой Рамона.

Но Франческа права: как бы мне не хотелось доказать семье моего истинного, что он жив, пора с этим заканчивать. С попытками переубедить их. Каждый из нас останется при своём мнении, так пусть! Это ещё одна причина уехать отсюда, как только вернется Рамон.

– Я понимаю тебя, Франческа. Если не хочу осуждения, то не надо осуждать других.

Доктор Сураза кивает и возвращается к осмотру:

– Насчет болей. Насколько интенсивными они были?

Я все рассказываю: как психанула, как резко перевернулась, вставая с кровати. Я та еще паникерша, поэтому прибежала к Франческе.

– Все нормально. У нас необычный малыш, еще и от союза истинной пары.

Я приподнимаю брови:

– Ты веришь мне? Что мы с Рамоном истинные?

– Почему я должна не верить, если ты так говоришь?

– Прости, – извиняюще улыбаюсь я. – У меня уже вошло в привычку, что мне не верят.

– Венера, понимаю, что тебе сейчас сложно. И ты, возможно, чувствуешь себя одинокой. Но помни, что ты не одна. У тебя есть дочь.

– Да, – киваю. – У меня теперь есть собственная семья.

Моя стая.

Выйдя от Франчески, я наталкиваюсь на Хавьера. Вместо моего обычного сопровождения дежурит он. В голове всплывает вопрос: был ли он на похоронах? Но я тут же его прогоняю. Вопрос, не вервольфа. С вервольфом мы, если не подружились, то, по крайней мере, притерлись друг к другу.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– В полном. Ложная тревога.

Вервольф расслабляется.

– Когда волчонок появится на свет?

– По прогнозам доктора через месяц-полтора.

К счастью, я не человек – они вообще девять месяцев носят детей! У волчиц, благодаря нашей смешанной природе, срок сокращается примерно вдвое.

– Родится в разгар лета.

– Это еще не разгар?

На улице стояла не просто жара, а жарища. Поэтому между домами я передвигалась очень быстро. Насколько быстро можно передвигаться по такому пеклу! Ни искусственные пруды, ни густо высаженные деревья не спасали. Хотя я не могла не признать, что лето в Вилемие расцвело яркими красками, и это было красиво. Высокое голубое небо без намека на облачность, сочно-зеленые лужайки, цветущие деревья с дурманящими ароматами. Мне, как вервольфу, обычно такое смешение запахов не нравилось, в Крайтоне я не любила цветение, потому что начинала чихать. Но тот, кто высаживал эти деревья и кустарники, явно позаботился о чувствительном волчьем обонянии. Здесь ароматы не спорили друг с другом, а дополняли один другой – получались будто изумительно звучащие духи. Поэтому, как только спадала жара, вечером я гуляла в парке. Можно было гулять там утром, но беременность внесла свои коррективы – я спала до одиннадцати-двенадцати.

Сейчас гулять было сложно, я мигом вспотела, и все, о чем могла думать – это как поскорее оказаться в главном особняке, а лучше сразу в своей спальне. Мик и Сиенна устроили прощальную вечеринку, вся стаю позвали, поэтому в основном здании было шумно. Я рассчитывала быстро прошмыгнуть к себе, игнорируя всех и вся. Так что, возможно, сопровождение Хавьера очень в тему. Другой вопрос – зачем здесь он?

– Ты здесь с заботой обо мне или по другому поводу?

– Я всегда забочусь о тебе, Венера. Я дал слово, – пробубнил он серьезно. – Но вообще-то, альфа Микаэль попросил пригласить тебя в его кабинет.

– Для оглашения завещания что ли? – съязвила я. Чем еще традиционно заниматься после похорон?

– Я не знаю, – качнул головой Хавьер, – но мне это не нравится.

– Не нравится – что?

– Что он ничего мне не рассказывает.

– Наверняка, боится, что ты расскажешь мне раньше времени, – тяжело вздохнула и, войдя в дом, свернула в сторону кабинета Микаэля. – Не волнуйся, сейчас все выясним.

– Главное, чтобы не волновалась ты.

– Это сложно исполнить, особенно, когда общаюсь с родственниками Рамона.

Мне показалось, или мой непробиваемый охранник весело хмыкнул? Воистину наступает время перемен!

В кабинете был не только Микаэль, но и Сиенна с Анжелиной, поэтому я решила, что Хавьер тоже не будет лишним, и попросила его остаться. Все родственники надели черные костюмы, мать Рамона прикрыла лицо вуалью, а у Сиенны наоборот только лицо было открыто, в остальном она была запакована в длинное платье с высоким воротником, элегантное, но, несомненно, мрачное. Я в своем летнем, цвета неба, сарафане, мягко говоря, выделялась среди всей этой готики.

Сарафан я надела не из чувства протеста, а из соображений практичности. Кто-нибудь пробовал ходить в черном по такой жаре? Но поджатые губы Анжелины оценила – мать Рамона меня не одобряла. А вот Сиенна, несмотря на покрасневшие, заплаканные глаза, мне улыбнулась.

Что было подозрительно. Улыбающаяся стерва – это вообще не к добру. Но я же пообещала не волноваться, значит, не буду.

– По какому поводу семейный совет? – интересуюсь я. – И почему на него позвали меня?

– Потому что вопрос, который мы здесь хотим обсудить, напрямую касается тебя, Венера, – улыбается Микаэль, но в отличие от супруги, как-то сдержанно. Будто ему не нравился тот вопрос, который он собирался обсуждать.

– И что это?

– Ты молодая беременная волчица, которая по воле случая лишилась отца своего ребенка.

– Мужа.

– Не мужа. У вас не было свадьбы: ни человеческой, ни волчьей.

Мне это уже не нравится. Я даже не знаю, что думать. Они собрались меня... выгнать?

– И? – все на что меня хватает.

– Ты молодая волчица, Венера, и твоему ребенку нужен отец. Тот, кто о нем позаботится. О нем и о тебе. Сегодня под этой крышей я собрал всю стаю, и хочу, чтобы ты выбрала себе супруга.

Так, почему мне не предложили стул? Мне надо срочно присесть. Присесть и переспросить. Потому что у меня слуховые галлюцинации. Не может же Мик на полном серьезе предлагать мне замужество?

– Супруга?

– Супруга, который позаботится о тебе.

Я все-таки шагаю к ближайшему креслу, потихоньку соскальзываю по его спинке. Хавьер мне помогает, но я будто его не замечаю: не мигая, смотрю на альфу, а затем перевожу взгляд на Сиенну.

– И кому же пришла в голову эта светлая мысль?

– Это мое предложение, – неожиданно отвечает Анжелина. – Я считаю, что волчице нельзя быть одной.

У меня вырывается нервный смех: я, кажется, близка к истерике.

– Почему тогда сами замуж не выходите?

– Я уже немолода! – мать Рамона даже вуаль приподнимает, чтобы посмотреть на меня возмущенно.

– Ну почему? Вы красивы и в очень хорошей форме! – Я несу бред, потому что вынести этот фарс просто невозможно. Это шутка?

Пусть они рассмеются, повеселимся вместе.

– То есть тебя это не устраивает? – хмурится Микаэль.

– А должно устраивать? Я не собираюсь выбирать себе мужа. Я собираюсь родить дочь и воспитывать ее.

Поправка: я собираюсь воспитывать ее вместе с Рамоном, но это детали.

– Но кто его защитит? – возмущенно интересуется Анжелина.

– Ваш сын, я надеюсь, – киваю на Мика. – Как альфа.

– Альфа – это одно, но Микаэль не станет растить твоего ребенка. Девочке нужен отец, а тебе муж. В нашей стае много достойных вервольфов.

Вот только сватовства мне не хватало при живом истинном!

Но лица у матери и сына серьезные, сосредоточенные: они действительно верят в то, что говорят. Одну Сиенну это, кажется, забавляет, и она не спешит принимать чью-то сторону. Правда, с чего я взяла, что она захочет принимать мою?

– Вы же сегодня Рамона похоронили! Как же траур?

– Он необязателен в подобных обстоятельствах. Скоро на свет появится твоя дочь, и тебе будет не до свадьбы.

Они еще и свадьбу хотят устроить?!

Я закрываю лицо ладонями, потому что просто не могу все это осознать и выдержать.

– Венера, ты плачешь? – раздается обеспокоенный голос Микаэля совсем рядом.

Угу, сейчас разревусь от восторга от оказанной мне чести!

Я убираю руки и смотрю ему в глаза:

– Я злюсь, альфа. Потому что ты поклялся своему брату меня защищать.

– Поклялся, – на лице Микаэля не дрогнул ни один мускул. – Поэтому сделаю все, чтобы ты была счастлива.

– Даже против моей воли?

– Ты хотя бы посмотри, – советует Сиенна, и я вдруг понимаю, что она была в такой же ситуации. Тоже искала себе мужа после расставания с Рамоном. Но у нее не было ребенка.

– Да, посмотри! – кивает Анжелина. – Мы не заставляем тебя.

– То есть, это не обязательно? – хватаюсь я за лазейку. – Мое замужество?

Например, поиски мужа могут затянуться и растянуться на неопределенный срок.

– Обязательно, – перечеркивает мои планы Микаэль. – Тебе нужно найти супруга до конца месяца. Если не выберешь ты, мне придется сделать это за тебя.

Вот тебе и не заставят! Отказаться тоже не получится, я сама вверила себя в руки Микаэля, когда признала его своим альфой. Когда дала ему клятву, обойти которую невозможно.

Мне нужно до конца месяца найти Рамона.

Иначе меня выдадут замуж за другого.

Что сказать? Наверное, я впервые пожалела, что не улетела с Домиником. Он, по крайней мере, не заставлял меня выходить замуж за кого попало, и вообще был современным и прогрессивным альфой в отличие вот от этого всего. Анжелина перед моим уходом еще умудрилась меня догнать, сжать мою ладонь и сказать:

– Не волнуйся. Сиенна тоже прошла через это. После того, как Рамон выбрал стать верховным, она отказывалась даже думать про других мужчин, а теперь счастлива, имея полную семью.

Меня даже затрясло от подобной убежденности. Что можно стать счастливой насильно. Захотелось спросить: «Почему тогда ваша Сиенна не отпускает свои чувства к Рамону?» Если она такая счастливая с мужем и детьми? Но я не стала. Понятно же, что переубедить в этом мне никого не получится, поэтому я просто сказала:

– Разница между мной и ней в том, что Рамон от нее отказался сам, а от меня нет.

В общем, триумф первой волчицы я немного подпортила: Сиенна побагровела от злости. А вот Анжелина смотрела на меня исключительно сочувствующе, будто я сама дитя неразумное, и все что мне нужно – это муж.

Оказавшись за пределами кабинета, я вцепилась в руку Хавьера.

– Увези. Пожалуйста, увези меня отсюда. На острова Рамона. Куда-нибудь еще. Он же должен был оставить какие-то указания на этот счет!

Но по глазам вервольфа увидела, что не оставил.

– Это самое защищенное место в мире, а я разбираюсь в безопасности, поверь.

– Да я лучше умру, чем выйду замуж за первого встречного волка!

– Правда? – прищурился Хавьер.

– Нет, – проворчала я.

Конечно, я не собиралась умирать, как и рисковать собой и дочкой. За пределами этого защищенного места до сих пор небезопасно. Но и здесь тоже все странно и хочется жалобно повыть.

– Как Рамон допустил это?

– Думаю, он не мог предположить, что его брат на это решится.

– Никто не мог! – прорычала я. – Что теперь делать?

Хавьер оглянулся, но мы уже достаточно отошли от кабинета, чтобы нас никто не услышал, а гостей рядом тоже не наблюдалось.

– Выбирать мужа, – предложил он.

– Что? – моргнула я. – Ты не слышал? Меня совсем не вдохновляет становиться чье-то женой. Обузой, потому что так альфа приказал.

– Обузой? – Теперь, кажется, у меня получилось его удивить. – Волки стаи передерутся за то, чтобы только ты выбрала кого-то из них. Ты красива, умна, с характером, к тому же еще и носишь под сердцем дочь одного из рода альф. Микаэлю не потребуется ничего приказывать. Они выстроятся в очередь.

Искреннее восхищение в голосе и в глазах Хавьера заставило меня смутиться. Нет, осознавать свою ценность не только как волчицы, но и как женщины – это по меньшей мере приятно. Но...

– Это будет нечестно по отношению к ним, – вздохнула я. – Потому что я люблю Рамона. Потому что если и стану чьей-то женой, то только его.

– А если он не вернется?

– Тогда ничьей не буду. Хватит с меня волчьих браков по расчету и прочих договоренностей. И альфовских манипуляций тоже хватит.

Видимо, что-то в моих словах, а может, в чувствах, которые я выплеснула на Хавьера, заставили его поверить. Поверить в то, что я не пытаюсь набивать себе цену, и что это не просто женский каприз. Я действительно не хочу, чтобы за меня решали.

– Сделай вид, что выбираешь. Перестань бороться с Пересами. Усыпи их бдительность.

– С усыплением бдительности идея хорошая, но я не хочу выбирать. Не хочу давать этим мужчинам надежду, да и если честно,

не очень хочется заниматься этим на последних сроках беременности.

– Тогда скажи, что выбрала меня.

– Тебя?!

Суровое лица безопасника каменеет будто сильнее обычного. Он сильно сжимает челюсти.

– Я не гожусь на роль твоего супруга?

– Годишься! – спешу я излечить уязвленную по моей вине гордость Хавьера. – Я имею в виду, ты очень подходишь на роль мужа и отца. Но ты же слышал, что я сказала. Что дело не в том, что я не хочу замуж за тебя, а в том, что выйду только за Рамона...

– Венера, я не предлагаю тебе стать моей женой по-настоящему, – перебивает меня безопасник. – Я предлагаю притвориться. Потянуть время. До возвращения Рамона.

Это идеальный план! Решение всех моих проблем, которые на меня навешали родственнички. Но в нем есть и дырка. Огромная такая дырища!

– Микаэль сказал, что у меня месяц. Что будем делать, если Рамон не успеет за это время вернуться?

– В этом случае, сбежим, – серьезно обещает Хавьер. – Я подумаю, как все обставить. Если, конечно, не передумаешь.

– Не передумаю, – клянусь я. – Я согласна стать твоей невестой, Хавьер. Пусть даже на один месяц.

Мы возвращаемся в кабинет Микаэля, пока родственники не разошлись, и сообщаем радостную весть – вечеринка ни к чему. Я выбрала волка.

Согласиться на аферу Хавьера стоило только ради выражения лиц Анжелины, а особенно Сиенны. Смесь злости и подозрения, звериный прищур. Но крыть ей нечем. Просили выбрать? Я выбрала. Волк? Волк! В стае? В стае.

Микаэль принимает мое решение спокойно, я бы даже сказала, с неким облегчением. А вот к предложению его супруги я оказываюсь не готова:

– Отлично! – хлопает она в ладоши. – Завтра начнем готовиться к свадьбе.

Глава 11

Я сразу сказала, что свадьба мне не нужна. Я выхожу замуж за Хавьера, потому что так захотел альфа, а не я. Но на лице Микаэля не дрогнул ни один мускул, он был уверен, что все делает правильно. Я сказала, что мне этот фарс не нужен, но кто бы меня слушал: Сиенну и Анжелину захватила идея устроить пышное торжество. Причем последняя даже про траур забыла, настолько спешила меня пристроить.

Насчет первой волчицы я не была так уверена. Для чего ей на самом деле свадьба, я не разобрала, а в заботу Сиенны не верила. Она ненавидела Рамона за одержимость найти убийцу отца, но при этом сама до сих пор была одержима им и их несостоявшимися отношениями. Поэтому сначала были похороны, теперь свадьба.

– Что будешь делать, Сиенна, когда я выйду замуж? – поинтересовалась я перед уходом. – Найдешь кого еще похоронить? Или наконец-то займешься собственной жизнью?

Я целилась в самое сердце, и попала.

– Позаботься о своей, Венера, – процедила она. – И о свадьбе, конечно же.

– Конечно, – кивнула я. – Морально.

Еще не хватало, чтобы на меня повесили организацию свадьбы, которой по нашей задумке с Хавьером вовсе не должно случиться. Будь она настоящей, с Рамоном... Я уже однажды вышла замуж, и наша свадьба с Августом была роскошной. В одном из лучших отелей города, с музыкантами и кучей гостей, с разрезанием торта и танцем молодоженов. Проблема в том, что она была напоказ. Наверное, уже тогда я не чувствовала в Августе близости, пусть даже как девчонка была влюблена в красивого сильного альфу. Не тот мужчина и не то торжество. Если бы Рамон предложил мне стать его луной официально, меня бы устроила и простая церемония где-нибудь на берегу океана.

Сейчас же меня бы устроило и просто знание, что у него все хорошо.

Нашу свадьбу с Хавьером решили сделать прямо в особняке альфы: об этом я узнала от Франчески. С Сиенной и Анжелиной я принципиально не общалась, а вот они с доктором пересекались, так что когда она поинтересовалась, что происходит, я ей выложила все. Что не хочу замуж, и что все это фарс. Разрыдалась от переизбытка

чувств. Доктора не напугала, но она, кажется, даже говорила с Микаэлем, чтобы тот отложил свадьбу до рождения моей дочери. Идея была хорошей, но альфа остался непреклонен. Ребенок родится в законном браке, и точка.

Именно в тот день я всерьез начала готовиться к побегу.

Своим побегом я клятвы альфе не нарушала, потому что не приносила никакого вреда ни Микаэлю, ни его стае. Разочарование по поводу сорванного торжества не в счет! Я начала готовиться к побегу, потому что после прокола с доктором альфа сдвинул сроки свадьбы. Когда выяснилось, что торжество могут нарушить роды, Мик решил, что я выйду замуж пораньше. Неделе на две.

У нас почти не оставалось времени, и был только один шанс на побег.

Поэтому, когда Хавьер представил мне план, я согласилась. Он был простым, но когда я пыталась сбежать от Рамона в Табатор, все тоже казалось просто, а получилось как получилось. Были детали, которые сложно игнорировать. Например, мою беременность. Пока я в стае Мика, за мной присматривает доктор Сураза, а вот стоит уехать из-под ее опеки, я сама по себе. Чтобы отвлечь внимание альфы и его сердобольной мамыши мне требовался помощник, поэтому я снова доверилась Альваро.

Хавьер был против: вроде того, что чем меньше народу знает про нашу авантюру, тем лучше. Но Альваро был мне нужен. Как прикрытия и как друг. Он таким новостям не обрадовался и даже попросился вместе со мной. Особенно когда узнал, куда я направляюсь.

– Нужно, чтобы кто-то заботился о тебе, Ви.

– Я бы с радостью, но если... – Я замолкаю и исправляюсь: – Когда вернется Рамон, он будет меня искать, и ты станешь связующим звеном между нами. Пообещай мне.

– Обещаю, – клянется парень и обнимает меня крепко. – Что нужно делать?

Меня потряхивает от одной мысли о нашем плане, до вернувшихся панических атак, но тянуть время дальше некуда. Я либо выхожу замуж через три дня, либо бегу навстречу своей свободе.

И вот я уже в кабинете Микаэля.

– Ты готова, Венера? – интересуется он.

– Нет, Мик. Я не готова к этой свадьбе. Но, как видишь, я стараюсь принять твою волю. Выбираю платье.

Альфа воодушевляется и уже не кажется таким подозрительным.

– Тебе понравились те, что привез ассистент Сиенны?

– В том-то и дело, что нет. Я могу выбрать платье сама?

Мик хмурится:

– Я могу приказать привезти еще платья.

– Нет, я хочу пройтись по магазинам. Найти свое платье.

Простая просьба, но альфа подбирается.

– Я не хочу, чтобы ты покидала территорию стаи, Венера. Мой брат это запретил.

– И уехал на два дня, – напоминаю я. – Я же не пожизненно буду здесь сидеть?

– Конечно, нет. Возьми с собой Хавьера и вервольфов из моей стаи в качестве охраны.

– Хорошо, – киваю. Хавьер предупреждал, что так будет, и что это не проблема. – Я возьму Альваро.

– Думаю, мужчины не лучшие советчики, – заявляет от двери Хожу-бесшумно-Сиенна. – Я поеду с тобой и помогу выбрать платье.

Моя первая мысль – только не это! Сиенна как-то не вписывается в наш с Хавьером побег. Совсем не вписывается.

– То есть, те платья, которые мне приносили, выбирала не ты?

– Не я, – кивает Сиенна. – Этим занималась Анжелина и ее стилист. Но они больше тяготеют к классике, а ты у нас девушка с характером. Творческая душа.

Я приподняла брови:

– Творческая?

– Я видела, как ты одеваешься. Какие вещи выбираешь. У тебя есть вкус.

В другой раз я бы удивилась неожиданному комплименту, тем более от Сиенны. Кажется, она была искренней. Хотя с симпатией ко мне все было сложно, ей действительно понравилось мое чувство вкуса. Надо же! В другой раз, но не сейчас.

– Благодарю, но у тебя, наверное, есть дела.

– Сегодня у меня выходной.

Как все удачно складывается... Спойлер: нет!

Я повернулась к Микаэлю, но тот не спешил занимать жену семейно-стайными делами. Затащил бы в постель, честное слово, пока она выходная.

– Тогда скажу откровенно, – признаюсь я: – Общество Альваро мне нравится больше.

– Тем более поедem вместе, – хмыкнула первая волчица, хотя я бы сказала, мохнатая зараза. – Может, наконец-то, сумеем подружиться.

Мик обрадовался, он здесь единственный верил, что это вообще возможно, а вот я едва удержалась от того, чтобы закатить глаза к потолку.

– Не знаю, зачем тебе это? – поинтересовалась я, когда мы вместе с Сиенной покинули кабинет. – Знаешь же, что дружба между нами невозможна.

– Брось, – отмахнулась она. – Ты теперь член моей стаи. Я бы тоже самое сделала для любой другой волчицы из наших.

Сомневаюсь. Но переубедить Сиенну не буду. Во-первых, это бесполезно. Во-вторых, она может что-то заподозрить. А менять план уже поздно. Придется убегать и от Сиенны. Бесы! Как сказала бы Чарли.

С Чарли мы давно не разговаривали. Нет, в отличие от Доминика подруга от меня не отказалась. Если честно, я боялась, что мой отказ бывшему альфе может повлиять на их отношения, и оказалась права. Потому что Чарли не поняла, почему я не согласилась, но еще больше она не приняла тот факт, что Доминик решил мне не помогать.

– Мы семья! – возмущенно заявила она, когда мы с ней созвонились, а потом добавила: – Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. В любом случае, мы всегда тебя примем.

– Что насчет твоего супруга?

– Перебесится!

Доминик, наверняка, считал, что перебеситься должна я. А теперь выходит, я допустила ошибку, когда отказалась с ним лететь...

Не допустила, Венера! Ты все сделала правильно. Ты дотянулась до Рамона, он жив и со дня на день приедет за тобой. Сюда или туда, куда тебя отвезет Хавьер. Доминик же был бы еще одним препятствием между тобой и истинным. И даже Чарли бы не помогла.

Я так долго себя убеждала, что, кажется, окончательно убедила, потому что стоило сесть в машину, меня отпустило. Чем сильнее я

отдалялась от территории стаи Пересов, тем спокойнее становилась. Понимала, что все это временно. Наверное, скоро я снова начну паниковать, но сейчас я была полна решимости.

Решимости сбежать.

Центр столицы состоял из узких улочек, большинство из которых были исключительно для пешеходов. Но были и те, где машины плотно вставали в пробки, потому что обогнать другие авто не представлялось возможным. В итоге несколько кварталов мы ехали минут сорок, хотя их можно было за столько же пройти пешком. Можно было бы, не будь я на последнем месяце беременности. Живот мне не мешал, а вот утомляемость была сильнее обычного. Будто все силы уходили дочке. Может, так и было.

Сегодня мне нужны все силы, поэтому я терпеливо ехала несколько кварталов. А вот дальше пришлось идти на своих двоих: модная галерея бутиков расположилась по обе стороны от сквера Святой Катерины. Там, по словам Сиенны, можно было найти лучшие наряды, свадебные и не только. Бутики не выделялись из общего ансамбля, вместо броских вывесок, на каждом были черные таблички с золотой гравировкой, говорящей о том или ином бренде. Большинство из них были мне известны, в частности тот, в магазин которого меня привела первая волчица.

Навьелли, не свадебные платья, но бренд роскошный, класс люкс.

– Я думала мы идем в царство крема и глазури, – заметила я.

– Да брось, – хмыкнула Сиенна, когда мы поднялись по ступенькам. – Ты забрала все белые наряды, вот я и решила, что дело в цвете.

– Белое платье – это так по-человечески.

– Согласна.

– Тем более я не поддерживаю эту свадьбу.

– Сможешь надеть его на какую-то вечеринку, – пожала она плечами.

Что тут скажешь? Идея действительно выбрать себе красивое платье мне понравилась. Но гораздо больше мне понравилась идея таким образом потянуть время.

Я была с Сиенной, так что переговорить с Хавьером не успела. Но он был со мной, сопровождал нас, и я верила, что у него есть план и на Сиенну. Должен быть!

Поэтому я погрузилась в шопинг, тем более что здесь было на что посмотреть и что примерить. Анжелина присылала какие-то безразмерные платья, очевидно, для того, чтобы скрыть мое положение, но я не хотела скрывать беременность. Я хотела ее подчеркнуть. Чтобы мы с дочерью выглядели прекрасно и так же прекрасно себя чувствовали.

Спустя час примерок я нашла то, что искала: роскошное платье цвета бронзы, с пышными многослойными юбками из органзы и с вышитым бисером лифом. В таком платье я могла бы встретить Рамона. В таком бы платье я могла бы выйти за него.

– Королевское, – оценила Сиенна, когда я вышла показаться. – Но нужно будет перешить.

Нужно, если я хочу надеть его беременной. Хотя я бы предпочла не трогать платье, которое удивительно мне шло.

Но только я хотела сказать, чтобы все оставили как есть, как поймала взгляд Хавьера, он едва заметно кивнул мне на дверь, куда нырял персонал бутика.

– Хорошо, – сказала я Сиенне. Мы вообще умудрились болтать о моде и ни разу не поругались. – Договорись?

Сама же направились вроде как в примерочную, на деле осторожно последовала за Хавьером. Загвоздка была в том, что я осталась в еще неоплаченном платье, с расстегнутой спиной. Хорошо хоть в обуви, в удобных кедах, которые стали для меня повседневной одеждой на время беременности. Но если это мой шанс, то упускать его я не намерена.

В коридоре за дверью тоже никого не оказалось, а впереди замаячила еще одна – простая, за которой скрылся моей телохранитель и несостоявшийся жених. Сердце заколотилось как бешеное, я только сейчас в полной мере осознала, что собираюсь сделать. Но отступить, передумать не собиралась тоже. Тихо, крадучись, я пробежала это расстояние так быстро, как могла. Толкнула дверь и оказалась в глухом, узком переулке.

– Идем, – потянул меня за руку Хавьер. Сосредоточенный, серьезный. – Машина за углом.

– Я не заплатила. У нас проблем с законом не будет?

– У нас будут проблемы с Микаэлем, если не поторопимся.

Я вложила руку в его руку, но тут раздался едва уловимый, слышный разве что чуткому волчьему слуху хлопок, и Хавьер дернулся. Знакомо так дернулся, прежде чем схватится за решетку ступенек, заслоняя меня собой.

– Хавьер, – выдохнула я.

– Назад! – выпалил он, прежде чем рухнуть на лестницу, к моим ногам.

Я подняла голову, наблюдая, как к нам... ко мне приближаются незнакомые люди с оружием в руках. Один из них скривил губы в довольной улыбке.

– Волчица сама пришла к нам. Как удачно.

Подчиняясь инстинктам, я закрыла живот и шагнула назад, к двери. Это было совсем не по-геройски, потому что бегство означало бросить Хавьера. Раненого, истекающего кровью. Но все о чем я могла думать, точнее, о ком – это моя девочка, направленные на меня пистолеты и глаза убийц. Я много раз видела охотившихся вервольфов, и хотя те, кто в меня целились, были людьми, их взгляды были такими же. Предвкушающими и не знающими пощады. Не знаю, почему у меня возникла именно эта ассоциация, но с каждой секундой она крепла.

– На твоём месте я бы не двигался, – предупредил тот, который стоял ко мне ближе всех. – Пули отравлены.

Я вздрогнула, так и не успев нащупать ручку двери. Двигаюсь я быстро, но не быстрее пули. Пули, которая уже попала в Хавьера!

Я подняла взгляд и посмотрела в светлые глаза их главаря. Русский, коренастый, неопределенного возраста. Обычный. Они все обычные. В толпе я могла бы принять их за местных или туристов, которых летом в Вилемие очень много.

Яд. Пули. Замечание про волчицу. Кажется, я уже знала, кто передо мной.

Безликие.

Только глаза их выдают.

– Что вам нужно?

– Кто. Ты, волчица.

– Зачем?

– Мы не спрашиваем – зачем? Мы выполняем приказ.

– Чей?

Он не отвечает, лишь направляет оружие на Хавьера:

– Идем с нами, и тогда твой жених не умрет.

– Нет, – качаю я головой и вскрикиваю, когда Хавьер получает в спину новую пулю.

– Еще одна, и яд в его крови достигнет критической отметки. Пойдешь с нами по доброй воле, дойдешь до конца улицы и сядешь в машину, он будет жить.

Сколько раз меня шантажировал бывший муж, не сосчитать. Шантажировал, манипулировал, но оружием не угрожал.

– Где гарантии?

– В наших общих интересах, чтобы все прошло тихо и чтобы никто не пострадал.

– Зачем вы тогда в него стреляли?

– А речь не о нем, – поясняет мужчина. – О тебе и твоём ребенке. Ребенок?!

Внутри меня все холодеет, и дышать нечем вовсе не от жаркого вилемейского полудня.

– Зачем вам мой ребенок? В прошлый раз вы хотели убить его?

– Приказ есть приказ.

У меня считанные мгновения на раздумья. Дочь или Хавьер. Хавьер или дочь?

Я не обольщаюсь насчет безликих. Наши предыдущие «встречи» показали, что если им нужна я, они ни перед чем не остановятся. Все равно меня достанут. Меня и дочь. Но сколько при этом польется крови? А главное – чьей?

Очевидно, я думаю слишком долго, потому что безликий снова направляет оружие на Хавьера.

– Подождите! – вскидываю я ладони вверх. Это выше моих сил: решать чужую судьбу. Даже если стреляю не я. Но я так не могу! – Я иду с вами.

Бесы, я нужна им живой. Моя дочь нужна. А значит, есть шанс...

Панику внутри я пресекаю: закручиваю ее как краник. И даже спускаюсь по лестнице, перешагнув через тело Хавьера.

Дверь распаивается и на площадке возникает Сиенна. Злая, как сотня бешеных волков. Но эта злость в секунду сменяется недоумением, а затем страхом. По телу волчицы проходит судорога, она судорожно сжимает ворот рубашки, будто ей разом становиться

нечем дышать. На секунду кажется, что она сбежит. Прямо сейчас, но Сиенна не сбегает, смело, слишком смело для ее боязни безликих, спрашивает:

– Что здесь происходит?

По взгляду безликого вижу, что он готов отправить волчицу к Хавьеру. Потому что она помеха. Досадная помеха на пути к его цели, не позволяющая выполнить приказ. Ему нужны мы: я и дочка. Мы не должны пострадать, а вот остальные могут страдать сколько угодно. Исключительно по собственной глупости.

У меня нет особой любви к Сиенне, но сейчас я ей рада. Рада, как никому и никогда. Пусть у нее получится позвать на помощь! Мне хочется этого до безумия.

– Мы ее забираем, – говорит безликий. – Будь хорошей волчицей и не путайся под ногами.

– Кто сказал, что я хорошая? – Сиенна раздраженно раздувает ноздри.

– Главное, умной, – уточняет мужчина. – Она и ее ребенок тебе как кость поперек горла. Воспоминание о мертвом возлюбленном.

Волчица снова вздрагивает.

– Мы все знаем. О ней. О тебе. У нас везде уши и глаза. Поэтому будь умной волчицей. Уйди. Закрой дверь и сделай вид, что ничего не видела.

– Здесь камеры...

– Сломаны.

Сиенна открывает рот, хочет еще что-то сказать, но сразу же закрывает. Бросает на меня взгляд, полный ненависти, а затем кивает, расправляет плечи и действительно шагает за дверь.

Вроде все правильно. Никто не пострадал, но мне хочется броситься за ней и расцарапать лицо. Разочарование раздирает меня пополам с яростью. Стерва! Какая же она стерва! Она даже не попыталась. Конечно, ей выгодно, чтобы меня не было в стае, а безликие только что сделали всю грязную работу за нее.

Рамон ошибся на их счет. Ошибся на ее счет.

Безликий хватает меня за локоть и тянет за собой.

– Идем.

И я иду. Иду и прикидываю, как на него наброситься. Но в этой ипостаси наши силы неравны, а в волчицу не перекинуться: резкая

трансформация может навредить моей дочери. Эти мерзавцы все предусмотрели. И даже машину впритык к переулку подогнали.

Безликий распахнул заднюю дверь и подтолкнул меня вперед. Я нырнула на заднее сиденье, а вот он вдруг дернулся и рухнул на мостовую. И его сопровождающие начали падать один за другим, как кегли в боулинге.

Что? Что?!

– Венера, вы в порядке? – поинтересовался водитель, темноволосый вервольф.

– А? – Это все, что я могла сказать, потому что вслед за падающими безликими улицу буквально наводнили вервольфы: вооруженные и даже сменившие ипостась.

– Я из стаи альфы Микаэля.

– Вы меня не похищаете?

– Мы вас спасаем.

– Но как вы узнали?

– Приказ первой волчицы.

Сиенны?

Я заморгала, а потом рванула прочь из машины.

– Хавьер! Там Хавьер. Он ранен.

Глава 12

– Венера, у тебя все хорошо?

До этого я блуждала в своих мыслях, но на звуки голоса Алиши вскинулась. Встряхнулась. Даже не от вопроса, подобный вопрос мне в последнее время с завидной регулярностью задавали все, кому не лень. Не болит ли у меня что? Не тошнит? Не мучают ли меня кошмары? Здесь же все было иначе: я почувствовала настоящее участие, будто Али спрашивала не для галочки, не про мое самочувствие, а про мои чувства. Как эта девушка почувствовала меня через через расстояния, остается загадкой!

– Нет, Алиша, – покачала я головой. – Сегодня я выхожу замуж за абсолютно чужого вервольфа и понятия не имею, жив ли мой истинный.

– А как же твои чувства?

– Кажется, я принимаю желаемое за действительное.

– Не соглашайся, Венера! Ты можешь приехать к нам с Хантером, мы примем тебя в стаю.

Хантера сегодня не было, но уверена, он встретит меня с распростертыми объятиями. Как и в том, что до Крайтона мне не добраться. На мою дочь объявили охоту, и если в прошлый раз безликие и их невидимый босс сделали ставку на нелюбовь ко мне Сиенны, то в следующий раз они такой ошибки не допустят. Рамон оказался прав: дом Микаэля – самое безопасное место на планете. А его родственники – те, кому можно доверить дочь. Даже Сиенне.

Я была уверена, первая волчица станет меня избегать, но они пришла ко мне на следующий день, первой спросила, как я себя чувствую.

– Думаю о Хавьере, – призналась я.

– Он жив. Сейчас в медицинском корпусе, в стационаре. Но говорят, что быстро идет на поправку.

– До свадьбы поправится?

– Не уверена, да это и не имеет значения. Микаэль выбрал тебе другого мужа.

– Неужели ему до сих пор непонятно, как я к этому отношусь? – поинтересовалась я устало. – Его даже попытка побега не убедила?

– Как ты вообще до такого додумалась? – прорычала Сиенна.

– Вы меня вынудили. Ваша семейка, желающая руководить моей жизнью.

– Дура! Безликие никого не щадят. И тебя бы не пощадили! Если бы я тогда ничего не заподозрила, не отправилась бы тебя искать...

– Ты могла уйти, – напомнила я и посмотрела ей прямо в глаза. – Тогда бы избавилась от меня. Как предлагал безликий. Ты же хотела этого, Сиенна. Я тебе не нравлюсь.

– Не нравишься, – она выдержала мой взгляд. – Вот, например, сейчас, когда допускаешь мысль, что я могла позволить безликим тебя забрать, предать собственную семью и стаю. Я не злодейка, как тебе, Венера, хочется считать.

Она развернулась и ушла, а я тогда, наверное, поверила, что в стае Мика меня действительно защитят. Что я здесь в безопасности. Нужно только играть по их правилам. Выйти замуж за того, за кого скажут. Жить дальше.

В какой-то момент я правда убедила себя жить дальше, перестать питать себя напрасными надеждами, перестать бороться, бояться, что из-за меня кто-то пострадает, как это произошло с Хавьером.

– Спасибо, но я не могу к вам приехать, – возвращаюсь я в реальность. В свою спальню и к разговору с Алишей. – Не хочу подвергать вас опасности.

– Ты недооцениваешь моего мужа.

– Скорее мы все недооцениваем врага моего истинного, – вздыхаю я. – Рамон охотился на него годы, но так и не приблизился к правде. И где он теперь?

– Враг или Рамон? – заморгала Али.

– Оба.

– Подожди, Венера! Ты что, сдаешься?

– Да, Али, – вытолкнуть это легче, чем признаться в этом себе, а я слишком долго обманывалась. – Я решила, что это наша последняя сессия. Если не получится достучаться до Рамона, то я пойду дальше. Буду строить отношения с новым супругом, растить дочь. Я должна заботиться о ней, а не превращать собственную жизнь в ожидание.

– Это несправедливо!

– Как есть, – пожимаю плечами. – Видимо, предки решили, что моя жизнь должна быть именно такой.

Алиша смотрит на меня с тоской.

– Как будущий психолог я понимаю, что это правильно, – говорит она. – Но скажу как твоя подруга: не всегда надо поступать правильно.

Я слабо улыбаюсь, мне нравится, что в Али как-то умудряются сочетаться наивность и мудрость.

– Сегодня я не буду пытаться услышать Рамона, – признаюсь я. – Сиенна как-то сказала, что их связь была односторонней. Я тогда не поверила ей.

– Они не были истинными.

– Это неважно. Если у нас с ним так же, то мне не нужно пытаться «поймать» ответ.

– Ты хочешь просто отправить сообщение? – догадывается Алиша. – Почему мы не попробовали это раньше?

Потому что мне надо было убедиться в том, что он жив. А теперь... Теперь я не уверена, что это сообщение вообще дойдет до адресата.

Я сдаюсь, а мое послание вовсе короткое:

«Если ты не приедешь сегодня, я выйду замуж за другого, а ты будешь жалеть об этом всю жизнь. Потом будет поздно, Рамон Перес!»

Я вкладываю в это сообщение всю свою ярость, все свои чувства, и когда мы заканчиваем с Алишей, я ощущаю себя опустошенной. Возможно, поэтому я слишком быстро прощаюсь. Я хочу прилечь, поспать, дать отдых себе и дочери, но раздается стук в дверь. Уверенный, тяжелый.

Мое сердце замирает в надежде, что это Рамон. Глупо, конечно. Он же не возникнет здесь по волшебству. Но сердце все равно надеется, и я оказываюсь возле двери с удивительным для беременной волчицы проворством. Распахиваю ее, но вижу Микаэля.

– Уже? – интересуюсь, приподняв бровь и за этим жестом скрывая всю силу собственного разочарования. – Церемония же вечером.

– Нам надо поговорить. Пройдемся?

Обычно фраза «нам надо поговорить» не сулит ничего хорошего, но не в случае, когда ты и так застряла в глубокой мохнатой заднице. То есть когда-нибудь должен был возникнуть свет в конце этого тоннеля. Например, сейчас.

– Ты передумал насчет свадьбы?

– Не передумал.

Свет-свет, где же ты?

– Тогда о чем нам говорить? Если излить душу или рассказать, откуда дети берутся, то ты не по адресу.

Микаэль хмурится, а я замечаю почти рассосавшуюся гематому на его скуле. Кто его так приложил? Причем, судя по скорости регенерации, очень конкретно приложил. Если даже на альфе заживает долго. Сиенна? Ну а что, может у них такие сексуальные игры? Или они просто подрались? Сиенну-драчунию я могла легко представить, а вот дерущегося Мика – нет. Мне казалось, что он из тех, кто все дела решает словами. И это хорошо, что он мягче, добрее. Будь в нем немного больше властности, он был бы ходячим напоминанием о Рамоне. А так у них только упрямство – семейная черта, и мне не настолько больно.

– Это важно, – Микаэль посмотрел на меня с мольбой во взгляде, и я присмотрелась к нему повнимательнее. Не только скулу разбитую

заметила. Он весь был каким-то побитым: не физически – морально. Побитый, взвинченный, но сосредоточенный.

– Если важно, хорошо. Поговорим.

– Давай не здесь.

– Как скажешь, альфа, – пожимаю я плечами. Не знаю, зачем Микаэлю приспичило со мной поговорить, но он здесь главный, и, бес меня заberi, ему удалось меня заинтриговать. Чуть-чуть.

Если можно найти более неготовую к свадьбе невесту, то это я. Микаэль все-таки оплатил выбранное мной платье цвета шоколада, и его мне сегодня доставили. Разложенное на постели, оно напоминало мне о моем неудачном побеге. О моей ошибке. И я не могла заставить себя его надеть. Поэтому пока предпочла ему мягкий спортивный костюм цвета слоновой кости и кроссовки. Удобно, практично, антипразднично. Но я готова была идти так на церемонию. Хотя бы потому, что это не мой праздник, и все, чего мне хочется – нормально родить.

Я жду, что мы направимся в кабинет Микаэля, но он приводит меня в крыло особняка, в котором я еще не была. Я вообще думала, что эта часть дома-дворца закрыта. Но здесь все чисто, значит, слуги убираются, хотя вся мебель запакована в целлофан. Мы оказываемся в комнате, которая когда-то была гостиной, будто близняшкой той, где любит проводить время Сиенна. С пустым камином, с кое-где почти наглухо задернутыми шторами: только солнечный свет отбрасывает яркие линии. Все такое заброшенное, покинутое, что цветы в вазе на журнальном столике смотрятся чужеродно. Большие, раскрытые нежно-голубые бутоны, массивные стебли и широкие, обнимающие их листья. Они словно выдраны из контекста и гораздо уместнее смотрелись бы в оживленном холле.

– Что это за комнаты? – спрашиваю я, и до меня вдруг доходит. Голос садится, когда я озвучиваю свою догадку: – Рамона?

Я почти представляю, как мой истинный мог провести здесь детство и юность. Почти.

– Нет, – спешит перечеркнуть мое предположение альфа. – В этом крыле жили мои родители, у них было пространство только для них двоих. Но после смерти отца мать переехала к нам поближе.

– Пыталась поступить так же, как с Рамоном? Хотела забыть?

– Да.

У прекрасного букета один недостаток: пахнет он тоже ярко, и я чешу нос, чтобы не чихнуть. Как вообще в дом вервольфов могли принести настолько отнимающую обоняние вещь? Слух она не отнимает, поэтому, когда я бормочу:

– Но это же бред, – Микаэль меня слышит.

– Что плохого в желании приглушить боль? – интересуется он.

– Возможно, то, что вместе с плохим ты забываешь все хорошее.

Уверена, вы с Рамоном не всегда враждовали.

– Мы были не просто братьями, а друзьями, – признается альфа и стягивает полиэтилен с одного из диванов. – Присядешь?

– С удовольствием.

Ходить мне нравится, а вот долго стоять в моем положении – утомительно.

– Зачем мы здесь?

– Я знаю, что ты не отказалась от идеи, что Рамон жив...

– Отказалась.

Надо видеть лицо Микаэля. Знала бы, что это будет так забавно, захватила бы с собой смартфон и запечатлела бы его на камеру.

– Я не знаю, жив он или нет, но за мной возвращаться не стремится. Значит, нужно двигаться дальше.

– Ты тоже хочешь все забыть? Начать с чистого листа?

– Забыть? Нет! Я ничего не хочу забывать. Ни кто отец моей дочери, ни мою любовь к нему.

– Но ты можешь полюбить заново и жить счастливо, в спокойствии и безопасности.

– В безопасности? – я приподнимаю брови. – Когда за мной гоняются безликие?

– Они не будут делать это вечно.

– Пусть делают это, сколько хотят. Главное, чтобы своего не добились. В одном ты прав, я буду счастлива рядом с дочерью, – я с нежностью погладила живот. – Она мое чудо.

– Ты можешь быть счастлива с другим мужчиной.

– Как Сиенна? Могу. Но не хочу.

Не знаю, откуда во мне эта жесткость, но сейчас я смотрю в глаза альфы прямо.

– Как ты себя чувствуешь, Микаэль? Как часто задумываешься о том, любит ли она тебя по-настоящему?

А что, ему можно лезть в мою личную жизнь, а мне нельзя?

Вервольф бледнеет.

– Сиенна говорила тебе что-то?

– Она говорила, что счастлива. Слишком убедительно, я почти поверила.

Его лицо искажается, будто от невыносимой боли, альфа сжимает кулаки.

– Она тоже верила, что они истинные. Тоже не хотела жить дальше после всего, что случилось. Рамон ее бросил, а я... Я был рядом. Будил, когда ее ночью снились кошмары. Обнимал ее. Окружал заботой и любовью.

– Помогло?

– Нет. И дело не в ней. Во мне, как ты сказала. Я по-прежнему сомневаюсь в себе. В том, что она любит меня.

Он выдохнул со свистом, будто признался в чем-то, что его долгое время душило.

– Видишь, дело в не Рамоне. Даже после его смерти он будет стоять между тобой и Сиенной. Если вы по-прежнему будете пытаться забыть прошлое.

– Как будет стоять между тобой и Раулем?

Да, зовут моего жениха так, что словно специально подбирали. По имени. Кстати, это был один из моих спасателей.

– Нет. Я все равно буду любить Рамона и его черты в нашей дочери. Без Рауля.

– Ты будешь счастлива?

– Станный вопрос. Это зависит не от Рамона, и не от Рауля. От меня.

– Забота и любовь достойного мужчины лучше постоянного риска, что была бы у тебя рядом с Рамоном.

Я рассмеялась.

– Если выбирать разумом, то да. А если сердцем, я бы летела за ним на край земли. Поверь, Мик, если бы не дочь, не забота о ней, я бы давно сбежала, и гораздо удачнее, чем в прошлый раз.

Он посмотрел на мой живот.

– Она помешала тебе?

– Нет, – качнула я головой и обняла себя, и дочь заодно, – просто когда ты будущая мама, приходится думать за двоих.

Кажется, этот разговор подходит к концу. Честно, не знаю, зачем он вообще. Может, Микаэль все-таки засомневается и отменит свадьбу. Он такой сосредоточенный, я практически вижу, что в его голове будто со скрипом вращаются шестеренки, словно он принимает судьбоносное решение. Я жду что-то вроде: «Свадьбы не будет, Венера», а получаю:

– Что, если не нужно лететь на край земли?

Сердце пропускает удар – это сейчас про меня. Потому что я не понимаю Мика, или слишком хорошо понимаю. Просто мне надоело надеяться впустую, надеяться и разочаровываться раз за разом. Раз за разом.

– О чем ты? – спрашиваю холодно. Если это опять бесова философия, то ходить альфе с цветочной вазой на голове. Не смешно. Совсем не смешно.

– Идем, – Микаэль протягивает мне руку. Встаю с дивана я даже быстрее, чем опускалась. Пытаюсь подстроиться по его размашистый шаг, когда он толкает дверь и проходит еще одну гостиную насквозь, мы ее почти пробегаем, но сейчас на это плевать. Я не хочу разочаровываться. Не хочу опять разочаровываться.

Когда Мик толкает очередную дверь, я замираю на пороге. Потому что меня накрывает родным ароматом. Слабым, едва уловимым, но я бы узнала его среди множества других. Я втягиваю носом этот аромат, боясь ошибиться. Поверить и...

Мужчина возле окна кажется плодом моего воображения. Фантазией. Сном. Но когда он оборачивается, шагает ко мне, у меня подкашиваются ноги.

Глава 13

Будь я от природы повпечатлительнее, свалилась бы в обморок. А так я просто решила, что свалилась в обморок. Потому что это не может быть Рамон. И все же это именно он.

Я это признаю, принимаю, когда он в мгновение оказывается рядом, подхватывает сползающую на пол меня, сползающую от шока, от неожиданности. Да я моргать боюсь, вдруг он развеется туманом, как один из моих снов! Но туман оказывается материальным, твердым, горячим и сильным.

Рамон поднимает меня на руки (а во мне сейчас немало веса) и опускается вместе со мной на диванчик у изножья кровати. Я оказываюсь у него на коленях, в его объятиях, но мой истинный молчит, только смотрит мне в глаза. Так глубоко смотрит, что я замираю под этим взглядом.

— Это ты... — это все на что меня хватает. Горло сдавливает спазмом: хочется то ли плакать, то ли смеяться. Это истерика или гормоны беременной волчицы, я не знаю, но меня всю трясет от безумно-острой смеси чувств.

— Это ты, — всхлипываю я снова.

— Я, пена, — выдыхает Рамон. Выдыхает так, будто ему тоже больно говорить.

Эти слова, точнее, его голос словно срывают во мне все предохранители. Словно все мои чувства держала толстая плотина, а он одним своим «пена» их разрушил. Да что там голосом, своим ароматом, своими объятиями. Своим присутствием!

Я уже не просто всхлипываю, я натурально реву и не могу остановиться. Реву, смеюсь, целую его. В губы, покрываю поцелуями глаза, нос, подбородок с колючей отросшей щетиной. Рамон отвечает мне со знакомой жадной нежностью, и все месяцы расставания будто стираются. Чувство такое, что до этого мига я ходила с половинкой сердца, а теперь оно целое. Что это, если не истинность?

— Тихо, пена, тихо, — шепчет он, оторвавшись от моих губ и укачивая меня в своих объятиях. — Тебе вредно так волноваться.

Вредно, значит!

— Если ты такой заботливый, то почему бросил меня? — рычу я обиженно.

Эйфория первой встречи проходит, и теперь мне хочется наподдать этому волку за то, что я почти поверила, что... Почти поверила, что никогда его не увижу!

— Ты же знаешь, что не бросал.

— Знаю, — ворчу, поерзав на его коленях. — Но мне нужны подробности.

— Кто бы сомневался, — усмехается он, стирая большим пальцем слезы с моей щеки. — Как же я счастлив, что дома.

Простой разговор — лучшее лекарство от неожиданных истерик. Я действительно уже могу нормально дышать, а не давиться слезами.

– Не знала, что ты считаешь это место домом.

Рамон улыбается так искренне, что меня просто ослепляет его радостью и теплом. Никогда еще не видела у него такой улыбки. Она настоящая. Искреннее не бывает.

– Я говорю о тебе, – он кладет руку на мой живот, – и о ней. Вы мой дом. Как вы, мои девочки?

Я прикрываю глаза, потому что хочу запомнить этот момент. Чтобы прожить его потом. Проживать его раз за разом, потому что сейчас это перебор для моих чувств. Огромная доза счастья в крови, и я правда могу не выдержать. Сгореть. Сгореть в этой любви.

А мне нужно жить. Мыслить здраво. Потому что радостная эйфория встречи пройдет, а я останусь. Потому что чувства чувствами, а я привыкла думать, анализировать. Такие привычки одной любовью не вытравить.

Точнее, у меня почти получается это сделать, забыться, но тут я вспоминаю о Микаэле. Которого сейчас нет в комнате, но он меня сюда привел. Перед этим навешав много лапши на уши. Мне бы сейчас на Рамоне сосредоточиться, на том, как меня ведет от его аромата, на его словах, а я вспоминаю его брата, который что? Раздумывал, нужно ли нам с истинным встречаться?

– Почему ты здесь? – спрашиваю у Рамона.

– Я пришел к тебе.

– Нет. Я о том, почему ты именно здесь? В этой комнате? В закрытой части особняка? – предположения струятся из меня таким бурным потоком, что я не даю ему вставить и слова. – Давно ты здесь?

Рамон суровеет, мигом превращаясь в верховного старейшину, которого я знаю большую часть наших отношений.

– Пару часов.

Меня отпускает. Немного. Потому что предположение, что Рамон несколько месяцев прячется в этом доме, как минимум, нелепо, а максимум – жестоко по отношению ко мне. Но что делать, я всегда была очень подозрительной!

– Прости. Мне нужно было поговорить с братом. И прости, что бросил тебя здесь.

Я вспоминаю ссадину на лицемерде альфы, и до меня наконец-то доходит, кто его разукрасил.

– Из-за чего вы подрались?

Рамон прищуривается.

– Из-за чего? Из-за его идеи отдать мою луну и моего ребенка другому вервольфу.

Я вскидываю брови:

– Ты поэтому здесь. Ты получил мое сообщение.

Я не спрашиваю, потому что по темным глазам Рамона вижу, что получил.

– Получил, – подтверждает он, – и я не виню тебя за желание дать нашему ребенку отца. Ты считала меня погибшим. Встретила другого. Это нормально. Благородно.

Лучше бы он вернулся к тем словам про луну и про «мы дом», «мы семья», потому что вот за это мне как в старые добрые времена хочется огреть Рамона... диваном!

– Нормально? – выдыхаю я с рычанием. – Благородно? То есть, твой заботливый брат не сказал, что собирается отправить меня под венец под приказом?

Изумление на лице Рамона настолько явное, что сразу понятно – не сказал. Изумление, что сменяется сжатыми челюстями и кровожадностью во взгляде.

– Мало я ему врезал.

– Это точно, – соглашаюсь я. – Потом как-нибудь. Сначала все-таки ответь на мой вопрос: как давно ты в Вилемие?

Не знаю, как я научилась читать истинного, то ли просто после разлуки начала жадно ловить мельчайшие изменения в его жестах и мимике. Вот и сейчас он еще только рот открыл, чтобы ответить после короткой паузы, а я уже поняла, что ответ мне не понравится.

– Несколько дней.

Несколько дней?

Несколько дней!

Как ножом по сердцу. Еще и смазанным ядом ножом. Потому что не счесть минут, часов, дней, когда я сходила с ума, а он...

– Почему? – Голос меня не слушается, получается несколько сдавленно, хрипло.

– Почему я пришел?

Он надо мной издевается?

Я сжимаю кулаки, потому что желание треснуть верховного набирает обороты. Если бы не моя растерянность, то, наверное, давно

бы треснула! Но как тут не растеряться, если истинный давно здесь, в двух шагах?

– Почему ты не пришел раньше? Зная, что я тебя жду. Как я тебя жду! – Я все-таки срываюсь, повышаю голос, поэтому решительно отпихиваю Рамона и поднимаюсь с его колен. Достаточно проворно и быстро. Вот что значит стимул! Но Рамон меня не удерживает, следит за мной взглядом, но больше не пытается заключить в объятия.

Между нами словно та стена из моих снов и медитаций. Прозрачная и крепкая. И лучше бы ему начать говорить. Объяснять. Потому что если не начнет, я уйду. На собственную свадебную церемонию отправлюсь. Ведь только это его волновало! Чтобы я не досталась другому.

Хорошо, что у меня хорошая регенерация, иначе я давно бы исцарапала свои ладони до крови!

– Я этого не знал, – отвечает верховный.

– Чего не знал?

– Что ты меня ждешь.

Я широко распахиваю глаза: это действительно удивительный день. Удивляюсь и удивляюсь.

– Почему я не должна была тебя ждать?

А еще сегодня я слишком часто спрашиваю: «почему?»

– Потому что все считают меня мертвым.

– Все, – соглашаюсь я. – Кроме меня. Брат не сказал тебе? Не сказал, что я все эти месяцы места себе не находила? Что пыталась отсюда сбежать?

Очередь Рамона удивляться, потому что он удивляется. Не просто удивляется, темнеет лицом и поднимается с диванчика.

– Ты – что?

Вместо того, чтобы испугаться его рычания, того, как он практически нависает надо мной, меня накрывает бесовым чувством удовлетворения. То есть мне нормально о нем переживать, а ему нельзя? Кстати, действительно, переживает, раз его так перекосило от ярости.

– Пыталась сбежать от твоих родственников, которые решили срочно выдать меня замуж.

– Ваши слова несколько расходятся.

– Даже не сомневаюсь, – рычу я. – Что он тут наплел?

– То, что ты можешь быть счастливой с кем-то другим.

– А ты? Ты ему поверил? – на глаза снова наворачиваются слезы, но это не слезы радости, а горькой обиды. Разочарования.

Разочарования так много, что я решаю: с меня хватит! Разворачиваюсь и ухожу. Точнее пытаюсь, но Рамон меня перехватывает, прижимает спиной к груди. Мне бы вырваться, гордо продолжить свой путь, но меня ведет от аромата истинного, от воспоминаний, как нам хорошо вместе. Было хорошо. А теперь?

– Если бы поверил, не приказал бы тебя привести, – говорит он, едва касаясь губами моего уха. – Мне нужно было убедиться самому.

– Что я счастлива с Раулем? – интересуюсь я. – Что забыла о тебе, как только приехала эта крыса из Волчьего Союза и сообщила о том, что тебя разорвало на много частей? Сиенна с Микаэлем, кстати, забыли. Они тебя даже место в парке выделили.

Меня продолжает трясти от чувств, мне кажется, что я не выдержу всей их силы, поэтому вздрагиваю сильнее, когда Рамон обнимает меня. До этого он будто удерживал меня силой, а сейчас окутывает своим теплом, и мне тоже становится тепло. Он словно впитывает всю мою дрожь, весь мой внутренний холод. Раздражение. Ярость. Обиду. Остается лишь звенящая пустота, и только нам двоим решать, чем ее заполнить. Непониманием или радостью воссоединения.

Рамон же здесь ради этого? Ради воссоединения?

– Они ошиблись? Союз?

Или ошиблась я? В нем. Потому что я решительно ничего не понимаю.

Он все-таки разворачивает меня к себе, но больше не пытается меня целовать или как-то еще утешать. Я видела этот взгляд у Рамона всего однажды: в тот день, когда в него стрелял один из безликих. Точнее, стрелял в меня, а попал в него. Тогда Рамон хотел меня отпустить, и тогда он смотрел на меня так же.

– В том, что я был во взорвавшемся вертолете? Нет, не ошиблись.

– Тогда... Как?

Мне даже спрашивать об этом дико. Как представляю, так снова начинает трясти. Но Рамон жив, рядом, и на нем ни царапины. По крайней мере, на первый взгляд.

– Повезло с генами. – По его глухому голосу слышу, что тема для него непростая. Но и для меня она важна. – А может, потому что как раз собирался прыгать. Вынесло ударной волной. Может, и то, и другое.

– Они сказали, что никто не выжил.

– Никто. Кроме меня. Повезло. Почти, потому что меня все-таки зацепило, и я долго валялся в бреду, а когда пришел в себя, выяснил, что я на островах Джайо, вне остальной цивилизации.

Рамон рассказывает свою историю общения с дикарями: от начала и до конца. А у меня голова кругом! Джайо приняли его за бога и хотели, чтобы он остался. Но он всеми правдами и неправдами стремился ко мне. Ко мне и к дочери. Встретил Мишель и оставил ее на острове. С местным альфой! А после все-таки договорился с ним о переправке на материк.

– Теперь я здесь, – заканчивает он. – С тобой.

Я отражаюсь в его темных глазах, как в зеркалах: счастливая и несчастная одновременно. Счастливая, потому что мое желание сбылось, несчастная – потому что я теперь не знаю, что с этим делать. С возвращением Рамона все должно было стать простым, но, по моему, все еще больше усложнилось.

– Ничего не понимаю. Я думала, ты войдешь в главную дверь. Нет, позвонишь мне, скажешь, что ты жив. А ты... Не хотел, чтобы я это знала? Знала, что ты в Вилемие?

– Нет, пепя, я не хочу, чтобы об этом знали остальные.

– О том, что ты в стране?

Его взгляд становится более глубоким, глубоким и сосредоточенным.

– О том, что я жив.

– Остальные – кто?

– Никто. Никто кроме тебя и Микаэля.

То есть Сиенна не в курсе. И его мать тоже.

– Но почему?

Что я там говорила про «почему»? Сколько еще «почему» у меня в запасе? Но мне действительно надо все знать.

Рамон отводит взгляд, смотрит мне куда-то за спину, и от этого взгляда по спине бегут обжигающе-ледяные мурашки. В его глазах и жесткость, и ярость, и даже чувство некоего превосходства.

– Потому что он допустил ошибку. Благодаря отцу Зена, который нарушил условие сделки, он допустил ошибку.

– Твой враг? – Что тут догадываться? Теперь я понимаю, о чем говорила Сиенна. В его глазах отражается столько чувств, но все их можно подвести под одно определение – одержимость. Правда, когда Рамон обхватывает ладонями мое лицо, его взгляд на мгновение смягчается, а прикосновения полны нежности и заботы. От этого контраста немного жутко. Как он может быть таким нежным и таким безжалостным одновременно?

– Он. От Зена, избранника Мишель, я узнал, что ее похищение им заказали. Не просто заказали, обещали щедро заплатить и даже предоставить поддержку в войне с другими племенами архипелага. С современным оружием это было бы легче легкого. От джайо требовалось всего лишь выманить меня, заставить отправиться за Мишель, спасти ее. Очевидно, оставив тебя одну.

– Что ты и сделал, – грустно улыбнулась я.

– Но тот, кто это придумал, просчитался дважды. Во-первых, он не предвидел, что я привезу тебя сюда, а во-вторых – предательства джайо.

– Ничего необычного, – съязвила я. – Подобное притягивает подобное.

– Он не хотел моей смерти, но получил ее. Прости, пена, мне нужно было убедиться в том, что он действительно так считает. И сделать это предельно осторожно.

Он снова сжал меня в объятиях и уткнулся носом в мою шею, словно не мог мной надышаться. Как бы мне тоже хотелось просто дышать им! Но я не могу, поэтому отстраняюсь. Высвобождаюсь из объятий в очередной раз.

– И? Ты убедился? Откуда ты вообще знаешь, что этот Зен тебя не продал?

– Не продал, – мрачнеет Рамон. – Иначе бы безликие не пытались похитить тебя и дочь. Получается, что после моей смерти они нацелились на моего ребенка.

Мне становится горько. Горько и обидно, потому что Рамон в курсе всего, а я вот не в курсе того, что он в курсе.

– Ты же сказал, что не знаешь о том, что я пыталась сбежать!

– По словам Мика, ты просто ездила примерять свадебное платье.

– Тогда почему ты ему врезал?

– За то, что не уберег тебя от волнений, – мрачно заявил Рамон.

– Да он просто главный источник моих волнений.

– Теперь я это понял. Но, пена, – его глаза сверкнули оранжевым, – к тебе у меня тоже много вопросов. Как ты вообще додумалась до побега? А главное – рисковать нашей дочерью!

– У меня был выбор, Рамон? – вспыхнула я. – Твои милые родственники оказались вовсе не такими милыми, как ты описывал. Они решили, что им лучше знать, как устроить мою жизнь и жизнь моей дочери. Хотели выдать меня замуж. Сделать счастливой, не спрашивая, чего я хочу.

– Почему ты не позвонила Экроту? Не попросила поддержки?

Это что, упреки?

– В этом не было необходимости. Доминик прилетал сюда, и мы поссорились, когда он отказался искать тебя. Ты был единственной моей поддержкой, Рамон. Когда ты исчез, остались только мы с дочерью. Против всех.

Рамон сжимает кулаки, по лицу видно, что ему больно, и в первый миг я пугаюсь, что это действительно так. Он же горел в вертолете. То, что его тело скрыто под одеждой: джинсами и толстовкой, совсем не значит, что на нем нет шрамов. Мало ли, какие травмы он получил?

Поэтому я инстинктивно шагаю к нему, кладу ладонь на грудь.

– Что? – выдыхаю. – Тебе больно?

Он сжимает мою ладонь в своей и касается ее губами.

– Только от осознания, что я снова подвел свою семью.

Снова. Это «снова» бьет наотмашь, потому что я вспоминаю Сиенну. Она тоже была семьей Рамона. Что, если он видит во мне замену? Всего лишь второй шанс?

Сиенна говорила, что Рамону проще гоняться за врагами, что эта борьба всегда была и будет важнее его пары. Важнее семьи. Сердце сжимается словно в тисках от одной этой мысли. Но что, если это правда?

Я должна знать. Точнее, мне отчаянно хочется убедиться в обратном.

– Это в прошлом, – говорю я. – Все мы тут ошибок наделали, на всю жизнь хватит. Но мы можем все исправить. Вместе.

– Я исправлю, пена, – это звучит как клятва. Я даже вздрагиваю, осознавая это.

– Хорошо, – киваю. – Начнем с того, что пойдем и расскажем твоей семье, что я не сумасшедшая, которая верит в твое возвращение.

– Микаэль знает, что я жив.

– А остальные?

– Остальным пока не нужно.

– Почему? Я не понимаю, к чему эта таинственность? Как это поможет тебе? Мне? Нам?

– Это преимущество, которое поможет мне вычислить моего врага.

Вот тебе и ответ, Ви.

Мне снова больно, кажется больнее некуда, но оказывается, что очень даже есть куда. Поэтому я вырываюсь из его объятий, и единственное, что мне хочется – это сделать больно в ответ.

– Значит, Сиенна права, – цежу я. – Больше всего на свете тебя заботит твоя месть. Найти врага. Обезвредить. Потанцевать на его могиле.

– Что за бред?! – рычит Рамон. – Я делаю это ради нашего будущего.

– Что делаешь? Жертвуешь настоящим?

– Стараюсь тебя обезопасить. Тебя и нашу малышку.

– Как? Подставляя нас под удар?

– Ты так и не поняла, Венера? Ты в безопасности, пока они не знают, что я жив. Пока им нужен мой ребенок. Стоит Союзу узнать, что я выжил, стоит узнать об этом моему врагу, я...

Он осекается и отходит к окну, затем возвращается, пока я с широко распахнутыми глазами пытаюсь осознать его слова. То, что им нужен мой ребенок, я в курсе, но о том, что меня снова захотят убить – об этом я не подумала.

– Я здесь в безопасности, – напоминаю я. – На территории стаи я в безопасности, да, Рамон?

Я ловлю его взгляд, и понимаю, что это не так. Понимаю раньше, чем он говорит:

– Это не так. В стае есть крот, тот, кто сливает им информацию. Кто предупредил их о том, что ты поедешь покупать платье.

– Кто это?

– Если бы Мик знал, крот был бы предан суду.

Я кусаю губы от отчаяния.

– Тогда тем более ты должен вернуться. Живым. Быть рядом со мной. Будь рядом со мной сейчас, когда я готовлюсь стать матерью.

– Я бы очень этого хотел, пена. – В его взгляде сожаление и упрямство. Непреклонен. Эту скалу не сдвинуть, не разжалобить, не продавить здравым смыслом. Как в моих медитациях. И кажется, я понимаю, что это. Этот рубеж, он навсегда между нами.

– Не хотел, – заявляю устало. – Если бы хотел, пошел бы и всем признался.

– И тогда потерял бы возможность найти *его*.

– Ищи! А мне что делать? Замуж выходить?

Судя по тому, как молчит Рамон. Как он не возражает, мне действительно нужно выходить замуж.

– Ты издеваешься?

Глава 14

– Перенеси свадьбу! – это уже Рамон не мне, а Микаэлю. Я тут просто сижу, вернулась на диванчик, сложила руки на груди и наблюдаю за семейными разборками. Вернее сказать, братскими.

Так и не ответив на мой риторический вопрос, Рамон позвал Мика, а я не ушла. Не знаю, почему я не ушла, потому что первый порыв был именно таким. Нет, я не буду нарушать планы истинного и посвящать в его тайну Сиенну с Анджелиной, несмотря на буйство гормонов и резкие перемены настроения, я еще не настолько выжила из ума, чтобы побежать по особняку, рассказывая всем и вся о возвращении блудного верховного. Но, во-первых, любопытство оказалось сильнее раненой гордости и боли в сердце, во-вторых, я убедила себя, что разумнее будет обо всем узнать вот так, а не после фильтра информации под названием «альфа Микаэль». Спасибо, уже накалывалась, и не раз.

– И что я скажу Сиенне? – рычит Мик.

– Что Венера не готова, – терпеливо отвечает Рамон. – Что ей нужно время.

– Времени нет. Смысл спешки со всей этой свадьбой был в том, чтобы ребенок родился в законном браке.

– Это мой ребенок! – очередь верховного рычать. Или кто он там сейчас? Выживший и воскресший?

– Я думал, ты мертв, и хотел, чтобы твоя волчица была счастлива.

– Ты хотел насильно выдать ее замуж за другого мужика, Мик. Даже не будь Венера матерью моей дочери, это не то, как должен поступать справедливый альфа.

– Тебе вообще откуда знать, как поступает альфа, Рамон? Ты ни дня им не был!

– Я никого под венец не тащил!

– Ты вообще не собирался на ней жениться.

– Речь сейчас не обо мне, – прищуривается Рамон. – А о твоих косяках, которые нужно исправить. Отложить свадьбу хотя бы на несколько дней. Ты мужик, так придумай хорошее объяснение для своей волчицы. Такое, в которое она поверит.

Кажется, обстановочка накаляется, и волки готовы сцепиться.

– Может, посвятите Сиенну в нашу тайну? – предлагаю я.

– Нет! – отрезает Микаэль. Резко и безапелляционно. – Ей достаточно волнений. Она только что его похоронила. Плюс она прямолинейная, у нее нет секретов от матери...

Мик альфа, мне он может не нравиться, а в некоторых вещах ему банально не хватает гибкости, но сейчас, рядом с Рамоном, он выглядит не как вожак огромной стаи, а просто как младший брат, который оправдывается за провинность.

– Ты не просто не хочешь, чтобы она знала, – доходит до меня. Да что там доходит, наш прошлый разговор как раз был про это. – Думаешь, раз Рамон вернулся, он снова разрушит твое счастье.

– Это бред, – фыркает альфа, но осекается под пристальным взглядом брата.

– Это правда, Мик? Я больше устраиваю тебя мертвым?

По лицу Микаэля прошла судорога.

– Тебя не было с ней все эти годы, а я был! Проводил с ней рядом каждую ночь, когда ей снились кошмары. Когда она не хотела жить после того, что случилось с ней по твоей вине. Когда не подпускала меня к себе. Не пускала в свое сердце. Я помню все это время. И да, в глубине души, я надеялся, что с твоей смертью все закончится, Рамон.

Это сильно. Жестоко. Болезненно. Не каждому хватит духу в таком признаться, и я бы даже могла испытать к Мику уважение, если

бы все это не касалось меня. А вот Рамона, кажется, слова брата совсем не трогают.

– Ты поэтому решил выдать мою луну за первого встречного? Чтобы она повторила путь Сиенны?

– Рауль – не первый встречный. Ты же его знаешь.

– Мне плевать. Моя женщина не ляжет под другого!

Я поперхиваюсь воздухом, а когда обретаю голос, то говорю:

– Я даже под тебя не лягу! И не только потому, что я на последнем месяце.

– Он к тебе не приблизится, – рычит этот собственник.

Да ладно, и что ты сделаешь?

– Это я могу обещать, – встревает Микаэль. – А вот свадьбу отменить не получится. Она должна состояться, если ты хочешь узнать, кто твой враг. Я, в свою очередь, могу пообещать, что церемония останется фиктивной.

Вот мерзавец! Сделает все, что угодно, только бы Рамон оставался «мертвым».

– Или ты можешь просто вернуться ко мне, – напоминаю я.

Рамон смотрит на меня и качает головой. Едва уловимо, но мне и так все понятно.

Нет так нет.

– Тогда у меня, как у очень заинтересованного лица, тоже есть встречное условие, – я поднимаюсь с диванчика. Больше тут слушать нечего.

– Какое, пена?

– Я хочу ускорить твою вендетту, и да, мне плевать на трудности твоего брака, Мик. Вы взрослые волк и волчица, разберетесь. А на мою свадьбу пригласим на Волчий Союз. Да хотя бы ту милую женщину, что сообщила нам о твоей смерти.

Родство мужчин сейчас особенно очевидно, потому что у них сейчас практически одинаковый прищур.

– Зачем, Венера? – успевает спросить первым Микаэль, но я смотрю на Рамона. Глаза в глаза. У нас будто другой, молчаливый разговор. Будто и нет Мика в этой комнате.

– Чтобы приехал твой невидимый враг. Хотя, наверное, стоит начинать называть его «наш».

– Они не все живут в Вилемие...

– Уверена, он обитает под боком. Так и сузим список подозреваемых.

– Нет, – решает Рамон. – Это слишком рискованно. Я не стану делать вас с дочерью наживкой.

– Рискованно? – Я вздергиваю бровь. – По твоим словам, все моя жизнь сплошной риск, пока ты его не поймаешь. Так поймай его, как можно скорее. Потом – поговорим.

Понимала ли я, что иду ва-банк? Что ставлю все на одну карту? В конце концов, у этого неизвестного нам игрока мог быть собственный план, и моя свадьба с Раулем в него не вписывалась. А еще я могла ошибиться, что он здесь, рядом, и нас может разделять океан и тысячи километров. Понимала ли я все это? Учитывала ли риски? Наверное, нет. В данный момент мной двигали чувства: ярость, обида, азарт. Особенно последний, потому что из зверя, на которого открыли охоту, я в один миг стала охотником, расставившим капкан, и без разницы, что этим капканом тоже буду я. Который раскроет свои острые жвала и поймает этого психопата.

И тогда у Рамона больше не останется отмазок про смертельных врагов. Он либо признает, что мы пара, и мы будем счастливы. Либо я смогу сама выбирать, где мне жить и с кем. Быть с ними, моей маленькой семьей, или попрощаться с ним навсегда и, естественно, увезти с собой дочь.

Понимала ли я, что рискую ей? Может, да, а может – нет. Может, в тот момент у меня окончательно выключились основные инстинкты: и самосохранения, и материнский.

Я смотрела в глаза Рамону, готовому возразить, придумать тысячу отговорок, и брала его на слабо. Откажется – признает, что ему нравится эта игра в волки-зайцы, и что ему не хочется, чтобы она заканчивалась. Согласится... Я и сама не знала, какой вариант лучше. В глубине души мне отчаянно хотелось, чтобы он просто сказал, что важнее всего для него мы с дочерью. Убедил меня в этом. В том, что мы теперь вместе, и вместе все преодолеем.

Но, очевидно, его борьба для него оказывается важнее нас. Потому что после долгой паузы Рамон все же кивает, соглашаясь с безумным планом. Причем не знаю, что именно мне кажется более безумным: собрать верховных старейшин на своей свадьбе или

действительно выйти замуж за вервольфа, которого я видела два раза в жизни. Впрочем, это не безумнее секса с незнакомцем.

– Отлично, – киваю я в ответ. – А теперь извините, мне надо готовиться к свадьбе.

Лицо Рамона искажается, он скалится, как злой волк, и преграждает мне путь, когда я пытаюсь уйти.

– Тебе не нужно к ней готовиться, Венера. Эта свадьба – фальшивка.

– Для тебя и меня, для остальных она настоящая. Ты же не хочешь, чтобы старейшины что-то заподозрили?

Он морщится – моя ядовитая стрела попала в цель, но мне не стыдно. Его боль отдается в моей груди, как напоминание, ради чего все это. Фальшивая свадьба, капкан, отложенные разговоры.

– Останься со мной, – просит Рамон. В глухих нотах его голоса столько искренности, что мне хочется сразу согласиться. Не знай я всей этой аферы, не предложи я ее сама, у него не получилось бы меня прогнать, даже если бы он захотел. Я бы обвила его руками и ногами, и ни за что не отпустила бы. Но я знаю обо всем. Знаю о стене, что по-прежнему здесь.

– Сначала разрушим стену, что между нами, Рамон. Поэтому сейчас я иду готовиться к свадьбе, а на вас с Микаэлем самая ответственная часть – придумать, как выяснить, кто наш злодей. Чтобы все это, – я обвожу руками комнату, но подразумеваю себя и свой риск, – было не напрасно.

Рамон внезапно притягивает меня к себе: как он умудряется сделать это быстро, но при том осторожно – даже представить не могу. А шепот на ухо вовсе едва не заставляет меня поколебаться:

– Благодарю тебя за смелость, пена. Он к тебе не приблизится.

– Кто? Мой фиктивный муж?

– Никто из числа тех, кто желает тебе зла.

Он здесь. Он рядом. Мой истинный. А я в своей гордости и обидах снова отталкиваю его от себя. Не я ли сама придумала эту стену? Не я. И дело вовсе не в обидах. Если мы даже о глобальных, важных вещах договориться не можем, то вся наша дальнейшая семейная жизнь может развалиться после одной маленькой ссоры.

– Я тебе верю, – шепчу в ответ. – Верю, что ты защитишь нашу дочь.

– Ты придумала ей имя?

– Это было бы по-человечески – самой придумывать имя своему ребенку. Правильнее, чтобы ее назвал отец.

Кажется, что Рамон меня не отпустит, но он отпускает. И я иду готовиться к свадьбе.

Правда, теперь у меня есть стимул к ней готовиться. Большой такой стимул в виде приглашенных злодеев. Конечно, существует вариант, что никто из них не примет приглашение, тем более что до вечера не так много времени осталось. Тогда все это будет зря. Но я все равно не отказываюсь от помощи приглашенного Анджелиной стилиста. Он делает мне изящную прическу и нежный макияж, как и положено невесте. Это суэта позволяет немного отвлечься от собственных мыслей, и от того факта, что мой истинный жив! И что он в этом доме.

А спустя несколько часов приготовлений я получаю неожиданное сообщение от Микаэля.

Волчий Союз принял приглашение на мою свадьбу и приедет в полном составе.

Я, наверное, минут пять пялюсь на экран смартфона, пытаюсь осознать, что это не шутка. То есть все четверо верховных старейшин приедут на мою свадьбу, как будто это свадьба года! А с ними их спутницы, потому что приглашения подразумевают плюс один. Конечно, это не весь Волчий Союз, но это его самая верхушка.

Кажется, наша с Раулем скромная свадьба только что перестала быть таковой.

Мои пальцы подрагивают так, что смартфон едва не вылетает из рук. Ведь был шанс, что приедет один из них, и тогда мы, я и Рамон, легко вычислим его врага-невидимку. Или двое, и тогда число подозреваемых просто уменьшилось. Но приглашения приняли все, как один.

Я бы могла понять, если бы выходила замуж за Рамона, за одного из них, но я выходила замуж за Рауля, за обычного вервольфа, и в этот момент, я по-настоящему осознала себя под прицелом. Внимания или просто под прицелом. Но сильно сомневаюсь, что верховные приняли приглашение из вежливости или же приедут сюда в память о «погибшем» Рамоне.

Они едут посмотреть на меня. Ту, что совсем скоро подарит миру ребенка божественного.

Их интересует моя дочь.

В это мгновение мне действительно хочется все отменить. Если не свадьбу, то хотя бы аннулировать приглашения Волчьего Совета. Потому что одно дело рисковать собой, другое – подвергать опасности дочь. Здесь мой материнский инстинкт просто рычит. Но потом я вспоминаю, что я уже за чертой. Опасность уже постучала в мою дверь. Она уже здесь, в доме. Она раскрыла свою пасть и ждет удобного момента, чтобы расправиться с нами. И это не бесплотная тень, не мои фантазии, навеянные страхами. Это предатель, что притаился совсем рядом, а я даже не знаю, кто это.

Мой липовый жених? Альваро? Сиенна? Горничная, что убирает мою комнату?

Это может быть кто угодно. Любой из стаи Микаэля. Любой, кто хорошо относится к альфе, и даже хорошо относится к моему ребенку, что ничуть не нарушает клятвы. Он очень хорошо относится к ребенку. Настолько хорошо, что мечтает его забрать, присвоить себе, а до меня ему дела нет.

От всех этих мыслей мороз по коже и хочется бесконечно обнимать себя и дочь. И руки начинают трястись так, что уже не спишешь на легкое предсвадебное волнение невесты. Но я не могу выдать себя. Не сейчас.

Как ни странно, одна мысль меня все-таки успокаивает. Успокаивает, и убирает дрожь рук. Мой истинный здесь. Рядом. И хоть у нас не всегда было все гладко, да и в принципе сейчас тоже все далеко не идеально, на моей памяти всякий раз, когда я оказывалась в беде, когда подходила к краю, у Рамона получалось меня спасти. Начиная с момента со змеей и заканчивая моей «ссылкой» в стаю Пересов. Последней истинный здорово рисковал, но даже здесь не ошибся. Не ошибся в Сиенне, что спасла нас с дочкой.

Здесь я могла вновь задуматься, что по-прежнему связывает Рамона и его бывшую, но нас со стилистом, наносящим последний штрих, то есть, лак на мою прическу, прервали стуком в дверь.

Пришедший вервольф невысокого роста, чуть выше меня, но я привыкла – все вилемийцы такие, отчего Рамон кажется рядом с ними гигантом, а, например, Хантер так вовсе будет выделяться как

фонарный столб. Невысокий, но при этом красивый экзотической местной красотой: загорелой кожей, белозубой улыбкой, темными глазами и мужественными чертами. У него спокойный взгляд, спокойный и глубокий, даже по этому взгляду понятно, что природа не остановилась на внешнем оболочке, а одарила мужчину еще и интеллектом. Правда, учитывая, что мы виделись пару раз и общались от силы минут пять, оценить его интеллект я не успела, но не сомневалась, что Микаэль на роль моего мужа выбирал лучшего из лучших. Сваха года просто!

Меня не трогала внешность Рауля, а шанса меня очаровать своим обаянием я ему не давала. По правде говоря, всякий раз, когда я издали замечала «жениха», я начинала вспоминать подробности этой помолвки и ненавидеть Микаэля. Сложно общаться с кем-либо, когда в мыслях представляешь особо жестокое и изощренное убийство альфы! Поэтому я их избегала: и Рауля, и убийства Микаэля. И рассчитывала придерживаться подобной стратегии до церемонии, да и после тоже.

Но сегодня все изменилось. Теперь мне нужно играть невесту. Хорошо играть, чтобы верховные поверили. Поэтому, когда Рауль спрашивает:

– Мы можем поговорить, Венера?

Я соглашаюсь.

Стилист поливает меня последней порцией лака для волос «Без запаха. Специально для вервольфов». Маркетологи и создатели этого средства точно не волки, потому что запах у него есть, разве что чуть менее отвратительный, чем у обычного. Заканчивает и уходит.

– О чем ты хочешь поговорить? – интересуюсь, когда мы с Раулем остаемся одни. Я сижу за туалетным столиком, а он опускается в кресло напротив. Нервно дергает красивый, темно-синий с вензелями галстук.

– О том, что хочу отменить эту свадьбу.

Я едва сдерживаюсь от того, чтобы не начать смеяться. И это не веселый смех, полный радости и облегчения, а настоящая истерика. Потому что мой «жених» хочет отменить торжество.

– П-почему?

Вот прилипло ко мне это «почему» и не отваливается! Кажется, я придумала девиз дня, не иначе. В другой раз я бы и спрашивать не стала, меня вообще Рауль не интересовал, ни как будущий муж, ни как

мужчина в принципе. Но сейчас, когда вся эта свадьба превратилась в спецоперацию, когда я пригласила на эту бесову церемонию весь Волчий Союз, когда переживаю и страх, и ярость, и еще много-много разных оттенков чувств и эмоций, этот волк хочет дать заднюю и все отменить?!

Он обводит взглядом комнату:

– Потому что всё это ненастоящее.

– Всё?

Вот теперь Рауль может смело указать причиной отказа: «Моя невеста не отличается умом, так что выдайте мне кого-нибудь другого», но я все еще не понимаю, о чем он. Это тот случай, когда заикливаешься на себе и поэтому с трудом разбираешься в мотивах других.

Вервольф тяжело вздыхает и подается ко мне:

– Для меня большая честь стать твоим мужем, Венера. Твоим мужем и отцом для твоей дочери. Дар альфы – для меня как счастливый билет.

Его взгляд действительно теплеет, из него на мгновение уходит торжественная серьезность, с которой он «отменил» свадьбу в самом начале.

– Но это не то, о чем ты мечтал, – предполагаю я. В нашей расе волчиц значительно меньше, чем волков, поэтому далеко не все обретают пару и заводят детей. С людьми это невозможно по понятной причине, с ними дети не получаются. Да и у вервольфов с деторождаемостью сложно, взять хотя бы меня и моего бывшего. Поэтому насчет чести Рауль не кривит душой, уверена в этом. Но Микаэль просто взял и поставил его перед фактом: женишься на этой волчице, приказ. А у Рауля могли быть свои планы, свои привязанности. Может, он влюблен в кого-то!

– Ты мечта любого мужчины, Венера, – возражает он. – Красивая, яркая, умная, с ребенком.

Да, что у людей минус, среди вервольфов – жирный плюс. Волчат мы любим. А девочка – это еще и огромные перспективы, если удачно выдать ее замуж.

Слушать комплименты приятно, особенно для волчицы, которая долгое время оставалась незаметной и нежеланной, но вряд ли Рауль

хочет отменить свадьбу только потому, что я слишком для него красива.

– Ты любишь другую?

Рауль изумленно моргает, а потом смеется. Долго, и у него глубокий, красивый смех.

– Нет, – он качает головой. – Альфа не настолько жесток, чтобы разлучать нас с моей гипотетической возлюбленной. Мое сердце свободно. Но вот твое пока занято.

Я вскидываюсь, смотрю ему в глаза. Удивительно, что меня просчитал мужчина, с которым я виделась пару раз, но он это сделал. Что же, Мик постарался выбрать мне чуткого мужа, только что толку от этой чуткости? Теперь она как кость поперек горла.

– Я не знаю, сколько это продлится, – продолжает Рауль. – Через сколько времени ты сможешь отпустить верховного, но я не хочу становиться между вами. Я против насилия. Эта ситуация... Просто какие-то времена предков! Я против того, чтобы ты шла за меня не по своей воле. Если бы мы могли узнать друг друга получше...

– Это одна из причин спешки, – напоминаю я, показывая на свой живот.

– Это не причина совершать большую ошибку. Ты не готова к этой церемонии, поэтому я отменю ее. Альфа вспыльчив, но не идиот. Он поймет и не станет злоупотреблять своей властью.

Даже не знаю, что на это ответить. Что в корне не согласна? С тем, что он не идиот. А по чьей вине мы буквально стали заложниками этого фарса?

Если бы не лжесвадьба, Рамон бы не связался со мной, напоминаю себе. Но отменять теперь ничего нельзя. Второго такого шанса не будет! Когда еще весь Волчий Союз соберется вместе, да еще и считая Рамона мертвым.

– Ты прав, – говорю, когда Рауль поднимается из кресла. Для него вроде как все решено, а я в шоке, в панике. Я даже подумать не могла, что он захочет отменить свадьбу. Рауль оказался хорошим парнем. Просто хорошим и заслуживающим счастья. Обманывать его – пожалуй, самое мерзкое, что я делала в своей жизни. Но я уже вступила в эту игру и согласилась с ее правилами.

– Ты прав, я люблю другого, – говорю чистую правду. – И спешка Микаэля выводит меня из себя, – тоже правда. – Поэтому я даже не

пыталась тебя узнать.

Ну да, единственное свидание, на которое меня пригласил Рауль, чтобы мы могли хоть немного узнать друг друга, я проигнорировала.

– Когда бы ты успела? – улыбается Рауль.

– Несмотря на все стереотипы о счастье подготовке к материнству, у меня сейчас не самый спокойный период в жизни.

– Я могу понять... Нет, наверное, не могу. Разве что десятую часть. Сотую?

Он шутит, пытается меня подбодрить, а я чувствую себя еще более ужасно.

– Но этим разговором ты напомнил мне, – продолжаю, – что надо думать не только о своих чувствах. Иногда нужно подумать и о чувствах других, а я заиклилась на собственных.

– Это нормально.

Грустно улыбаюсь.

– Не для той, что всегда гордилась своей чуткостью и внимательностью.

Рауль молчит, только во взгляде море поддержки. Наверное, сейчас я по-настоящему впервые его увидела, рассмотрела. Не вернись Рамон, я вполне могла рассмотреть его если не как пару, то хотя бы как друга. Но при этом только благодаря возвращению Рамона и рассмотрела. И это тоже грустно.

– Мы можем попробовать, – предлагаю я.

– Попробовать?

– Узнать друг друга.

– До свадьбы три часа, – напоминает Рауль, а я нервно сглатываю, «скармливая» ему откровенную ложь:

– Значит, будем узнавать друг друга после.

Он успевает скрыть свое изумление и снова становится серьезным:

– Ты хочешь, чтобы свадьба состоялась?

– На нее приглашено слишком много гостей. Я умру со стыда, если придется все отменить.

– Нет, ты слишком смелая, чтобы умереть от такой ерунды.

Я вообще не собираюсь умирать, в ближайшие лет семьдесят точно.

– Значит, ты согласен?

Рауль наклоняется и старомодно целует мне руку.
– Я могу отказать альфе, но не тебе.

ГЛАВА 15

Когда я выходила замуж первый раз, за Августа, я так нервничала, что мало на что обращала внимание. Так я попросту пропустила и красоту места, где проходила церемония, и наряды гостей, и роскошный фуршет, и даже дорогой фейерверк, достойный празднования любимого праздника всех легорийцев – Дня мира. Тогда все было на высшем уровне, никак женится альфа одной из самых известных и состоятельных стай Крайтона и всей страны. Но вся свадьба прошла мимо меня, ее словно стерли из моей памяти, остались будто какие-то отрывки-огрызки, кусочки пазла, которые невозможно сложить в единую картину. Деталей было столько, что охватить, объять все это не получалось.

Та свадьба была для того, чтобы показать благополучие Августа, его победу и удачу, не для того, чтобы сделать счастливой меня. Поэтому еще до встречи с Рамоном в своих самых смелых грезах я мечтала о новой свадьбе с любимым мужчиной, о такой, какая была у Доминика с Чарли. пышной церемонии, совмещающей в себе традиции вервольфов и людей. Я хотела всем руководить, сделать такую свадьбу, которая понравилась бы мне. Но предки снова распорядились по-своему и хорошенько посмеялись.

Потому что я даже в кошмарах не могла представить, что я буду выходить понарошку за мужчину, которого совсем не знаю, а сама моя свадьба превратится в капкан для того, кто мечтает отнять у меня дочь.

Тут бы очень пригодилась нервозность с первой свадьбы, я бы могла забыть, ничего потом не вспомнить, но, как назло, у меня наоборот до пределов обострилось мировосприятие. Я замечала и подмечала каждую деталь. Каждое украшение особняка – лестницы и дверные проходы украсили желтыми и белыми выюнками. Острый вкус сэндвичей с тунцом, что мне принесли для перекуса. Далекие, то и дело прерывающиеся звуки виолончели – музыканты настраивали свои инструменты. Каждого гостя – дом был наполнен приглашенными вервольфами и людьми. На скромную церемонию это было похоже меньше всего, но, кажется, Микаэль подсуетился и

позвал всех, кто смог прийти. Очевидно для того, чтобы в этой толпе затерялся самый главный гость, которого я так больше и не увидела.

Злилась ли я на Рамона по-прежнему? Да. Но и скучала тоже. Мне хотелось многое ему сказать... И скажу, когда этот спектакль наконец-то закончится!

Но все это, как и рациональные, разумные убеждения, что до церемонии видаться нам не стоит, это может поставить под угрозу весь план, не мешало мне высматривать истинного и надеяться, что его присутствие вернет мне на щеки румянец. Потому что в спальне, глядя на себя в зеркало, я поблагодарила предков и визажистов, что придумали румяна. Иначе была бы я бледной напуганной невестой, а так всего лишь слегка нервная.

По традиции вервольфов свадьба должна была состояться на закате, между днем и ночью. Невероятно романтическая идея со времен предков, особенно, если это союз истинной пары. Но сам праздник начинался заранее: жених и невеста наслаждались последним часом жизни волков-одиночек – сильно сокращенная версия мальчишника и девичника. В стае Мика традиций не нарушали, поэтому после ухода Рауля ко мне почти сразу заглянула Сиенна, как раз с сэндвичем.

Казалось, мне кусок в горло не должен лезть, но волчий аппетит победил. Я перекусила и спустилась вниз. Что насчет Сиенны, с ней я старалась общаться общими фразами. Она проницательна, в чем я успела убедиться тогда в бутике: вмиг раскусит и меня, и Микаэля. Но ее общие фразы не устроили.

– Ты не отказалась от свадьбы, – сказала любящая все контролировать Сиенна.

– А могла?

– Рауль хотел.

– Мы оба передумали.

– Почему?

– Говорит, я слишком красива.

Волчица врезалась в меня своим сканирующим взглядом.

– Почему передумала ты?

– Решила дать себе второй шанс.

– Ты? Что за бред?

– А ты ждала от меня откровенности?

Завуалированный пинок сработал, Сиенна вспыхнула и убежала от меня подальше. Меня же перехватила Анджелина и ее гости – такие же волчицы в возрасте.

Все поздравляли меня, говорили мне комплименты, а мне было все равно. Помимо Рамона я высматривала еще и членов Волчьего союза. Если бы я еще знала, как они выглядят. Кроме Альмы. Но Альмы пока не было.

В конце концов, мне надоело находиться в гостиной с остальными женщинами, и я отправилась прогуляться. Я, кажется, в доме все коридоры, повороты и ниши выучила, но оказалось, что не все: на полпути меня бесцеремонно втащили в какую-то комнату, дверь в которую была задрапирована шторами. Ни пикнуть, ни рыкнуть я не успела, а в следующий миг меня прижали к стене и запечатали рот властным поцелуем. От этого поцелуя моя бедная голова сразу же пошла кругом, а скачок адреналина утонул во всплеске радостных гормонов.

Рамон.

Я подаюсь вперед, отвечая, углубляя поцелуй, но мой истинный уже отстраняется:

– Почему ты ходишь одна? – его грозный шепот обжигает мои губы.

– Это запрещено?

– Да, пока в доме предатель. Тебя могли схватить прямо сейчас. Как это сделал я.

– Только тебе придет это в голову, – все-таки рычу я. – Без упреков никак? Ты сам почему здесь? Должен же прятаться.

– Пришел тебя увидеть.

Я тону в его глазах. Не должна, я должна быть стойкой, но тону. Я слабая, безвольная волчица, когда рядом оказывается Рамон Перес.

– Увидел?

– Да, – обнимает меня и ворчит: – Могла бы надеть мешок на свадьбу с этим мальчишкой.

– На голову? Или на тело?

– Это преступление быть такой красивой, пепа.

– Все ради достоверности. Теперь отпусти меня.

Конечно, я бы задержалась с ним в этой нише, но дело есть дело. Я легко отталкиваю его и устремляюсь на выход, но в спину ударяет:

– Сара.

Какая еще Сара?!

– Венера, – обиженно поправляю я.

– Я помню, что ты Венера, – хмыкает Рамон и кладет ладонь на мой живот, – а вот наша дочь – Сара. Маленькая принцесса.

Я улыбаюсь и выскальзываю из ниши.

Сара, значит. Вот и познакомились.

Я думаю о Рамоне. Думаю о Саре. Возможно, поэтому меня отпускает.словно внутри, в груди, разматывается клубок нервов, волнений, переживаний. Я мысленно произношу имя дочери, и мне становится тепло. Будто всходит огромное солнце, касается меня своими лучами. Все страхи растворяются. Они не важны. В них нет ничего ужасного. Что вообще может произойти ужасного, если Рамон меня защищает?

Нас.

Поэтому улыбка не сходит с моих губ, когда я возвращаюсь к гостям. Когда общаюсь с ними, но мыслями я далеко. Мыслями я рядом с Рамоном и Сарой. В своих мечтах о крепкой любящей семье.

Да только появление Волчьего Союза разрушает эту радость.

Сначала я слышу, как замолкают гости, как один за другим вервольфы поворачивают головы, будь она в иной ипостаси наострили бы уши. Нормальная звериная реакция на суперхищников, как в волчьем мире, так и среди людей, а верховные и есть суперхищники. Обладающие большой силой и большой властью.

Их семеро: четыре мужчины и три женщины. Причем одна – человек. Или имани, кто ее разберет. Молодая красавица с длинными золотыми волосами. Остальные молодостью похвастаться не могут: все они буквально старые волки и отличаются друг от друга количеством седины. Теперь я понимаю, почему Рамона называли самым молодым верховным старейшиной.

Впереди выступают волк и волчица, последнюю я как раз узнаю. Альма. Та, что сообщила о смерти моего истинного. При виде ее во мне как от единственной искры вспыхивает ярость. По ее вине я пережила столько ужасных ночей. Из-за нее весь этот фарс со свадьбой! Искра рискует разгореться, но я гашу ее немедленно. Вервольфы, особенно волчицы, способны чувствовать чужие эмоции, а я не хочу раскрывать перед ней свои.

Пара держится по-королевски: мужчина высокий, статный, но его лицо будто ничего не выражает. Не знаю, чего я жду, взглядов свысока или распахнутой с ноги двери, но ничего такого нет. Верховные просто входят один за другим, улыбаются с прохладой – и все. Они не чувствуют неловкости, они везде в своей стае.

Их встречают Микаэль с Сиенной, с которыми они обмениваются стандартными фразами вежливости вроде: «Спасибо, что пригласили», «Вам спасибо, что приняли приглашение». Конечно, говорят они более витиевато, но смысл остается тем же. Пока они здороваются, я успеваю их рассмотреть. И пару Альмы, который напоминает мне моего двоюродного дядюшку, бывшего старейшину Легории, место которого сейчас занимает Доминик. Он держался так же, будто он альфа всех альф, и даже Волчий Союз будет есть у него с рук. Его давящая аура накрывает всю гостиную. Его, а может – их. Все четверо мужчин дают своей силой, своим присутствием, будто желают раздавить. Не знаю, умышленно или нет, но это факт. Даже я чувствую, как начинает першить от сухости в горле.

И вся эта сила движется ко мне. Логично, потому что я невеста, но все равно я не жду, что они сделают это все вместе. Практически окружают меня.

Не знаю откуда, но между ними и мной встает Рауль, заслоня меня словно стеной. С другой стороны появляется Альваро, единственный с кем я общалась на протяжении этих дней, не считая доктора Суразы, и кого не посвятила в свой план. Это неожиданно и немного сбивает с толку. Я тут уже готова сражаться в одиночку, а оказывается, не одинока.

– Добрый день, Венера, – произносит верховный альфа на легорийском. Они тут все «самцы», но волк Альмы прямо-таки выделяется. Еще он напрочь игнорирует мою команду поддержки. – Я Артур Миар, с моей спутницей ты уже успела познакомиться.

Я встречаюсь взглядом с волчицей и понимаю, что Сиенна рядом с ней лапочка и душка. Альма не просто белая, она будто глыба ходячая.

– Не при лучших обстоятельствах.

– К сожалению, – качает головой Артур. – Рамон был мне как сын. Эта утрата общая.

Поэтому вы решили выкрасть его дочь? – хочется мне спросить и посмотреть ему в глаза, но я не могу. Я же вроде как не в курсе, что Волчий Союз под подозрением Рамона. И вообще я глупая волчица, осмелившаяся полюбить верховного старейшину.

К тому же, не знаю, насколько утрата общая – другие старейшины выглядят больше скучающими, чем теми, кто проникся грустью момента.

– Сегодня не должно быть места для грусти, Артур, – вмешивается Альма. – Я рада, что ты нашла свою пару. Рауль, так?

Она знает его имя. Словно следит за мной.

Конечно, она знает его имя, наверняка оно было в приглашении, но меня царапает. А может, я готова заподозрить любого из них.

Каждого.

Стеллара Гриа и Кристину Нортон. Мэнса Линна и Ташу Рисон. У Альмы тоже другая фамилия – Курасон. Она родом из Вилемии. Отсюда. Последним представляется Ранеш Доринава, выходец из Табатора, куда я собиралась сбежать от Рамона.

Хорошо, что не сбежала.

Все меня поздравляют, но скорее из вежливости. Из вежливости и интереса. Я для них забавная игрушка. Мышь в мышином лабиринте. И Рауль тоже мышь. Его изучают с не меньшим интересом, будто размышляя, почему я его выбрала. Очевидно, Мик забыл предупредить, что я в общем-то не выбирала. Но сейчас это можно использовать как преимущество.

Пока они мне все кажутся злодеями, и это неправильно. Мне нужно найти самого-самого. Кто угрожает мне и моей дочери. А значит, нужно разговорить их. Пусть Рамон считает, что он может все сделать сам, я тоже много всего могу.

– Не думала, что вы примете приглашение на мою свадьбу, – заявляю я Ранешу, который стоит ко мне ближе всего.

– Таша была очень убедительна, когда сказала, что я должен быть. В память о наших ушедших друзьях.

– Вы заняли место Рамона?

– Я? Нет. У меня сектор Илайи. О территории Переса теперь печется Мэнс.

Который пришел с Ташей. Я украдкой рассматриваю блондинку и вдруг ее узнаю – это спутница Рамона, которую я видела с ним в СМИ. Разве что она сменила цвет волос: раньше ее волосы были медного оттенка, отчего она отдаленно напоминала родственницу Мишель. Она спутница для выездных мероприятий или переходит к верховному вместе с сектором?

Очевидно, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Ранеш усмехнулся и, склонившись к моему уху, ядовито напомнил известную пословицу:

– Где лес, там и волки. Где волки, там грызня за лес.

Интересно, это он сейчас про что? Про статус верховного или про Ташу рядом с верховным? Одно ясно: верховные как те волки, что готовы перегрызть друг другу глотки. Они не заодно, и это хорошо. Замечательно даже.

Только я успела обрадоваться, как Рауль ухватил меня за руку и собственнически притянул к себе. Первым порывом было вырваться, но я его подавила и вопросительно посмотрела ему в глаза.

– Пер Доринава, в нашей стране не принято подходить так близко к чужой женщине.

Верховный взглянул на моего жениха так, что я удивилась, как его по полу не раскатало силой. Но Рауль выстоял.

– А она вроде еще не ваша женщина.

– Станет ей примерно через час.

Ну вот, только ревнивого мужа мне не хватало! Фальшивого ревнивого мужа.

– Значит, Таша убедила всех приехать на мою свадьбу? – я сжала ладонь Рауля и вернула разговор туда, куда нужно мне. – Почему?

Я не боялась, что она меня услышит: блондинка волчьим слухом не обладала и была увлечена разговором со второй волчицей – Кристиной. Да и ничего страшного я не спрашивала.

– Таша убедила *меня* приехать на вашу свадьбу, а она нигде не появляется без Мэнса. Ходит за ним хвостом, заглядывает в рот. У нее такой стиль жизни и такое отношение к мужикам. Если понимаете, о чем я.

Противный тип. Оскорбляет как дышит.

Общаться с ним мне резко расхотелось.

– Значит вы, Мэнс, позвали всех на мою свадьбу? – спрашиваю я другого верховного. Он, пожалуй, самый молодой среди всех – на вид ему слегка за пятьдесят. Но назвать его симпатичным язык не поворачивается: слишком высокомерное у него выражение лица.

– Нет, у нас с Ташей уже были планы, но Артур принял приглашение, и я посчитал это хорошей данью моему предшественнику. Вроде приметы, что я на этой должности задержусь надолго. Перес все-таки больше десяти лет отпахал на Волчий Союз.

Да, это точно не те слова, что хочет слышать невеста. Приходится одернуть Рауля, чтобы тот не бросился на защиту моей чести. Правда, жених уже начинает коситься на меня яростно.

– Прошу извинить нас, – говорит он, увлекая меня из гостиной в раскрытые двери, ведущие в парк. По дорожке, по обе стороны от которой высадили белые и красные цветы. Еще одна волчья традиция: дорога в счастливый брак.

Мэнс и Ранеш. Они, конечно, те еще козлы, но у каждого мотив убрать Рамона и Илайю, чтобы занять их места соответственно. То есть, они с радостью пожелали моему истинному попасть к предкам, но враг Рамона наоборот этого не хотел. Мой истинный считает это проколом. А вот Артур...

– Венера, ты что творишь? – спрашивает мой жених, когда мы оказываемся вне слышимости гостей. При таком галдеже, как в гостиной, сложно кого-то подслушать.

– Хочу знать, что они тут забыли, – говорю правду.

– Разве альфа их не пригласил?

– Да, но зачем они все сюда приехали? Могли же отказаться.

– Он поэтому их пригласил?

– Э-м-м, – не нахожусь я с ответом.

– Надеюсь, свадьбу он тоже не для этого придумал, – рычит Рауль и возвращается к гостям, а я стою посреди красивой дорожки, среди деревьев, увитых огоньками гирлянд, которые совсем скоро вспыхнут теплыми огоньками.

Бесы, у меня не просто красивый фальшивый жених, он еще и умный. Это может стать проблемой. Но с другой стороны – возможно, будет легче ему все объяснить. Например, то, что замуж я за него я по-настоящему не выйду.

ГЛАВА 16

Стоять посреди парка было странно, поэтому я выждала минуту и вернулась в гостиную, полная решимости расспросить остальных верховных. Не просто расспросить, докопаться до сути! Но они, к моему величайшему сожалению разбредлись: Ранеш болтал с компанией волчиц, Кристина, Стеллар и Артур отправились к столику с напитками, а вот Мэнса с Ташей вообще не было видно.

– Тебя, наверное, мучает вопрос, почему мы здесь? – Альма вынырнула будто из неоткуда: я уловила ее приближение буквально за пару шагов от меня.

Я не стала делать вид, что рада ей, и улыбаться. Из-за этой женщины я провела несколько не самых радужных месяцев. Да, сворачивать шею голубя, принесшему плохие новости, глупо, но сидя волчица вызывала во мне не лучшие чувства. Я бы сказала – будила самые отвратительные.

– Это настолько очевидно?

– Это логично, – усмехнулась она, но юмор ей не шел: смех не коснулся глаз, только губы искривились. – Я бы на твоём месте тоже гадала, что весь Волчий Союз забыл на моей свадьбе.

– На вашей точно был весь Союз.

– У меня не было свадьбы.

Я опешила:

– Как так? Разве Артур не ваш супруг?

– Он моя пара, но неофициально.

Интересно. Очень интересно. И непонятно. Но спросить подробности я не успела, волчица подалась ко мне.

– Мы здесь действительно из-за тебя. Микаэль сказал, что на тебя напали безликие. Безликие служат и Артуру, и ему не нравится, что кто-то ведет игру за его спиной. Так что он собрал нас всех ради проверки и чтобы убедиться, что с тобой все хорошо. Что здесь ты в безопасности.

Я от такой откровенности слегка в шоке, хотя учитывая, как начался сегодня день, может, пора привыкнуть.

– Стая Микаэля – самое безопасное место.

– Не скажи, – качает она головой. После гибели Рамона все изменилось. Она, эта стая, была неприкосновенна, пока он был жив. Но скоро все изменится, срок договора подходит к концу.

– Вы угрожаете мне?

Они приподнимает брови и выглядит искренне удивленной:

– Что ты, девочка? Предупреждаю! – она вручает мне визитную карточку – старомодный способ оставить свои контакты. – Подумай, если тебе нужна моя помощь, я всегда отвечу на твой звонок.

Я цепляюсь за визитку, едва сдерживаю желание сжать ее в кулаке.

– Почему? – спрашиваю нейтрально.

– По доброте душевной. Я была на твоём месте.

– Похоронили любимого? – Я невеста, мне сегодня позволен даже сарказм, но Альма даже не меняется в лице.

– У меня забрали ребенка.

А вот я наверняка меняюсь: кровь отливает от лица, уверена, сейчас я выгляжу бледней тех цветов на клумбе. Потеря ребенка – мой самый жуткий ночной кошмар, а Альма его пережила и сообщает об этом... так буднично! Между делом.

– Простите. Как? Что случилось?

– Законы Волчьего Союза, – пожимает она плечами. – Я знала, на что шла. Но, к счастью, тебе это не грозит.

Она уходит, тем самым завершая наш разговор, ставя в нём точку. Я же не знаю, откуда во мне берётся самообладание не побежать следом за ней и не потребовать разъяснения. Какие такие законы? Это уловка? Или правда? Почему меня это не касается? Из-за смерти Рамона? Или из-за чего-то ещё?

Одно знаю точно: эти игры в волков-зайцев мне порядком надоели! Меня буквально тошнит от этих интриг и от верховных старейшин с их недоженами тоже.

Да, меня действительно начинает мутить, и поэтому я пробираюсь сквозь толпу в дамскую комнату. По-хорошему, надо найти Рамона и потребовать у него ответа, но что-то мне подсказывает, нет, я на сто процентов уверена – не найду, пока истинный сам не покажется. Но если он не расскажет, я могу спросить у кого-нибудь другого. Точно не у верховных! С ними я наобщалась на всю жизнь вперед. Возможно, о Волчьем Союзе знает Микаэль. Или Сиенна! Как бы меня не коробило от факта, что они с Рамонам были очень близки, они были. Он все ей рассказывал, возможно, даже больше, чем мне.

Я пробираюсь сквозь одну гостиную, потом другую, холл, но так и не встречаю альфу с первой волчицей, зато натыкаюсь на Альваро.

– Венера, что происходит?

– Что происходит? – вскидываю брови. – Мне срочно надо в уборную. Беременным, знаешь ли, с этим сложно...

– Я про этот фарс со свадьбой, о приезде верховных, о твоей на них заикливости.

К счастью, мы оказываемся в узком длинном коридоре одни, и слов Альваро никто, я надеюсь, не слышит, но все равно это опасно. Говорить о том, что моя свадьба фальшивая.

– С чего ты взял, что это фарс? – интересуюсь, оглядываясь.

– Может, потому что ты не хочешь замуж за Рауля?

– Мик меня убедил.

Альваро смотрит на меня пытливо, и сейчас безумно напоминает Чарли. Подруга тоже так смотрит, когда чувствует неискренность. Казалось бы, вервольфы ловят чувства, но люди иногда делают это лучше.

– И ты сдалась? На тебя это не похоже, Ви.

– Я согласилась, что так будет лучше для всех.

– Для тебя тоже?

– Для меня тоже.

– А что насчет верховных? Зачем они здесь? Только не говори, что вы их всех собрали, чтобы вычислить врага Рамона?

Вот почему этот парень такой умный, а я такая болтливая? Чем-то с ним поделилась, что-то он сам додумал.

– Венера, это опасно, – он порывисто сжимает мою ладонь. – Оно того не стоит.

– Чего нам точно не стоит делать, Альваро, так говорить об этом здесь, – сообщаю ему громким шепотом. – Там, где нас могут услышать.

– Так идем в другое место, – он увлекает меня за собой, и кто бы мог подумать – в ту же нишу, где я виделась с Рамоном. Или, по крайней мере, в похожую.

– Я от Артура узнал, что они получили приглашение в последнюю минуту. Что изменилось, Ви? Что изменилось сегодня? Если только... – Альваро осекается и широко распахивает глаза: – *Он* здесь?

Я зажимаю ему рот ладонью и качаю головой, предупреждая взглядом: «больше ни слова». Парень умный и понятливый, поэтому

кивает, несмотря на потрясение. Потрясение и радость. Он широко улыбается. Так широко, что я боюсь, как бы он своей радостью не выдал нашим почетным гостям все тайны. Но он стирает улыбку, когда мы выходим из ниши.

– Мне действительно нужно в дамскую комнату, – говорю я, и Альваро меня провожает без лишних слов.

Теперь все, что я думаю: правильно ли я поступила, доверившись ему?

Ведь если Альваро крот, то моя откровенность грозит нам всем огромными проблемами. Как же все сложно!

Вдобавок ко всему у меня начинает кружиться голова, так что в туалет я добираюсь разве что не по стеночке. Приходится убедить Альваро, что все хорошо. Это несложно, потому что он сам витает в облаках, обрадованный и пораженный новостью. Голова кружится сильнее, и даже не умоешься – так я уничтожу макияж, а свободного времени на новый у меня нет. Поэтому я просто смотрю на свое отражение в зеркале до тех пор, пока оно не перестает туда-сюда плавать.

Хороша шпионка, которую стошнит на кого-нибудь из высокопоставленных гостей!

Самой смешно. Еще утром я бы обрадовалась тому, что можно отложить свадьбу, перенести ее из-за моего ужасного самочувствия. Главное, абсолютно непритворного. Но понятно же, что нервы у меня от приезда старейшин.

Обхватываю себя руками и разговариваю с дочерью. Это всегда меня успокаивает. Всегда поднимает мне настроение и придает силы.

– Сара, малышка, помоги мне. Поддержи меня, как всегда поддерживала. Нам надо пережить этот день, и после... После мы будем свободны. Я, ты и твой папа, который тебя любит. Который перегрызет всем глотки за тебя. Я люблю тебя. Мы любим тебя. Ты наш долгожданный волчонок. И мой, и твоего папочки. Ты не виновата, что папочка тебе достался с проблемами. Но он умеет их решать, и успешно. Быстро. Хватит и одного дня.

Искренний разговор с дочерью сработал, в меня будто рекой хлынула свободная энергия. Ее теплота и искренняя детская любовь. Я почувствовала себя сильной. Настолько сильной, что готова горы

свернуть. Хоть сейчас целый лес пробегу, не то что выстою на дурацкой церемонии!

Мне только это и нужно, а подробности законов верховных старейшин узнаю у Рамона. В конце концов, он больше не верховный. Карточку Альмы я прячу в миниатюрной сумочке. Надо бы выбросить, но рука не поворачивается.

Мои планы летят зайцу под пушистый хвост сразу же: на выходе меня ждет Таша. Не меня, конечно, она просто ждет, когда освободится уборная. И не одна она. Приглашенная Анджелиной волчица быстро поздравляет меня и ныряет в открытую дверь, а мы с блондинкой остаемся одни.

Мне надо пройти. Сделать как решила. Пережить церемонию и положиться на Рамона.

Перестать играть в детектива.

Но это такая удачная возможность узнать о том, что наговорила мне Альма. Идеальная! Поблизости никого нет, а Таша знает Рамона. Она знает Волчий Союз изнутри. Я всего лишь спрошу.

— Альма сказала, что мне повезло, что Рамон погиб. Не знаешь почему? — припечатываю девушку откровенностью. Главное, врасплох застать, а ложь я почувствую сразу.

У меня получается ее удивить, Таша даже приоткрывает рот.

— Что, прости?

— Ты знаешь Волчий Союз, поэтому я решила спросить у тебя. Что за закон, который отбирает детей?

Ничего такого мне Альма не говорила, она просто намекнула, а может, вовсе намекнула не на это, и я сама все додумала. По крайней мере, я на это надеюсь.

— А, этот закон, — кивает Таша. — Есть такой. Верховные старейшины не могут официально создавать союзы, то есть такой свадьбы с Рамоном, — оба обводит руками коридор — даже здесь на высоком столике в вазе притаился букетик праздничных цветов, — у вас бы не было. Они приносят клятву Союзу, и с ним у них как раз прочный союз.

Она смеется над собственным каламбуром.

Нет, земля не уходит у меня из-под ног, но я, наверное, выгляжу так же, как Таша еще несколько минут назад — глубоко потрясенной и ничего не понимающей. Я наконец-то все понимаю. Рамон еще в

Крайтоне сказал, что не женится на мне. Когда Доминик настаивал на нашей свадьбе, я подумала, что истинный не хочет брать меня в жены, а он... Связан клятвой?

Пульс начинает грохотать в ушах. Сильнее и сильнее. Но я сжимаю кулаки. С Рамоном, любителем не договорить, я разберусь потом. Сейчас важно другое:

– А дети? Что насчет них? Ведь верховные не дают обед целомудрия.

Я-то это знаю точно.

– Ну нет, – смеется Таша. – С сексом у них все в порядке.

– От секса как раз дети и случаются. Они же не убива...

– Что ты?! – широко раскрывает глаза блондинка. – Это, по меньшей мере, глупо и нерационально. Но семей у них нет. Детей отдают и растят отдельно. Мальчики потом входят в армию Волчьего Союза, девочек выгодно выдают замуж. Все как обычно у вервольфов.

ГЛАВА 17

Рамон

Когда он был на архипелаге Джайо, то считал, что самым сложным будет выбраться с проклятых островов. Оказалось, что это было самым простым.

Зен пообещал ему помочь и сдержал свое слово. Еще бы не сдержал: Рамон оставил ему Мишель. Конечно, никто никого не оставлял, Мишель осталась сама, по собственной воле, но мальчишка-альфа так обрадовался, что организовал Рамону «побег» в тот же день. Уходить на вертолете было нельзя: Союз мог легко его засечь или, что хуже, приказать сбить. Поэтому ему дали обычную лодку и навигатор – попросту компас. Здесь, на землях Джайо к современной технике все равно относились с предубеждением или с опасением, но в этом были свои плюсы. Радары перехватывали электронику, но были бессильны перед техникой из прошлого века. Лодочка же оказалась достаточно маленькой, чтобы ее могли засечь. Именно таким нехитрым способом Зен и его стая наведывались на материк.

На материке его ждало поселение в пять домов и единственный телефон. Благодаря тому же Зену дело за одеждой и деньгами не стало,

но без документов двигаться дальше было невозможно. Между настоящим Рамоном и его прежней, до катастрофы, жизнью пролегла огромная пропасть, которую можно было решить с помощью одного звонка Микаэлю.

Один звонок брату – и он вернется домой.

Или звонок Артуру – и за Рамоном пришлют самолет. В течение суток он будет в Вилемии, поцелует Венеру, примет душ, потом снова поцелует Венеру. Будет целовать ее, пока они не начнут задыхаться от страсти. Хотя нет, она на последнем месяце, поэтому он будет нежным. Он будет оберегать ее как самое ценное сокровище. Отныне и навсегда.

Она наверняка считает, что он погиб. Она вероятно плакала и все это время не находила себе места. И он никогда больше не причинит зла своей луне.

Никогда.

Но помимо звонка у Рамона было еще знание, что от Венеры и ребенка хотели избавиться. Если не сейчас, то после того, как она родит. Союз захочет забрать его дочь. По правилам, на которые он сам однажды подписался, и о которых успел сотню раз пожалеть.

Один звонок – и он снова станет верховным старейшиной, но пока он мертв, пока Волчий Союз считает его мертвым, у него больше пространства для маневра. Эффект неожиданности. Позвонит, и все – такого преимущества у него больше не будет. Он не сможет добраться до врага, зато его враг вполне сможет успеть добраться до Венеры.

О последнем даже думать не хотелось. Однажды он потерял Сиенну и их народившегося ребенка... Но его чувства к Сиенне не шли ни в какое сравнение с его чувствами к Венере. Тогда он легко отказался от своей мальчишеской любви, от их дружбы, привязанности. Но отказаться от пепла было сродни тому, чтобы вырвать из груди сердце.

Да и не собирался Рамон этого делать. Он уже сделал свой выбор. Жрица ошиблась в том, что выбор будет непростым. Для него все было проще простого: он будет с Венерой. Несмотря ни на что.

Но как тогда попасть в Вилемию?

Ответ пришел сразу же, стоило мысленно задать себе этот вопрос, и он сделал другой звонок. Звонок, о котором даже верховные старейшины не догадались бы. Настолько непредсказуемо это было.

Доминику Экроту.

И тот его даже не послал, хотя мог – Рамон больше не был верховным, не присматривал за Легорией. Экрот имел полное право повесить трубку, но не повесил. Выслушал до конца и, хвала предкам (Рамон не молился им за всю жизнь, сколько за этот месяц), согласился помочь. Была надежда, что альфа из Крайтона забрал Венеру, но она не оправдалась. Более того – Доминик заявил, что волчица отказалась возвращаться на родину. Значит, возвращение в Вилемию не отменялось. Просто оно превратилось в тайное.

Экрот постарался: поддельные документы у Рамона были через пару дней. Документы и билеты до столицы. Густая борода изменила его лицо до неузнаваемости, к тому же, Рамон похудел от ежедневного выживательного фитнеса на архипелаге. Так что на таможенных не возникло никаких проблем. Он чувствовал себя настоящим шпионом. Если бы не постоянное напряжение от того, что его луна не рядом, вовсе здорово бы развлекся.

До его воссоединения с Венерой оставалось всего ничего, но по прилету он узнал, что ее хотели похитить. Не убить, как это было на острове.

Похитить вместе с дочерью.

Ради его дочери.

Да, этот случай вызвал сильный переполох в обществе вервольфов, новость даже до Доминика докатилось. Новоявленный союзник тут же решил прилететь в Вилемию, но Рамон его отговорил. Он был уверен: после случившегося, Микаэль глаз с нее не спустит. Что-то, а исправлять свои ошибки брат умел.

Рамон хотел увидеться с Венерой, хотел всем сердцем, но одновременно настолько сильно желал свернуть шею тому, кто покусился на его женщину и его дочь. Он не сомневался, что похититель его враг, и ему нужен ребенок. Ребенок прямого потомка предков. Его бесова генетика! Не получив дитя от него и Мишель, враг подумал, что сойдет и так, и нацелился на дочь.

Это осознание заставляло его душу темнеть, из самых ее глубин поднялось нечто настолько яростное, злое, первобытное, неконтролируемое, что сила этой тьмы поразила его самого. В тот момент Рамон понял, что его любимые, его девочки должны жить в

безопасном мире. Где нет этого психопата, играющего во Владыку или Предков, вместе взятых.

Он найдет его, а затем раздерет ему горло. И его враг облегчит ему задачу хотя бы тем, что не оставит попыток подобраться к Венере. Сейчас, когда она настолько беззащитна. Когда вот-вот готова подарить миру новую жизнь.

Рамону нужно только ждать и присмотреться к стае Микаэля. Ко всем, кто в нее входит. Кто может оказаться предателем, кротом. Конечно, делать это изнутри было бы проще, но и опаснее, потому что, если верить собственной интуиции, крот живет в стае слишком давно, и он может быть кем угодно. Даже его матерью.

Рамон дал себе несколько дней и проник на территорию стаи под видом одного из работников доставки цветов к чьей-то свадьбе. Это было непросто, потому что все люди тщательно проверялись охраной, буквально вынюхивались. Но, к счастью, хоть здесь пригодились его особенные способности: он мог приглушать, маскировать свою силу, а его уникальный запах стерли ядреная туалетная вода, ментоловые сигареты и ароматы букетов. Конечно, существовала вероятность, что его узнают: они с братом все-таки похожи, но тут уже на помощь пришла борода, кепка и эффект неожиданности. Кому в голову придет, что дохлый верховный старейшина будет прятаться в цветочном фургоне?

Рамон собирался осмотреться, а свадьба – прекрасный способ слиться с толпой, но, оказавшись в доме, он будто получил удар под дых. Его ударило яростью и отчаяньем, а следом в голове вспыхнул родной голос:

«Если ты не приедешь сегодня, я выйду замуж за другого, а ты будешь жалеть об этом всю жизнь. Потом будет поздно, Рамон Перес!»

Слова Венеры были такими отчетливыми, такими живыми, что первую мысль про сумасшествие он просто отбросил в сторону. Его луна звала его. И именно она выходила сегодня замуж!

Найти Микаэля оказалось еще проще, особенно теперь, когда Рамоном двигала ярость и желание убивать. Не Венеру, Мика! За то, что позволил его женщине выбрать другого. Да, ее оправдывало знание, что он умер. Но это не относилось к брату, допустившему эту свадьбу. Эти отношения.

Но все оказалось еще интереснее – Микаэль сам придумал эту свадьбу и решил выдать Венеру за Рауля насильно. Рамон помнил Рауля еще волчонком, приемного сына его двоюродной тетки. Сейчас он вырос в настоящего волка, грозного хищника и достойного мужчину. Но все это не отменяло того, что Рауль покусился на его Венеру. Его женщину.

Когда Рамон шел к Микаэлю, то собирался сначала набить морду брату, а после вызвать Рауля на бой. Он собирался забрать ее, если нужно – выкрасть. И всю жизнь скрываться где-нибудь в легорийских лесах... Не то будущее, которое он хотел бы подарить самым дорогим своим девочкам.

Нет, он больше не станет действовать из чувства страха. Из-за беспокойства за своих близких. Он охотник, а его дичь здесь. Его враг здесь, и он его вычислит.

На свадьбу явились все старейшины, но его главные подозреваемые – Артур и Стеллар. Несмотря на то, что все верховные якобы равны в своих правах, именно эти двое негласно занимают самое высокое положение.

У них больше всего власти и возможностей.

И при этом больше всего скуки.

Да, когда ты можешь заполучить практически все, то начинаешь придумывать как убрать это «практически» и заполучить действительно все. Если кто-то и играет в жизни других, то именно эти двое! Возможно вместе, возможно нет.

Однажды Рамон подошел к Артуру совсем вплотную. Тот встречался с отцом Мишель. Подробности этого разговора так выяснить не удалось: единственный родной человек его бывшей подопечной погиб. Его сбила машина, когда он вышел из ресторана. Подозревал ли он что-то? Неясно. Но перед той встречей попросил Рамона позаботиться о его дочери. Поэтому, когда Волчий Союз на совете поднял вопрос о том, к кому отправится Мишель, Рамон взял эту обязанность на себя.

Стеллар святым не был, но большинство нитей так или иначе тянулось к Артуру. Тянулись и обрывались. Но не в этот раз. Сейчас верховный потерял бдительность, действовал грубо, когда решил выкрасть Венеру. Чуть не убил Хавьера. Он нервничает, совершает

ошибку за ошибкой и даже приехал на свадьбу. Зачем? Не для того ли, чтобы встретиться с кротом?

Рамон решает не спускать с них глаз. К его удаче, Артур и Стеллар постоянно общаются друг с другом, другие верховные и их спутницы курсируют по дому. Он наблюдает за ними, сменив форму курьера на толстовку специалиста по пиротехнике – приходится готовить фейерверк в честь жениха и невесты.

Верховные выглядят безобидными гостями, но в голове будто неоновой вывеской сверкает: они что-то замышляют. И в какой-то миг это становится основной его задачей. Не выследить собственного врага, а предугадать его следующий шаг.

Предотвратить.

И защитить Венеру. Защитить дочь.

Не нужно обладать суперинтеллектом, чтобы понимать – они истинная цель. Но если верховные или кто-то из них собирается похитить Венеру, то как? Как они собираются это сделать?

Свадьба начинается, когда уровень его напряжения становится просто невыносимым. Невроятным. Венера, его прекрасная невеста, под музыку идет по дорожке из лепестков, и Рамон замирает. Она так красива в этом платье, что его сердце наполняется теплотой. Она словно идет навстречу к нему, и Рамон отдал бы сейчас все, чтобы так и было. Чтобы она сегодня стала его женой и спутницей на всю жизнь. Внутренний зверь утробно рычит, когда она подает руку Раулю. Рауль вообще не вписывается в идеальную картину его мечты. Мертвый Рауль вполне, но не Рауль, целующий ладонь его луне.

Но на самом деле Рауль волнует его меньше всего.

Что-то не так.

Рамон не может объяснить это логикой, только чувствами. Предчувствием беды. Его начинает мутить, а к сердцу подползает холод, обволакивая своими ледяными лапами. Рамон трясет головой, но ощущение только усиливается. И лишь спустя минуту или две до него вдруг доходит, что это вовсе не его чувства.

Они принадлежат Венере.

Ей плохо. А Мик, что ведет церемонию, этого не замечает. И Рауль этого не замечает. Венера бледная, но это нормально для невесты – многие волнуются во время священного обряда. Венере незачем волноваться – обряд фальшивка. Так что с ней?

Вспышка боли настигает его уже на полпути к ней, и Рамон понимает, что чутье его не подвело. К бесам верховных и прочих! К бесам этот маскарад!

Он подхватывает ее раньше, чем Венера упадет. Оттесняет от Рауля, от всех. Держит как драгоценное хрупкое сокровище. Рычит и скалит зубы, хоть сейчас готов к трансформации. Зверь, чувствую ее боль, просто неистовствует внутри. От боли и крови.

– Рамон! – ахает Сиенна.

Гости пораженно замолкают, но их к бесам тоже!

– Неп, говори со мной, – он гладит ее по щеке, побуждает смотреть ему в глаза. – Милая, что случилось? Что болит?

– Сара, – выдыхает Венера и обмякает в его объятиях.

Глава 18

– Доктора! – кричит кто-то, но Рамон даже не оглядывается. Он подхватывает ее на руки. Так осторожно, как это вообще возможно. Он рискует. Он здорово рискует, но прежде чем сюда явится Франческа, Венера может пострадать. А она не должна страдать. Кто угодно, только не она.

До медицинского корпуса всего ничего, но ему кажется, что этот отрезок он преодолевает вечность. Пока вокруг мельтешат знакомые и незнакомые лица, разворачивается нешуточная паника, он сосредотачивает все свое внимание на своей малышке. Рамон несет ее нежно, но Венера все равно вскрикивает от боли, кусает губы и до синяков вонзает пальцы в его плечи.

– Все будет хорошо, любимая. Все будет хорошо, – шепчет он как заведенный.

– Наша дочь, – всхлипывает Венера. – Спаси нашу дочь.

– И дочь, и тебя. Я здесь ради этого, неп.

Франческа оказывается на месте, либо ее успели вызвать, и сегодня даже она выглядит обеспокоенной, когда Рамон буквально вламывается в кабинет. Но лишних вопросов не задает, осматривает Венеру, которую он бережно опускает на больничную койку.

– Готовьте операционную, – сразу отдает приказ доктор Сураза. Если она и удивляется появлению Рамона, то вида не подает, полностью сосредотачиваясь на пациентке.

От слов «операционная» у Рамона темнеет перед глазами: у него крепкие нервы, но не когда это касается здоровья и жизни его луны. У него даже пальцы подрагивают, когда он гладит Венеру по волосам. Но ужас в глазах его женщины отрезвляет получше пощечины. Ей страшнее. Ей гораздо страшнее.

– Что с ней, Франческа? – сдавленно спрашивает Венера. – Что с моей дочкой?

– Она решила прийти в наш мир немного раньше срока.

– Это моя вина, – всхлипывает Венера и снова вливается в его предплечье, справляясь с новой волной боли.

Рамон подается вперед и смотрит Венере в глаза:

– Нет, не твоя. Если в этом кто-то виноват, так это я. То что придумал эту игру, когда ты так уязвима.

– Мы знали, на что шли... А-а-а-а! – последнее она кричит, и эта боль передается ему. – А теперь все зря!

– Не думай об этом, – отрезает Рамон. – Думай о том, как привести нашу дочь в этот мир. Только об этом и думай. Я с тобой.

Венеру отвозят в операционную, а Рамон проходит обязательную обработку. Потому что не собирается оставлять свою женщину в этот важный момент. Он должен быть с ней. Но в операционной его ждут неутешительные новости.

– У нее сильное внутреннее кровотечение, – объясняет Франческа. – Давление падает. Нужна операция, но, как ты понимаешь, анестезии для вервольфов нет. По крайней мере, такой сильной.

Он понимает. Знает о таких случаях. Ребенка придется вырезать наживую, и для матери это практически приговор.

– Я готова, – твердит бледная Венера. – Главное, дочь спасите.

– Нет, – у него даже голос подрагивает от напряжения, а невозмутимая Франческа делает шаг назад. Что уж говорить о ее ассистентах, они едва к полу не пригибаются. – Они мне нужны обе.

– Есть способ, – кивает доктор Сураза. – Не самый надежный, но он повысит ее шансы. Он не раз спасал жизнь моим пациенткам. Если Венера перекинется в волчицу. Регенерация в этом случае выше, а болевой порог ниже.

Глаза у моей истинной распахиваются еще шире, она, кажется, даже про схватки забывает:

– Но беременным нельзя перекидываться. Ты говорила это может навредить ребенку!

– Это может навредить, – со вздохом признается Сураза. – Но точно спасет жизнь тебе.

– Нет, – Венера умеет быть твердой, даже жесткой, вот и сейчас в ее «нет» столько категоричности, что сразу понятно – своего решения она не изменит. – Я на это не подпишусь.

– Ты можешь погибнуть, – в его голосе твердости не меньше.

– Ну и что? Тебе же лучше! – выкрикивает эта глупышка.

– Откуда ты знаешь, что мне лучше? Я не собираюсь тебя терять!

– А я не собираюсь терять мою дочь!

– Так не теряй! – рычит он. – Роди ее, и мы будем счастливы. Все вместе.

Они кричат друг на друга посреди самого ответственного момента в этой жизни. Но он готов вот так спорить с ней хоть множество лет.

– Если выбирать...

– Я не хочу выбирать. Перекидывайся.

– Нет, Рамон. Я не буду...

Он не позволяет ей закончить, просто обхватывает лицо Венеры ладонями и ловит ее взгляд. И делает ту вещь, за которую его непа может его никогда не простить – посылает ее разуму звериный импульс. Приказывает подчиниться и перекинуться в волчицу. С помощью силы, от которой он долго отказывался. Ее взгляд, человеческий взгляд, полон боли, ярости и разочарования, но даже если она не найдет для него прощения в своем сердце, он сейчас увеличит ее шансы на выживание.

Человеческие чувства стираются, ее глаза вспыхивают ярко-желтым огнем, тело меняется, трансформируясь в другую ипостась всех вервольфов – миниатюрную серую волчицу. Которая скалитесь и рычит, но затихает, стоит ему положить ладонь ей на голову.

– Спасите Венеру и мою дочь, – просит он у пораженной Франчески и ее ассистентов. Или, скорее, приказывает.

Этого хватает, чтобы все зашевелились и начали операцию. Все это время он гладит Венеру и шепчет ей слова успокоения, даже позволяет ей впиться зубами в свою ладонь, когда ей становится совсем нестерпимо больно. Весь его мир сосредотачивается на ней.

Рамон сосредотачивается на ней, принимая всю ее боль. Прочувствовав ее полностью.

От этой боли он сам практически впадает в транс, и из этого транса его выдергивает крик младенца.

Крика человеческого младенца.

Это значит только одно: Венера перекинулась в волчицу, а дочь в волчонка – нет. Когда он оборачивается, то видит держащую пищаний розовый комок Суразу.

– Как такое возможно? – рычит он.

– Сильный стресс, – объясняет доктор. – Слишком мало времени на оборот. Такое случается.

– Чем это грозит?

– С ребенком все хорошо.

Она передает Сару ассистентам.

– Чем это грозит Венере?

– Не думаю, что я смогу ее спасти, – честно отвечает Сураза.

– А кто может? – Это даже не рычание, это обещание расправы над теми, кто не сделает того, что он просит.

– Я спасу, – выступает вперед молодой волк, что до этого ассистировал. – Я хирург в стае.

Он заменяет место Суразы, которая уносит Сару прочь. Рамон дергается за ней, но тут же подавляет этот порыв. Потом, все потом. Сначала Венера.

– Ты знаешь, что делаешь?

Под его взглядом невозможно солгать, и вервольф отвечает:

– Я сделаю все, что смогу.

Операция продолжается, и доктор и его ассистенты сражаются за жизнь его луны. Минуты или часы. Запах крови становится практически нестерпимым, Венера несколько раз теряет сознание, пока опасность не проходит мимо. Доктор сообщает, что кровотечение остановлено, нужно просто все зашить. И он зашивает. Венера давно в отключке, и наверное, даже не чувствует, как он гладит ее. Но вот операция заканчивается, и Рамона, все время смотревшего на медиков, как зверь на палачей своей пары, выгоняют, точнее, просят пойти посмотреть на дочь.

Он целует лоб Венеры, на слова не остается сил. Уходит, убедившись, что она спит.

Когда Рамон покидает операционную, у него трясутся руки, как у алкоголика в завязке. Как там доктор сказала? Сильный стресс? Сильнейший! Ему еще никогда не было так страшно! Нет, они не готов был выбирать, и, к счастью, не стал. Рамон шагает в соседнюю комнату, где должна быть его дочь.

Но ее нет.

Сначала он моргает на пустой бокс для новорожденных: в нем даже простынь, смешная, белая в клубничках простынь, не сморщена, значит, дочь сюда не попала.

В сердце ударяет беспокойство. У Венеры было осложнение, у Сары оно тоже могло быть, но слабый аромат младенца просто обрывается. Ни Суразы, ни его дочери нигде нет: ни в соседних кабинетах, ни в коридорах. Тогда беспокойство ударят заново, теперь уже по другой причине. Рамон не находит доктора, но находит ее помощницу и смыкает ладонь на ее горле.

– Где Сураза?

Глаза у нее становятся огромными, в них отражается страх. Еще бы, от ярости он готов трансформироваться в чудовище прямо сейчас.

– Она ушла.

– С младенцем? – Он не рычит. Его голос спокоен, но, кажется, это пугает женщину еще больше. Ассистентка начинает заикаться:

– Д-да.

Можно думать, что доктор унесла Сару по какой-то важной причине, но он не думает. У Рамона не получается думать по-другому, пока в этом доме Волчий Союз. Пазл складывается в самую дрянную картину. Поэтому он отпускает ассистентку и звонит Мику:

– Где все верховные?

– Здесь, – после короткого замешательства отвечает брат. – На территории.

– Заблокируй выходы! Никого не выпускать. Сураза похитила мою дочь.

Микаэль что-то говорит, но Рамон уже его не слышит. Он берет след, слабый след доктора, унесшей его малышку. Но тот обрывается на полпути, теряется в доме, где слишком много запахов. Цветочные, аромат еды, смесь запахов, принадлежащих гостям.

Как они могли не увидеть? Не почувствовать ребенка?

Гости, члены стаи расступаются перед ним, и это тоже проблема. Тогда он меняет курс и направляется к Артуру. Как стоящим за всем этим.

– Значит, ты жив, – успевает сказать верховный, прежде чем Рамон хватает его за грудки. Артур выше его ростом, но ярости в Рамоне хватит на троих вервольфов даже в ипостаси человека. – Что ты себе позволяешь?

– Где моя дочь?

Артур отталкивает его, скалится словно хищник.

– Это тянет на оскорбление, Перес, но я сделаю скидку на то, что ты не в себе.

– А кто в себе? Все мои нити, все что я находил, приводило меня к тебе. Смерть отца. Смерть Уильяма, отца Мишель. Теперь Сураза. Она принимала роды у твоей жены, а теперь похитила мою дочь.

– Как это похитила? – хмурится Артур. – Твоя дочь принадлежит Волчьему Союзу. Зачем мне ее похищать, если я ее и так заполучу, Перес?

– Не получишь, я больше не верховный.

– Ты по-прежнему верховный, выдуманная смерть этого не отменяет. Но в любом случае, я не дружу с этой твоей волчицей-доктором. Выдуманная смерть. Может, это теперь выдуманное похищение.

Я не дружу с волчицей-доктором. А кто дружит?

Волчицы дружат с волчицами. И эта дружба порой навсегда.

Альма.

Это объясняет многое. Например то, почему все сходилось на Артуре. Зацикленность на детях и генах – Альма тоже медик, и, к тому же, потеряла сына. Она тесно общалась с матерью и отцом. Но ему даже в голову не приходило, что его враг – женщина. Что волчица способна так хладнокровно убивать. Или красть чужих детей.

– Где твоя спутница? – спрашивает Рамон у верховного.

Артур оглядывается, но не находит Альму в толпе.

– Была где-то здесь.

К ним буквально подбегает Мик.

– Выходы перекрыты, и мы нашли Суразу, но девочки с ней нет.

Рамон дошел до той точки, когда готов рвать глотки за свою семью. Плевать на Суразу, есть враг похуже. Сумасшедшая мразь, которая где-то здесь. Или...

– Кто-то успел покинуть праздник?

Микаэль мрачнеет:

– К сожалению, да. Помимо курьеров, успела проскочить парочка вервольфов, еще Альма...

Крак! Мир раскалывается на части, как оброненная фарфоровая чашка.

– Найдите ее. – Его голос чужой даже для него самого. В голове стучит. Дикарскими барабанами отбивается мысль-воспоминание. Пророчество слепой Ману, что все знает:

Самая большая твоя битва впереди, и все зависит от того, какую женщину ты выберешь.

Сегодня он остался с Венерой, но потерял дочь.

ГЛАВА 19

Венера

Когда я прихожу в себя в первый раз, то почти не чувствую тела, только бесконечную слабость и беспомощность. То ли это меня все-таки чем-то накачали (а в случае с вервольфами, это должно быть что-то очень мощное), то ли это обман разума, защищающего от боли. Перед глазами плывет, когда я пытаюсь поднять веки.

– Рамон, – зову я, но вместо слов у меня вырывается какой-то собачий скулеж. Только тогда я понимаю, что я сейчас в ипостаси волчицы, и мне до него не докричаться. Но тут же узнаю, что и не нужно: он оказывается рядом.

– Я здесь, пепя, – он опускается рядом со мной, гладит мою голову и холку, нежно проводит по мордочке. Так нежно, что у меня щемит в сердце, и становится спокойно.

– Сара? – хочу я спросить, и не могу: волки не разговаривают. Но Рамон меня понимает.

– Она жива, Венера. С ней все хорошо.

Этого достаточно. Только этого и достаточно. Остальное неважно. Мне хочется ее увидеть, кажется, я даже могу попросить Рамона показать мне нашу доченьку, у нас «налажена связь», но, учитывая, что я даже глаз открыть не могу, отказываюсь от этой идеи. До тех пор пока не смогу перекинуться и поддержать малышку на руках.

Я трусь мордой о его ладонь и снова проваливаюсь в сон. На этот раз исцеляющий.

Прихожу в себя уже утром, по крайней мере, за окном моей палаты светит солнце. Сторона западная, так что оно мне не мешает, но благодаря этому свету я и просыпаюсь. Тело все еще ломит, но уже терпимо. Боль скорее напоминает о том, что я жива, чем мешает жить. Я даже рада ей, тому, что ее не так уж и много.

Преодолевая боль, вытаскиваю из себя иглу капельницы, снимаю датчики и меняю ипостась.

Что я там говорила насчет терпимо?

Приходится сжать зубы, чтобы не заорать матом, нехорошим словам, легорийским, которым я научилась у Чарли, и вилемейским, которыми поделился со мной Альваро.

– Твою ж мать, – цежу я через зубы. Хочется заорать, как тот прибор, что сейчас сигнализирует о том, что я отсоединила от себя датчики. Присоединить обратно я их не могу, остается только натянуть простынь и распластаться на больничной постели. Полежу немного, и, если никто не явится, наберусь сил на то, чтобы выйти самой.

Моя палата огромная, несмотря на то, что одноместная, здесь можно устраивать танцы. Возле широкой кровати с матрасом, таким мягким, что он напоминает облако, стоит кресло. Я принохиваюсь, и сквозь «лекарственные» запахи улавливаю аромат Рамона: он недавно был здесь, сидел в кресле. Его запах я ни с чьим не спутаю. На противоположной стороне плазменная панель, очевидно, для того, чтобы пациентам не было скучно проводить время в больнице. Но мне не сейчас не скучно.

Мне нужно поскорее увидеться с дочерью. Рамон сказал, что с ней все хорошо, и я ему верю, но я должна ее увидеть.

Медики появляются в палате через минуту, может, меньше. Донателла и доктор Васкес. С главным доктором стаи Микаэля я почти не общалась, но я его знаю.

– Тебе не нужно было перекидываться, Венера, – укоряет меня вервольф, когда возвращает на меня датчики. – В волчьем обличье процесс регенерации идет в разы быстрее.

– Я знаю, доктор, но так я по крайней мере не бессловесный зверь, и я не хочу пугать дочь. Могу я ее увидеть?

Я улыбаюсь, а доктор в замешательстве оглядывается на Донателлу.

– Позовите верховного старейшину, – просит он.

– Которого?

– Рамона, – раздражается мужчина. – Позовите Рамона.

Что это значит? Мой истинный дал какие-то указания? Или дочь с ним?

– В этом нет необходимости, – говорит Рамон, входя в палату. – Я здесь.

Сара не с ним – отмечаю я, и это как-то неправильно. Я гоню это чувство, потому что оно в принципе неправильное. Я жива. Моя дочь жива. Здорова. Я родила почти в срок, может, немного раньше, но это не критично. И Рамон здесь, рядом. Даже, наверное, успел подержать малышку на руках. Рассмотреть ее прекрасное крошечное личико. Чего и я очень хочу. Всем сердцем!

Рамон оказывается рядом с постелью и берет меня за руку, сжимает мою ладонь, крепко, но бережно.

– Я волновался, пена. – У него глухой голос, а вид донельзя уставший. Такой, какой бывает, когда не спишь всю ночь. – Безумно волновался за твою жизнь.

Его слова пробирают меня до дрожи, а в груди откликается тепло. Потому что, несмотря на усталость, Рамон смотрит на меня с нежностью и... грустью? Откуда, бесы меня забери, в его взгляде эта грусть? Или, вернее, почему?

Я плохо помню роды, да и весь вчерашний день. Боли было столько, что, наверное, разум просто повычеркивал наполненные ей фрагменты моей жизни. Но сейчас все это будто восстанавливается в моей памяти, показывая мне то, что я забыла. Или предпочла забыть. Так же кусочками. Например, как я выбрала дочь, когда Сураза сказала, что выживет одна из нас.

– Я ни о чем не жалею. Если бы было нужно, я бы выбрала то же самое. Жизнь Сары.

– Знаю. Я тоже.

Это он про то, что заставил меня перекинуться в волчицу? Сейчас я даже благодарна ему, потому что жить лучше, чем умереть, с этим не поспоришь.

Рамон целует мою руку и обращается к медикам:

– Как она?

Оказывается, у меня хорошие показатели, но с трансформацией я поторопилась, потому что у меня разошлись швы. Приходится выдержать все обязательные медицинские процедуры, прежде чем мы с Рамоном наконец-то остаемся одни. Наверно, когда я уже окончательно теряю терпение.

– Я хочу ее увидеть, – заявляю я. – Увидеть Сару. Ты же можешь ее принести ко мне? Это же не запрещено? Даже если запрещено... Я должна ее увидеть! – последнюю фразу я рычу, потому что то неправильное чувство возвращается. Оно как настойчивая, тревожная мелодия будильника, либо писк какого-то насекомого. Зудит и зудит. И все, что мне хочется, это избавиться от этого писка и от этой мысли.

Что с моей дочерью что-то не так.

Рамон смотрит прямо мне в глаза, и это внушает надежду. Надежду на то, что все хорошо.

– Об этом. С Сарой все в порядке. Она просто пока не здесь.

– Что значит «не здесь»?

Пазл щелкает в моей голове, и я вспоминаю о словах Альмы. О том, что верховные в обязательном порядке отдают своих детей. Вспоминаю, и у меня темнеет перед глазами.

– Ты отдал? Ты отдал нашу дочь!

Я порываюсь вскочить с постели, рискуя новыми швами, рискуя собой. Я должна встать и во всем убедиться. Убедиться, что это не злая жестокая шутка. Но Рамон мне не позволяет встать, удерживает, почти придавливая собой.

– Отдал? – рычит он, и в его темных глазах вспыхивают огненно-оранжевые искры звериной трансформации. – Что ты такое говоришь?

– О том, что у верховных не может быть детей! – выкрикиваю, выдыхая я ему в лицо. На секунду мне хочется, чтобы это тоже было шуткой. Ложью Альмы, а затем блондинки-имани или кто она там, бес ее заberi! Но Рамон широко распахивает глаза, и в них я читаю ответ.

Мы вообще прекрасно читаем друг друга. – Как ты мог? Как ты мог не сказать об этом? Что отдашь мою дочь!

– То есть ты думаешь, что я сам отдал Сару? – его голос будто угрожающее рычание. Предупреждающее. Но я его не боюсь. Он уже и так принес мне много боли. Куда больше? – Ты считаешь меня чудовищем?

– А разве нет? Ты и есть чудовище! Где она? Где моя доченька? За что ты продался? За власть? За возвращение своего статуса?

Я не выдерживаю и начинаю реветь. Слезы катятся по щекам, чувства душат меня изнутри, и в этот миг, когда я чувствую себя одинокой, когда я чувствую себя преданной, этот предатель обнимает меня.

Рамон укачивает меня как ребенка, прижимает к груди, по которой я колочу кулаками, пытаюсь освободиться.

Тщетно.

Поздно.

Я плачу так долго, что во мне не остается сил, а вместе с силами не остается слез.

– Она у Альмы, – говорит он, поглаживая меня по волосам. – Я ее верну, Венера. Обещаю тебе.

Обещает он! Конечно. Наобещал уже столько, что я устала от этой лжи. Только Волчий Союз ничего не возвращает. У них на все есть свои планы. На все и на всех.

– Видеть тебя не хочу, – заявляю устало, отворачиваюсь, всем видом доказывая свои слова.

Мы так близко друг от друга и так далеко. Сара была нашей нитью, тем светом, что нас связывал. Ее нет, и все разрушилось.

Все исчезло.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ушел?

Я не отвечаю. Куда уж действительно? Но когда Рамон, тяжело вздохнув, все-таки уходит, лучше не становится. Я лежу и пялюсь на белые больничные стены и купаюсь в своем горе. Хелен, да и любой психолог, меня бы сейчас похвалил, как я проживаю боль. Но сейчас мне кажется, что это та боль, которая меня окончательно доконает. Которую нельзя прожить.

Я все выдержала. Все смогла. Только не это.

С ней я и засыпаю. Проваливаюсь в дикий тревожный сон с кошмарами. В них я пытаюсь догнать тех, кто забрал Сару. Малышку, которую я даже не успела увидеть. Монстры!

Но когда я просыпаюсь, у меня в голове уже созрел план. План, как вернуть дочь. Поэтому, когда я после пробуждения обнаруживаю возле своей постели Альваро, во мне вспыхивает злой азарт.

– Я хочу видеть своего мужа, – говорю я, когда иссякают вопросы о моем самочувствии.

– Рамона? – поднимает брови парень.

– Рауля. У меня единственный муж.

Альваро ничего не понимает, но исполняет мою просьбу, и совсем скоро на пороге появляется муж. Я плохо помню свадебную церемонию, но Микаэль успел объявить нас супругами, так что это не ошибка.

– Венера? Как ты?

Рауль не сменил костюм, наверняка, последний раз брился перед свадьбой, ко всему прочему, у него уставший вид, но он садится в кресло рядом со мной и заключает мою ладонь в свои руки. Это прикосновение отзывается уколом в сердце, кажется чужим. Гораздо более чужим, чем родные объятия...

Не думать о том, как Рамон обнимал меня! Не думать о нем!

– Ужасно, – признаюсь я. – Не физически. Морально. Мою дочь забрали.

– Я знаю. Это ужасно.

– Скажи, верховные уже уехали? – От волнения я сдавливаю его руку.

– Почти все. Кроме Артура.

– Мне нужно с ним увидеться. Срочно. Сможешь устроить?

– Я просил никого к ней не пускать.

Я успеваю почувствовать приближение Рамона, но заставить его не приходить в мою палату не могу. Сейчас он бесцеремонно переступает порог моей комнаты и заодно мои личные границы. Вот кто выглядит по-настоящему усталым. Усталым и злым. Не холеный баловень жизни верховный, а потрепанный насмешками судьбы волк. Но почему-то этот образ идет Рамону больше, обнажает его звериную суть. Пугает ли это меня? По-прежнему нет. Я его не боюсь. Самое важное он у меня уже отнял.

За Рамоном мнется Альваро, ему же этот упрек и адресуется.

– Я просила встрече с мужем.

Это стоило сказать лишь для того, чтобы увидеть, как его перекосило от ярости. Впрочем, Рамон почти сразу берет себя в руки.

– Свадьба фальшивка.

– Разве? – хмыкаю я. – Альфа проводил церемонию, было много свидетелей, мы с Раулем поклялись любить и оберегать друг друга.

– Вы с Раулем? – Я даже слышу скрежет его зубов. Поделом тебе!

– Да, с моим мужем. По законам вервольфов теперь он мой муж.

– Это ненадолго, – обещает Рамон.

– Развод невозможен, – отрезаю я, глядя ему в глаза. – Если только Рауль от меня не откажется.

– Не откажусь, – подтверждает муж, руки которого будто окаменели, а сам он превратился в сгусток напряжения. Боевой готовности.

Рамон даже не смотрит в его сторону. Исключительно на меня.

– А еще ты можешь стать вдовой, – заявляет нежно мой истинный. Только он не истинный мне больше.

– Ты угрожаешь мне, Рамон? – Рауль поднимается из кресла.

– Даже не начинал. Пока что я даю тебе выбор.

Кажется, во мне все выгорело. Как еще объяснить, что мне все равно: подерутся они или нет? Да пусть хоть друг друга поубивают, мне действительно плевать. Это было бы страшно, если бы я все еще могла чувствовать.

– Я хочу поговорить с Артуром, – напоминаю я. Спокойно, равнодушно, холодно.

– Зачем? – спрашивает Рамон.

– Не твое дело.

Правда, не его. Нас больше ничего не связывает, и чем раньше он это поймет – тем лучше.

– Я приведу его, – сдается он первым. – Но буду присутствовать при разговоре.

– Пожалуйста, – пожимаю я плечами и морщусь от ноющей боли внизу живота. Все-таки регенерация идет медленнее, чем мне хотелось бы.

Рамон не нарушает своего обещания. Хоть в этом не нарушает! И возвращается с верховным через двадцать минут. Если совсем быть

занудой, то через двадцать две – я все время медитирую на часы на стене, поэтому замечаю это. Так мне хочется поскорее увидеться с Артуром.

В отличие от остальных, Артур побрился и переоделся, и выглядит свежим и отдохнувшим. Правда, нельзя сказать, что он в хорошем настроении. На свадьбе я запомнила его скучающим типом, сейчас же я ловлю его раздражение. Пока не понимаю, чем оно вызвано, но замечаю.

– Ты хотела меня видеть, Венера? – интересуется он после вежливого вопроса о моем здоровье.

– Да, я хочу, чтобы вы вернули мою дочь. Она не ребенок верховного старейшины Рамона Переса. Ее отец Рауль.

Не знаю, кто из присутствующих мужчин удивляется больше, но среди них хоть конкурс устраивай на самую изумленную морду!

– Венера! – рычит Рамон. – Ты что творишь?

– Возвращаю свою дочь, – собственный голос кажется мне тверже камня.

– Тебе стоило поговорить сначала со мной.

– Мне не о чем разговаривать с тем, кто вручил мою дочь Волчьему Союзу!

– Волчий Союз не имеет никакого отношения к похищению вашей дочери, Венера, – вмешивается Артур.

– Что?

Это заявление не вписывается в картину, которую я себе нарисовала.

– Хотя, – продолжает он, поморщившись, – к моему сожалению, мы долгое время не замечали змею под нашим боком.

– Вы сказали «похищение»? – Я настолько потрясена, что информацию доходит до меня с трудом.

– Да, ребенка похитила моя бывшая спутница. Альма. С помощью Франчески Суразы.

Альма? Доктор Сураза? Какой кошмар!

– Я с ней разговаривала, на свадьбе. Она мне дала визитку. Предки, она что отравила меня чем-то?

Эмоции снова оживают во мне, поднимаются яростной волной.

– Точно нет. Альфа Микаэль вместе с Рамоном успели провести маленькое расследование. Альма не стала бы рисковать ребенком,

потому что он был ей нужен живым и здоровым.

– Доктор Васкес предположил, что ты перенервничала, – добавляет муж.

– Что сыграло ведьмам на руку, – цедит Рамон. – Они хотели заполучить младенца, а тебя Сураза бросила умирать.

Вот как. А ведь я ей верила. Я доверяла ей свои тайны.

– Вы найдете ее? – спрашиваю у Артура. – Найдете Альму и мою дочь?

Меня тошнит от одной только мысли, что моя малышка в руках у этой сумасшедшей. Зачем она ей? Для чего? Но это и неважно. У Волчьего Союза такие ресурсы! Они мигом ее отследят!

– Только при условии, что Рамон вернется к своим обязанностям верховного старейшины.

Все поворачиваются к нему. К мужчине, которого я считала истинным. Наверное, надо было поговорить с ним. Запоздалая мысль, конечно, но надо было встряхнуть из него всю правду.

– Я умер, Артур. Ты нашел мне замену.

– Ты воскрес.

– Это не отменяет того, что я в отставке.

– Так не бывает. Верховные не уходят на пенсию.

– Считай мой случай уникальным.

Артур усмехается, будто его это забавляет. Этот разговор. Эта ситуация.

– Я найду ее за сутки. Подниму все свои связи и ресурсы. – Верховный верховных смотрит на меня. – Твоя дочь вернется к тебе в максимально короткий срок.

– Говорит тот, кто многие годы жил с сумасшедшей, и ничего не заметил. – Рамон спокоен внешне, но я его чувствую, чувствую его ярость.

– Не люблю допускать ошибки, а вот исправлять – да. – Улыбка верховного – слабое подобие радости, мне от нее становится не по себе. Но потом я вспоминаю альму и желаю ей всего, что бы ей ни приготовил Артур.

– Нет, – отрезает Рамон. – Мы не нуждаемся в помощи Волчьего Союза.

– Уверен?

– Полностью.

Что он творит?!

– Не решай за меня, – рычу я, но тут же стараюсь взять себя в руки. – Мы можем поговорить наедине?

– Я ждал этого предложения. Альваро, проследи, пожалуйста, чтобы этот разговор остался приватным.

Артур выходит сразу же, Рауля приходится убедить со мной расстаться, но я справляюсь и с этим, прямо сказав, что мне сейчас не до его упорства. Я чуть-чуть лукавлю, потому что Артур только что подарил мне надежду, и это придало мне сил. Сутки! Через сутки я увижу Сару. Нужно только убедить Рамона выполнить свой отцовский долг.

Дверь закрывается, шаги затихают, и мы с Рамоном бросаем одновременно:

– Рауль отец?!

– Почему ты отказался?!

Смотрим на друг друга выжидающе, и я отвечаю первой:

– А что я могла сделать? Если Союз отнимает детей у верховных, логично назвать отцом Рауля.

Рамон подходит к столику и наливает в бокал воды, а потом приносит мне. Сам садится в кресло, в котором недавно сидел Рауль.

– Я больше не верховный.

– Но почему? Почему ты не хочешь спасти мою дочь? Свою дочь!

– Я хочу ее спасти и спасу.

– Но ты отказался вернуться! – Что я там говорила про чувства, сейчас во мне их столько, что хочется вцепиться ему в горло. Поэтому я пью, чтобы не поддаться своим низменным звериным желаниям.

– Потому что это договор с бесом, Венера. Никого не обманет твоя сказка про Рауля. Соглашусь, и мы больше не увидим Сару. Артур станет ее искать только для себя.

– Через сутки...

– Он мастер вешать лапшу на уши. Альма пряталась от него годами, она руководит безликими, так что вряд ли так просто проколется.

– Ты это допустил, ты и исправляй, – я с шумом отставляю пустой стакан и скрещиваю руки на груди. – Если в тебе есть хоть капля любви к дочери, ты заключишь эту сделку. Ты пойдешь на нее...

Рамон оказывается возле меня раньше, чем я успеваю закончить свою речь. Он не касается меня, но смотрит так, будто касается взглядом. Обволакивает меня своей силой.

– Ты же понимаешь, пепя, что если это вернет тебе дочь, тогда мы не сможем быть вместе.

– Кто сказал, что я хочу, чтобы мы были вместе? – выдержать его взгляд непросто, но я выдерживаю.

Он дергается от моих слов, стискивает зубы, словно от боли, но все-таки отвечает:

– Ты.

Я вскидываю брови, и он объясняет:

– Ты однажды сказала, что хочешь, чтобы мы стали семьей.

– Я была наивной душой.

– Ты верила в нас. За двоих. Теперь я верю в нас. Тоже за двоих.

Как же я ждала этих слов. Все бы отдала за них.

Раньше.

А сейчас слишком поздно.

Я чуть не плачу снова от осознания этого «поздно». Но реальность перед глазами расплывается не из-за слез. Меня бросает в жар, и мир начинает терять краски, темнеть. Тело тоже немеет и отказывается меня слушаться.

Рамон, кажется, только этого и ждет, потому что бесцеремонно подхватывает меня на руки.

– Что ты делаешь? – едва ворочаю языком я.

– Похищаю тебя.

– Что?! Я не хочу.

– Знаю, Венера. Но я не уйду без тебя.

– Я тебя не прощу, – получается на удивление твердо, потому что мир окончательно размывается перед глазами, и я уже не вижу, куда лечу. Точнее, куда он меня несет. И последнее, что я слышу:

– Тоже знаю. Но сейчас это неважно. Сначала нам нужно найти дочь.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Мои дорогие читатели, история Рамона и Венеры продолжится в третьей книге! Им надо спасти дочь, а также разобраться не только со

злодеями, но и в своих отношениях. Прийти к любви и пониманию. Традиционно возьму себе небольшой перерыв, примерно до следующей недели. Обо всех новостях: что? где? когда? вы можете узнать в моих соцсетях. В телеграм-канале t.me/kseny_lita_books и в группе ВК <https://vk.com/meldenbert> Подписывайтесь на меня и узнавайте все новости! Люблю вас!

Ксения